

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Отдел культуры Брестского Райисполкома
Историко-мемориальный музей «Усадьба Немцевичей»

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Учреждение образования
«Брестский государственный технический университет»
Кафедра архитектурного проектирования и рисунка

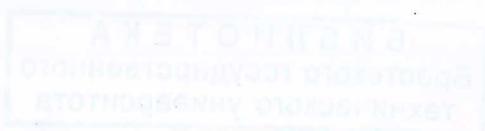
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА БЕЛАРУСИ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

II Международной научно-практической конференции

15 декабря 2013 г.

Брест 2013

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Власюк Н.Н., кандидат арх., доц., зам. директора БелНИИПградостроительства, Беларусь

Башков А.А., кандидат ист. наук, доц. кафедры истории славянских народов
БГУ им. А.С. Пушкина, Беларусь

Доклады международной конференции, посвящённой историческим событиям Первой мировой войны, фортификационным сооружениям, особенностям вооружения и обмундирования, подписанию мирного договора между Россией с одной стороны и Германией, Австро-Венгией, Турцией, Болгарией с другой стороны.

НАУЧНЫЙ КОМИТЕТ

Председатель:

Власюк Н.Н., канд. архитектуры, доцент, зам. директора УП «БелНИИПградостроительства»,
г. Минск, Беларусь

Члены комитета:

Гнатюк Сергей Павлович, канд. хим. наук, доцент кафедры научной и прикладной фотографии
института медиа технологий Санкт-Петербургского Государственного университета кино и телевидения,
г. Санкт-Петербург, Россия;

Папакин Артем Георгиевич, к.и.н., начальник отдела использования информации документов
Центрального государственного архива зарубежной украиники, г. Киев, Украина.

Первая мировая война на Беларуси. Сборник докладов. – Брест: Издательство БрГТУ, 2013. – 84 с.

ISBN 978-985-493-291-0

УДК 94 «1914/1918»

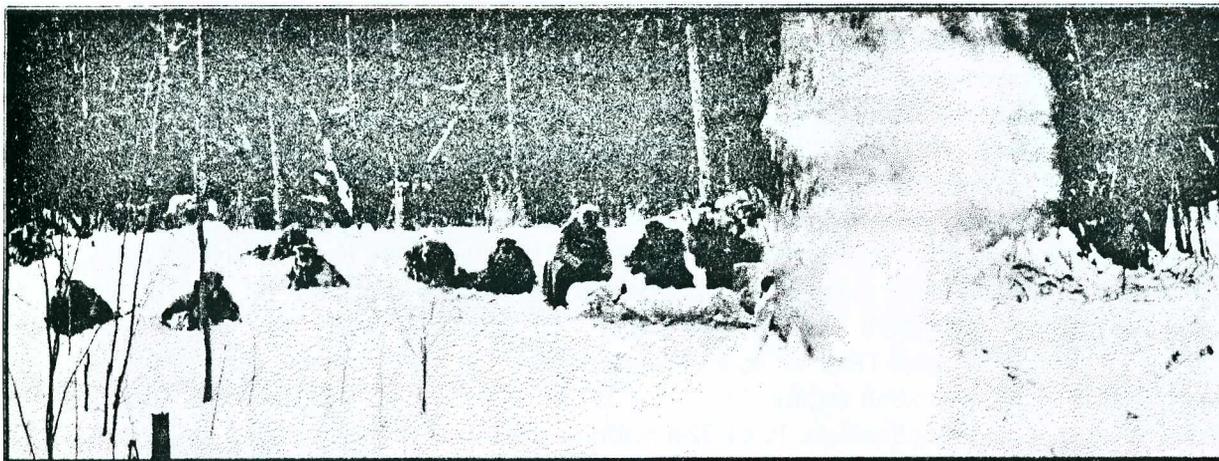
ISBN 978-985-493-291-0

© Издательство БрГТУ, 2013

ТЕРЕНТЬЕВ В.О.

Доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций, старший научный сотрудник историко-технического музея Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, командир военно-исторического клуба «199-й пехотный Кронштадтский полк», кандидат исторических наук, г. Санкт-Петербург, Россия

БОИ НА РЕКЕ СТРЫПА. ДЕКАБРЬ 1915 ГОДА

Осенью 1915 года немецкие и австрийские войска начали готовить операцию по захвату Сербии. К Центральным державам (Германия, Австро-Венгрия, Турция) присоединилась Болгария, желающая взять реванш за поражение во 2-й Балканской кампании. Переброска и сосредоточение войск начались в сентябре 1915 года. Одновременно на помощь Сербии были направлены войска Антанты. 3 (16) октября сербский наследник престола

телеграфировал русскому императору просьбу о помощи. 5 октября в Салониках начал высаживаться англо-французский экспедиционный корпус. Однако его высадка затянулась на два месяца. 7 октября австро-германские войска атаковали сербские позиции. 9 октября пал Белград. 15 октября во фланг Сербской армии ударили болгарские войска. Несмотря на техническое и численное преимущество, Центральным державам не удавалось быстро разгромить Сербскую армию. Упорно сопротивляясь, сербы медленно отходили под натиском врага, ожидая помощи от Российской империи. К 1 ноября было оставлено около половины сербской территории. После длительных раздумий Генштабом было принято решение о прорыве к Сербии через Карпаты. Для этого была сформирована 7-я армия генерала Щербачева. В нее вошли четыре армейских, кавалерийский корпуса, Туркестанская бригада и гвардейский отряд. Все войска были переброшены с Северного и Западного фронтов, доукомплектованы и дислоцированы на р. Серет. Задача армии ставилась по прорыву полосы обороны германской Южной армии на реке Стрыпа совместно с силами 9-й армии в Буковине. К моменту сосредоточения русских войск (конец ноября) сербские войска удерживали за собой лишь небольшой участок на границе с Албанией и Черногорией. Англо-французский корпус вел бои в южной Македонии и на греко-болгарской границе. К началу наступления русской императорской армии (14 декабря) сербская армия, сдерживая арьергардными боями противника, с беженцами и пленными австрийцами через горные перевалы отходила в Черногорию и Албанию. Экспедиционный корпус Антанты закончил разгрузку в Салониках и вступил в бой в полном составе. Задача прорыва и спасения Сербии потеряла свою актуальность. Количества сосредоточенных для прорыва войск 7-й армии было явно недостаточно для столь дальнего перехода.

Войска 7-й армии состояли из 4 армейских и 1 кавалерийского корпусов (всего 8 пехотных и 4 кавалерийских дивизий), 9-й армии – из 4 армейских и 1 кавалерийского корпусов (всего 8 пехотных и 5 кавалерийских дивизий). В резерве Юго-Западного фронта оставались 2 гвардейских, армейский и гвардейский кавалерийский корпуса (всего 6 пехотных и 3 кавалерийских дивизий). Против них действовали Южная австро-германская армия (9 пехотных, 1 кавалерийская дивизии) и 7-я австро-венгерская армия (6 пехотных, 3 кавалерийские дивизии).

В резерве австрийцев на Черновицком направлении было две пехотные дивизии. Распределение сил было следующим: в 7-й армии – 2 пехотные и 2 кавалерийские дивизии на передовой, 6 пехотных и 2 кавалерийские дивизии – наступательная группа; в 9-й армии все силы, кроме 1 пехотной и 1 кавалерийской дивизий, находились на передовой. У противника треть всех войск находилась в тылу, на случай оказания помощи. Таким образом, на 16 пехотных и 9 кавалерийских русских дивизий у немцев приходилось 15 пехотных и 4 кавалерийские дивизии. Решающего превосходства для проведения наступления у Юго-Западного фронта не было.

14 (27) декабря 1915 года 9-я армия перешла в наступление. На Черновицком участке в районе Топоровце и Раранче (Редковцы) австро-венграми была создана мощная система обороны. Село Топоровце представляло собой хорошо подготовленный узел обороны. В 2 километрах восточнее села проходила передовая оборонительная позиция (4-5 линий траншей, 10-15 рядов заграждений). Главный рубеж (до 9 линий траншей, 20-25 линий заграждений) проходил по западному берегу реки Хукив западнее села. Тыловой рубеж (3-4 линии траншей, 5-15 линий заграждений) проходил по высотам 309, 305 в 2 километрах западнее села. Вспомогательный рубеж состоял из отдельных укрепленных позиций (5-20 линий траншей и заграждений) на высотах 326 и 359 в 5-9 километрах западнее села. К началу операции эти позиции занимала 202-я пехотная бригада австро-венгров. Позиция Раранче была еще более крепкая. Передовой рубеж располагался на высотах 295 и 270 восточнее села с возможностью ведения флангового огня. Главный рубеж – по западному берегу реки Хукив. Тыловой рубеж проходил в 1,5 верстах западнее Главного по восточным склонам гор и центральной, возвышенной части села. Вспомогательный рубеж охватывал высоты 290, 302 и 351 в 2-9 километрах западнее села. 41-й, 11-й и 12-й армейские корпуса атаковали противника. 19-я и 32-я пехотные дивизии вели упорный бой в направлении Раранча (Редковцы). 73-й, 76-й и 126-й полки преодолели по 25 рядов колючей проволоки под огнем врага. Австрийцы, выдвинув резервы, неоднократно контратаковали наши части, но были отбиты с большими потерями.

15 (28) декабря 1915 года 9-я армия продолжала штурм линии обороны противника. 7-я армия и 33-й армейский корпус 9-й армии, выдвинув вперед сильную разведку, начали движение с Серета на Стрыпу. На участке 82-й пехотной дивизии на прорыв были выдвинуты 2-й армейский и 5-й Кавказский корпуса. В ходе передвижения только 5-й Кавказский корпус замерзшими, заболевшими, убитыми и ранеными потерял свыше 5 тысяч человек. К исходу дня 3-я и 4-я Финляндские дивизии вышли к передовым рубежам немецкой линии обороны.

16 (29) декабря 1915 года три корпуса 9-й армии продолжали «прогрызать» проволочные заграждения немецкой линии обороны на Черновицком направлении. 7-я армия силами 22-го, 2-го армейских и 5-го Кавказского корпусов атаковала австрийские позиции. В ходе ожесточенных боев активно продвинуться вперед удалось лишь основным силам 2-го корпуса (26-я и полк 43-й пехотных дивизий) на направлении Хмелевка – Гайворонка, Вишневецк. Здесь наступающие войска попали под фланговый огонь врага.

17 (30) декабря 1915 года 9-я армия продолжала штурмовать вражескую оборону. На участке 7-й армии 22-й и 2-й армейские корпуса в ожесточенных боях захватили по 1-2 линии австрийских траншей.

18 (31) декабря 1915 года 9-я армия продолжала штурмовать австрийские позиции. На участке 33-го армейского корпуса наши войска прорвали передовую оборону австрийцев и захватили село Устечко, выбив противника за Днестр. В прорыв была введена Сводная кавдивизия 3-го конного корпуса. На участке 7-й армии 22-й и 2-й армейские корпуса с боями продвигались вперед и заняли еще 1-2 линии траншей врага.

19 декабря 1915 года (1 января 1916) в районе Раранчи 12-му армейскому корпусу удалось прорвать передовую линию обороны врага и овладеть господствующими высотами на подступах к главной оборонительной полосе. В ходе боев было захвачено в плен 855 солдат и 15 офицеров 11-го армейского корпуса Австро-Венгрии. Трофеи составили 3 пулемета и 1 бомбомет. На участке 7-й армии русским войскам так же удалось прорвать первую линию обороны и заставить противника отходить. 3-я Финляндская дивизия в районе Гайворонка, преследуя отходящего противника, ворвалась на мост через Стрыпу и захватила его неповрежденным. Основные силы 2-го армейского корпуса, действуя от Вишневецка до Доброполе, захватить высоты восточнее Саповой не смогли.

20 декабря 1915 года (2 января 1916) 11-й и 12-й армейские корпуса 9-й армии вели ожесточенные бои с 11-м корпусом австро-венгерской армии за Топоровец и Раранчу. Противник, перебросив сюда резервы, неоднократно контратаковал. В ходе боев взято в плен 766 солдат и 16 офицеров врага. 7-я армия приостановила наступление на пристрелку артиллерии и была контратакована подошедшими резервами противника. На всех участках наступления 7-й армии были отражены по несколько контратак 7-й австро-венгерской и Южной немецкой армий.

21 декабря 1915 года (3 января 1916) 9-я армия захватила ряд траншей передовой и главной линий обороны и вела бои по овладению Раранчей. Австрийцы провели несколько мощных контратак, отбить которые удалось только при поддержке огня артиллерии. На участке 7-й армии после мощной артподготовки 22-й, 2-й армейские и 5-й Кавказский корпуса вновь атаковали врага. В ходе ожесточенной атаки 43-й пехотной дивизии удалось прорвать главную линию обороны австрийцев и захватить высоты в 1-1,5 верстах восточнее Стрыпы на участке Киданов –

Бобулинце. Первый успех на участке 5-го Кавказского корпуса: 2-я Финляндская дивизия прорвала передовой рубеж обороны противника на участке высота 370 – Пилява. В направлении Белавенца финляндцам удалось ворваться в австрийские окопы главной линии в 2 верстах восточнее села и удержать их в ходе контратак. 4-я Финляндская дивизия ведет упорный бой за Прживуховце (Дружба).

22 декабря 1915 года (4 января 1916) 9-я армия продолжала вести бои по расширению участка прорыва главной оборонительной полосы противника на участке 11-го и 12-го корпусов. Захвачен ряд траншей. Было отбито несколько австрийских контратак. Захвачено 1043 солдата и 18 офицеров пленными. Трофеи – 4 пулемета. 2-й армейский и 5-й Кавказский корпуса 9-й армии были контратакованы подошедшими резервами врага. Были отбиты все контратаки. Русские войска продолжали закрепляться на захваченных позициях.

23 декабря 1915 года (5 января 1916) из района Бояна австрийцы нанесли контрудар во фланг вклинившейся группировке 12-го армейского корпуса в Раранче. Контрудар был отбит. Захвачено в плен 1175 солдат и 20 офицеров противника. Трофеи – 3 пулемета. Русские войска перешли к закреплению позиций. 7-я армия вела огонь по противнику, готовясь к новому броску.

24 декабря 1915 года (6 января 1916) на участке 12-го армейского корпуса австрийцы использовали отравляющие газы, под прикрытием которых перешли в контрнаступление. В ходе ожесточенных боев русские войска отбили все контратаки и отбросили противника на исходный рубеж. 7-я армия вела перегруппировку войск и огонь по противнику. На участке Киданов – Бобулинце 3-я Туркестанская бригада сменила понесшую большие потери в ходе прорыва обороны врага 43-ю пехотную дивизию 2-го армейского корпуса. Дивизия отведена в резерв армии, в Буданов. 26-я пехотная дивизия отведена на рубеж Вишенка – Доброполе. На позиции у Маковой горы оставлена 3-я Финляндская дивизия.

25 декабря 1915 года (7 января 1916) австрийцы перебросили на участок прорыва русских войск 30-ю пехотную дивизию и утром всеми силами контратаковали позиции 11-го и 12-го армейских корпусов. Одновременно были предприняты атаки и на участке 41-го армейского корпуса. В ходе ожесточенных боев все атаки врага были отбиты, позиции удержаны. Захвачено в плен 300 солдат и 14 офицеров противника. Трофеи – 2 пулемета. В 7-й армии 3-я Туркестанская бригада атаковала противника. Она прорвала оборону врага, захватила высоты и гору Бобулинцы, и, ведя ожесточенный бой за укрепление северо-восточнее Осовцы, форсировала Стырь севернее Бобулинцы. Были захвачены в плен около 1000 солдат и 17 офицеров врага. Трофеи составили 8 орудий и 3 пулемета. Это был полный прорыв австрийской обороны! Но поддержать успех бригады было нечем. Войска 2-го корпуса были отведены и вели пассивные боевые действия. 16-й армейский корпус только начал движение. Австрийцы перебросили на участок прорыва резервную 38-ю гонведскую дивизию и контратаковали туркестанцев.

26 декабря 1915 года (8 января 1916) на участке 9-й армии наступление русских войск было остановлено. Всего пройдено 3-5 верст, захвачены первая и часть главной полос обороны. 11-й и 12-й корпуса занимают восточный берег реки Хукив. В 7-й армии 3-я Туркестанская бригада ведет ожесточенный бой с превосходящими силами врага на высотах горы Бобулинце. Австро-германские войска неоднократно атаковали и даже сбрасывали туркестанцев с высот, но последующими контратаками стрелки возвращали свои позиции. На подходе находился 16-й армейский корпус, но приказанием командования 7-й армии атаки на участке 2-го корпуса были прекращены. Туркестанская бригада оставила невозвращенные высоты и заняла позиции в районе Доброполе.

27 декабря 1915 года (9 января 1916) 2-й армейский корпус с 3-й Туркестанской бригадой и 5-й Кавказский корпус были сменены 16-м армейским корпусом (47-я и 41-я пехотные дивизии соответственно заняли их позиции). 5-й Кавказский корпус, понесший большие потери и не добившийся особых успехов, был выведен в резерв 7-й армии. 2-й армейский корпус переброшен на участок 33-го армейского корпуса 9-й армии, где Заамурские пограничники при поддержке Сводной кавдивизии успешно продвинулись на 4-5 верст и в некоторых местах выбили австрийцев с первой линии обороны. Развернувшись от Пржибуховцев до Дитячи, корпус приготовился к штурму, но получил отбой из штаба фронта. Наступление было прекращено. 33-й армейский корпус 9-й армии был передислоцирован на участок Днестра от Дитячей до Серета.

31 декабря 1915 года (13 января 1916) австрийцы подготовили новую линию укреплений в местах прорыва русских войск и в невыгодных местах оставили траншеи, которые были заняты силами 7-й армии. На участке Доброполе австро-германскими войсками была предпринята попытка удара во фланг и окружения 3-й Финской дивизии, находящейся в районе Маковой горы. 47-я пехотная дивизия успешно отразила две атаки врага из района Сапова – Бобулинцы.

Всего за 11 дней боев 7-я и 9-я армии потеряли убитыми и ранеными 511 офицеров и 46292 нижних чина. Русскими войсками были захвачены большие трофеи и до 7 тысяч пленных. Продвижение русской армии составило от 2 до 7 километров. Задача помощи Сербии была не выполнена. Через полгода в этих местах пройдет знаменитый Брусиловский прорыв.

ПАПАКИН А.Г.

Кандидат исторических наук, сотрудник Киевского национального университета имени Тараса Шевченко,
г. Киев, Украина

УСЛОВИЯ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА УКРАИНЫ С ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ДЕРЖАВАМИ В ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1918 ГОДА

Процесс создания независимых польского и украинского государств в ходе революционных событий 1917–1918 гг. поставил вопрос о границах между этими государствами. Польские политики, которые на протяжении Первой мировой войны боролись не столько за создание нового государства, сколько за воссоздание древней Речи Посполитой, пытались восстановить её в границах до 1772 г. Часть же политических деятелей, среди них сторонники Ю. Пилсудского, не выступали против существования независимой Украины, но считали, что по крайней мере Холмщина и часть Волыни должны были войти в состав польского государства [8, с. 42–46]. Похожее мнение имели и польские политики, жившие в Украине – на их взгляд, Украина должна была отречься от любых претензий на Подляшье, Холмщину, Восточную Галицию и западную часть Волыни, "необходимых для включения в границы Польши по стратегическим взглядам" [13, р. 40–41]. Тем временем, до ноября 1918 г. польское государство существовало лишь в виде ограниченного до оккупированных немцами и австро-венграми земель Царства Польского, где манифестом 5 ноября 1916 г. было провозглашено Польское королевство, зависимое от оккупантов. 23 января 1917 г. в составе правительства королевства – Временного государственного совета – был создан Департамент политических дел (с 31 января 1918 – Государственный департамент), одним из заданий которого была международная деятельность [12, с. 33, 36], но фактически Польское королевство не имело права на это.

Украинские же политики стремились охватить границами украинского государства максимум земель, населённых украинцами. По III Универсалу Украинской Центральной рады (19 ноября 1917) провозглашённая Украинская Народная Республика (УНР) должна была включать на западе, в частности, Волынь, а по поводу Холмщины в универсале было сказано, что здесь граница "должна быть установлена по согласию организованной воли народов" [3, с. 140].

22 декабря 1917 г. в Бресте начались переговоры между УНР и Центральными державами о мире [3, с. 172], одним из пунктов обсуждения которых стал вопрос о западной границе Украины. В частности, одним из условий подписания мирного договора украинская делегация поставила присоединение к УНР Холмщины и Подляшья – земель, населённых как украинцами, так и поляками [3, с. 216, 217]. Польский Государственный департамент добивался у немцев согласия на участие в переговорах по этому вопросу, который непосредственно касался судьбы польского народа, но безрезультатно [12, с. 38]. Будучи заинтересованными в ликвидации своего Восточного фронта и в продовольственной помощи со стороны Украины, Германия и Австро-Венгрия были вынуждены принять украинские территориальные претензии, и 9 февраля 1918 г. был подписан Брестский мирный договор УНР с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, по условиям которого под власть УНР переходили земли на восток от линии Билограй – Щебрешин – Красновостав – Пугачев – Радин – Межиречье – Сарнаки – Мельник – Высоко-Литовское – Каменец-Литовский – Пружаны – Выгоновское озеро с примечанием, что "в подробностях эту границу определит смешанная комиссия, принимая во внимание этнографические отношения и желание населения" [7, с. 113].

Холмщина, таким образом, была присоединена к Украине без малейшего согласия на это местного польского населения, и это вызвало большую волну протестов поляков в Польском королевстве и Галиции; говорили даже о 4-м разделе Речи Посполитой. Но протесты были направлены не против Украины, а против оккупационной политики Германии и Австро-Венгрии, которые за спиной поляков решали их судьбу. В ночь на 16 февраля 1918 г. в знак протеста против передачи Холмщины Украине на российскую сторону фронта перешла часть Польского вспомогательного корпуса австро-венгерской армии [См. 6, с. 106–115]. 19 февраля 1918 г. к украинскому правительству было направлено заявление за подписью премьера государственного совета Яна Кухажевского, в котором польское правительство выразило надежду на установление дружественных отношений с Украинской республикой и заявило, что не признаёт условий договора, подписанного без участия польской стороны [2, с. 6].

Однако об установлении таких отношений говорить было рано. Украина прекрасно осознавала своё преимущество в "холмском вопросе" и полную зависимость политики Польского королевства от воли Германии, поэтому не спешила общаться с представителями Польши. Польша также решила обратиться для решения этого вопроса к Центральным державам. Польские политики в Австро-Венгрии давили на свои правительственные круги для того, чтобы не допустить установления фактической власти УНР в Холмщине, пытались ограничить украинское влияние хотя бы до линии реки Буг. В результате австро-венгерское командование не допустило туда назначенного украинским правительством губернского старосту Холмщины и Подляшья Александра Скорописа-Йолтуховского, представителей греко-католического и православного духовенства [4, с. 155]. Вопрос Холмщины вынудил австро-венгерское правительство затягивать и саму ратификацию Брестского договора, и для украинской власти появилась опасность потери западных окраин, обещанных ей условиями Брестского мира. А. Скоропис-

Йолтуховский сообщал министру иностранных дел Украинской Державы Д. Дорошенко в августе 1918 г., что "если мы даже потеряли сам Холм и всю оккупированную австрияками Холмщину, но на немецкой оккупации можем хоть кусочек земли на запад от Буга удержать в своих руках – я останусь здесь, чтоб хоть этот кусочек от нас не убежал" [1, оп. 3, д. 1, л. 123]. Он соглашался, что, в случае необходимости, нужно отступить в пользу Польши некоторые упомянутые в Брестском договоре населённые пункты, где православное население находилось в значительном меньшинстве [1, л. 124–125]. Но Германия не поддерживала польских требований и австрийской политики в этом вопросе, поэтому во время визита председателя Совета министров Украинской Державы Ф. Лизогуба в сентябре 1918 г. в Берлин немцы заявили, что намереваются придерживаться условий Брестского договора [4, с. 157]. Фактический статус Холмщины оставался неопределённым до конца пребывания там австро-немецких вооружённых сил.

Тем не менее, польская сторона сделала первые шаги и на пути к установлению отношений с Украиной. Ещё в рапорте от 1 июня 1918 г. директору Государственного департамента сообщали о срочной необходимости открытия отделения департамента в Киеве "с разрешения Центральных держав, или без такого разрешения" [10, s. 59]. Автор рапорта Роман Кнолль сообщал, что следует начать переговоры с Украинской Державой на условиях отречения поляков от Волыни, но при условии отказа Украины от условий Брестского мира, подписанного без участия поляков [10, s. 60]. В другом рапорте Р. Кнолль сообщал, что поскольку украинское правительство имеет претензии на всю Восточную Галицию, Холмщину и Подляшье, "для того, чтобы при помощи непосредственного торга получить для нас окончательную границу, нужно для начала выставить условия, идущие значительно далее" и выдвинуть претензии на всю Волынь; Р. Кнолль советовал в ультимативной форме добиваться признания за Польшей как минимум правобережья Буга, а "польскость Холмщины и польскость Львова не должны естественно представлять никаких сомнений" [10, s. 63]. Он подчёркивал, что "было б для нас несравненно полезно, если б мы дело границ с Украиной могли решить полюбовно, без вмешательства Центральных держав" [10, s. 64].

В начале октября 1918 г. в Киев прибыл польский посланник Станислав Ванькович, который, впрочем, не получил никаких инструкций о своей работе в Украине. 8 октября состоялась беседа С. Ваньковича с министром иностранных дел Украинской Державы Д. Дорошенко, в которой польский посол выразил пожелание установления границ между двумя государствами без вмешательства Австро-Венгрии и Германии [9, s. 135]. В конце октября – начале ноября Р. Кнолль прислал проект инструкции для польского представительства в Украине, в котором условия Брестского мира уже вообще не упоминались. Как говорил документ, "границей наших непосредственных интересов на восток является граница Польши до разделов" [10, s. 67]. 7 ноября 1918 г. состоялась встреча польского посла с гетманом П. Скоропадским, во время которой стороны продемонстрировали согласие решать любые вопросы путём переговоров [9, s. 135].

Украина также предприняла некоторые шаги на пути к основанию постоянного представительства в Польше: 19 октября было принято решение о создании там посольства II разряда (посольства I разряда создавались в союзных Центральных державах), а по закону от 6 ноября 1918 г. в Варшаве должны были также основать генеральное консульство, а в Лодзи – вице-консульство [1, оп. 1, д. 34, л. 98, д. 57, л. 6; 5, с. 75]. Однако назначенный послом в Польшу Александр Карпинский на место назначения не прибыл, поскольку в Украине поднялось восстание против гетмана [5, с. 77].

С ноября 1918 г., перед лицом неизбежного поражения Центральных держав в Первой мировой войне, фактор условий Брестского мира в отношении границ между Польшей и Украиной перестаёт иметь какое-либо значение. Польская и украинская власти начинают овладевать спорными территориями силой. 5 ноября 1918 г. П. Скоропадский просит немецкое командование прислать воинские части в Холм и небольшой украинский отряд в Брест, чтобы охранять западные границы Украинской Державы, но безрезультатно [4, с. 159]. Уже 2 ноября группа подпольщиков из Польской военной организации освобождают от австрийцев Холм, где вскоре установилась польская власть, 2–3 ноября устанавливают свою власть в Хрубешове, а позже распространяют её и на восток от Буга [11, s. 84, 85]. Таким образом, конец Первой мировой войны, капитуляция Центральных держав привели к аннулированию Брестского мирного договора в польско-украинских отношениях. Ликвидировав проблему соблюдения условий этого договора, касающихся границ, Польша и Украина переходят в ноябре 1918 г. к вооружённому конфликту за спорные территории.

ИСТОЧНИКИ

1. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України, м. Київ. – Ф. 3766 "Міністерство закордонних справ Української Держави".
2. Archiwum Akt Nowych, zespół "Ministerstwo Spraw Zagranicznych", sygn. B 23344–7007.

ЛИТЕРАТУРА

3. *Дорошенко, Д.* Історія України 1917–1923 рр. – К.: Темпора, 2002. – Т. 1. Доба Центральної Ради. – 320 с.
4. *Дорошенко, Д.* Історія України 1917–1923 рр. – К.: Темпора, 2002. – Т. 2. Українська Гетьманська Держава 1918 року. – 352 с.
5. *Заруда, Т.* Становлення та основні напрямки зовнішньої політики Української Держави // Останній гетьман. Ювілейний збірник пам'яті Павла Скоропадського. – К.: Академпрес, 1993. – С. 66–82.

6. Папакін, А. 2-й Польський корпус в Україні (березень – травень 1918 р.) / А. Г. Папакін // Вісник Київського славистичного університету. Серія: Історія – 2007. – № 32. – С. 106–115.
7. Христюк, П. Замітки і матеріали до історії української революції. 1917–1920 рр.– Відень, 1921. – Т. 2. – 204 с.
8. Czubiński, A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918–1921. – Opole, 1993. – 315 s.
9. Jabłoński, H. Polska autonomia na Ukrainie. 1917 – 1918. – Warszawa, 1948. – 165 s.
10. Koko, E. Dokumenty z dziejów polityki polskiej w kwestii ukraińskiej (maj-grudzień 1918) // Teki archiwalne. — Warszawa, 1996. Seria nowa. T. 1(23). – S. 57–80.
11. Łossowski, P. Jak Feniks z popiołów. Oswobodzenie ziem polskich spod okupacji w listopadzie 1918. – Łowicz: Mazowicka Wyższa Szkoła Humanistyczno-Pedagogiczna, 1998. – 287 s.
12. Nowak-Kiełbikowa, M. Początki krajowej służby dyplomatycznej // Rok 1918. Odrodzona Polska w nowej Europie / red. A. Ajnenkiel. – Warszawa: NERITON, Instytut Historii PAN, 1999. – S. 30–43.
13. Ukraine and Poland in Documents. 1918–1922 / ed. by T. Hunczak. – New York, Paris, Sydney, Toronto, 1983. Part I. – 456 p.

БОРИСЮК Ю.В.

Специалист в сфере охраны историко-культурного наследия, г. Кобрин, Беларусь

КОБРИНЩИНА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

С первых дней войны в западных губерниях Российской империи было введено военное положение. Устанавливался жесткий военно-политический режим. В Кобрине, который считался стратегически важным пунктом, поскольку здесь проходила железная дорога, сразу были введены военное положение, комендантский час и удлинённый рабочий день. 6 августа началась мобилизация.

27 июля, еще до вступления России в войну, особый комитет при управлении Полесских железных дорог принял специальный документ, который содержал положения по борьбе с забастовками, проверке благонадежности рабочих, увеличении количества жандармских патрулей, формировании запаса квалифицированных машинистов и их помощников и др.

Российские власти делали некоторые шаги с целью предотвращения спекуляции. Так, главный начальник Минского военного округа барон Рауш 13 августа 1914 г. подписал постановление «О действиях, наказуемых по законам военного времени». В нем говорилось о запрете чрезмерного повышения цен на продукты первой необходимости и продажи их по ценам, выше, чем таксы, устанавливаемые местными городскими и земскими постановлениями по согласованию с губернаторами. Запрещалось также сокрытие и приобретение пищевых продуктов и фуража с целью искусственного повышения их стоимости.

Летом 1915 командующий Северо-Западным фронтом генерал Алексеев вынужден был выводить с территории Польши 7 русских армий, попавших там в окружение. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич приказал генералу оставлять за собой «выжженную землю». О трудностях, с которыми сталкивались немецкие войска в связи с такими акциями, свидетельствуют воспоминания генерала Людендорфа: «Одежда и обувь изнашивались, подвоз провианта становился тяжелым, зданий для размещения войск на постой было очень мало, потому что русские при отступлении систематически сжигали или уничтожали все пищевые запасы и постройки. Скот они гнали с собой и потом бросали подыхать около больших дорог. Если население мешало движению войск, то его сгоняли в болото... Укрепление позиций и строительство жилья были сложными из-за плохого железнодорожного сообщения. Жизнь на фронте была мучительной. Русские везде вдребезги разрушили железную дорогу».

Главный начальник снабжения армий Северо-Западного фронта генерал М.А.Данилов еще в июле 1915 потребовал от губернаторов Житомира, Холмска и Люблина «срочно принять энергичные меры» для освобождения от беженцев Ковельского, Владимирско-Вольнского, Холмского, Люблинского и других уездов и направлять их в Кобринский и Пружанский уезды Беларуси. Но не по железной дороге, а по обычным дорогам, чтобы не мешать военным перевозкам.

9 июля руководство союза городов, земского союза и ковфимановского лазарета телеграфировали из Кобрина генералу Данилову о проведенной подготовке к приему беженцев (были организованы кормление, санитарный осмотр, амбулаторный прием и др.). Вместе с тем, с тревогой сообщалось о большом количестве народа и ежедневном прибытии все новых и новых партий. С целью предупреждения инфекционных болезней высказывалась просьба не допускать дальнейшего прибытия беженцев в Кобрин, а направлять их по железной дороге в Пинск. 11 июля Данилов просил начальника Минского военного округа отдать срочное распоряжение о подготовке новых районов для концентрации беженцев в Смоленской и Могилевской губерниях и о перемещении части их из Кобринского и Пружанского уездов по железной дороге в новые районы.

Русские войска имели полномочия реквизировать все более-менее необходимое и ценное на оставленной беженцами территории. Сначала у беженцев забрали всю скотину, а когда те садились в поезда, то и лошадей. Люди покидали родные места не только по принуждению, но и под воздействием пропаганды о зверствах

противника. Немцы пытались помешать движению населения. В июне 1915 г. на стан беженцев, расположившийся за 8 верст от Кобрин, германский аэроплан сбросил несколько бомб.

17 августа 1915 г. в Пружанах в толпу беженцев около продовольственного пункта также были сброшены немецкие бомбы. Погибло около 30 человек, много домашних животных, в т.ч. лошадей. В июле-августе, когда фронт приблизился к г. Кобрину, многие горожане покинули свои дома.

Наступление немецких войск на Брест-Литовском направлении возглавляли Гальвиц, принц Леопольд Баварский и Макензен. Еще ранее армия Макензи была разделена на 11-ю и «Буг». Уже 18 августа генерал-фельдмаршал фон Макензен подошел к Брест-Литовску. К востоку от него, на территории современного Кобринского района, русская армия вела упорные бои. Однако уже 22 августа 1915 г. Кобрин был взят армией «Буг». О потерях противника свидетельствуют кладбища немецких солдат в деревнях Полятичи, Тевли, Каташи, Болота, Бородичи, Изабеллин.

Во время оккупации Кобрин была издана серия открыток на немецком языке с видами города. На одной из открыток надпись: «Походный книжный магазин армии «Буг» в Кобрине». Город был так быстро захвачен немцами, что русские войска не успели ничего уничтожить. Сгорели только мост, часть улицы Гончарной (современная Пролетарская) и торговые ряды (рынок), что отражено на одной из открыток. На улицах Брестской (современная Советская), Восточной (Первомайская) и Победы (Ленина) не видно никаких разрушений.

На оккупированной территории Кобринского уезда имели место факты мародерства. Кобринский уезд стал этапным районом армии «Буг». Немцы начали администрирование захваченных земель, которые были разделены на округа, а последние - на уезды. Начальники уездов управляли только технически - административными и хозяйственными делами, на судебные органы они не имели никакого влияния. Уездным начальникам подчинялись бургомистры маленьких городов и волостные начальники. В каждом уезде были специальные чиновники, которые наблюдали за обработкой земли и заботились об увеличении производства, а также жандармерия и суд для местного населения. Бургомистром Кобрин был назначен Мыдляр - бывший преподаватель немецкого языка в гимназии.

В первые дни оккупации началась общая конфискация у населения медной посуды. Тогда же был снят с памятника в честь победы 1812 года большой бронзовый орел. Проводились реквизиции скота, лошадей, вырубался лес, рыбная ловля во многих местах была сдана в аренду. Немцы пытались развернуть большую сельскохозяйственную деятельность, но урожайность земли была низкая, и только клевер, травы, рапс и лен принесли хороший урожай. Крестьяне прятали скот, когда оккупанты начали его переписывать.

Чтобы не падал курс марки, немцы ввели на оккупированных землях особые денежные знаки главнокомандующего Востоком, а также свою систему налогов. Она состояла из пошлин, косвенных налогов и монополий. Был введен налог на недвижимость, которым облагались землевладельцы и домовладельцы, а также промышленный налог. Из общей суммы налогов, включая и коммунальные услуги, на каждого человека приходилось по 19,5 марки.

Торговля продвигалась медленно, так как мешал запрет на свободное перемещение по стране. Немецкие власти пристально следили, чтобы не было шпионажа.

В Кобрине, как и в Бресте, в период немецкой оккупации началось становление украинской администрации. На карте УНР город Кобрин отражен в границах украинского государства. После ухода немцев украинцы не смогли дать отпор польским войскам.

Каковы же итоги Первой мировой войны на Кобринщине?

Материальные и экономические потери были подсчитаны новой польской администрацией, я бы хотел немного остановиться на иных потерях Кобринщины.

Не берусь однозначно утверждать, каков процент населения выехал вглубь России - это тема для отдельного глобального исследования. Много наших земляков так и осталось в глубинке России.

С отступлением фронта русские вывозили ценности. Вывозили церковные ценности, даже купола с церквей снимались и вывозились. Кобринским городским старостой был вывезен городской архив, который мы ищем до сих пор. У Паустовского есть рассказ о том, как из Кобрин вывозили еврейского цадика.

То, что не удалось эвакуировать русским - вывозили немцы. Как уже говорилось, и двуглавого орла с памятника 1812 года тоже вывезли.

Только многочисленные военные кладбища оставила эта война, причем по разным причинам не все они сохранились. Когда польские власти потребовали с Германии плату за землю, на которой располагались кладбища, немцы решили некоторые свои могилы перезахоронить, чтобы снизить свои расходы. Кстати, про некоторые кладбища местные жители сложили предания, что русские солдаты захоронены внутри, а немецкие снаружи, чтобы и на том свете русские находились в плену у немцев.

Крупное кладбище находится у деревни Каташи. Информация о памятнике на этом кладбище ранее мной воспринималась скептически, пока не была найдена фотография в интернете. Видимо, с солдатами похоронен был какой-то офицер.

Памятник на кладбище разбит до основания. В его пустотах в 1980-е годы была найдена папка со списками захороненных. Данная папка сейчас, к сожалению, утрачена.

Первая мировая война имела глобальные последствия, но осталась и на сегодняшний день слабо изученной.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА БРЕСТЧИНЕ В 1920-1930-е ГОДЫ, ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ

На сегодняшней день всё больше возрастает интерес к такой сфере жизни общества, как повседневность, где устная история играет одну из ключевых ролей в воссоздании полной картины повседневной жизни общества в тот или иной исторический отрезок времени. Повседневную историю формируют простые люди: крестьяне, рабочие, ремесленники – жители местечка, пригорода, города. То есть повседневная жизнь – это жизнь обывателя. Причём слово обыватель не является каким-то предвзятым. Здесь нет никакого уничижительного смысла. В.И. Даль писал: «обыватель, обывательница – житель на месте, всегдашний, водворённый, поселённый прочно, владелец места, дома». Исходя из этого, можно сказать, что обыватель – это обыкновенный человек, который и является главной фигурой в истории повседневности.

История повседневности, прежде всего, направлена на описание таких явлений, как домашний быт, жильё, хозяйство, одежда, питание, рождение, смерть, досуг, семья. Это история отдельных, маленьких житейских мирков.

Следует отметить те особенности, которые необходимо принимать во внимание, чтобы сделать правильные выводы:

- поскольку запись воспоминаний проводится спустя несколько десятилетий после произошедших событий, информация в них не передаётся в полном объёме, мы получаем возможность ознакомиться только с наиболее устойчивыми, неисчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями;

- все респонденты, чьи воспоминания использованы в работе, это люди 1920-1930-х гг. рождения, то есть это детские или подростковые воспоминания.

Большинство респондентов являются выходцами из крестьянских семей и проживали в сельской местности. В своих воспоминаниях они отражают типичные черты повседневной жизни, одну из фундаментальных основ которой составлял семейный быт. Он включал в себя те особенности, которые характерны для данного периода.

Многие респонденты вышли из многодетных, больших семей. Это была одна из особенных черт, повлиявших на образ жизни и организацию бытовых условий:

«Сям'я наша была вялікая – бацька – Рыгор, маці – Ганна і 9 дзяцей – (але адзін брацік нарадзіўся мёртвы) – Марыя, Сцёпа, Оля, Ліда, Люба, Насця, ..., Ульяна»[1].

«В семье нас было 8 детей: 4 брата и 4 сестры [2].

«Сям'я наша налічвала 7 чалавек. Бацька – Маліч Зіновій, маці – Маліч Кацярына і мы: старэйшы брат Лівон, сястра Марыя, брат Андрэй са сваёй жонкай Галляй ды і я.»

«Семья была большая. Гадовалася я, в дэсяць душ сэмья була. Був дятко, то батькув брат, ёго сэмья и наша сэмья, и дед, и баба, были дэсяць душ у хате»[3].

Практически все респонденты описывают натуральный способ ведения хозяйства. Как правило, всё, что производили и выращивали в семье, сами же и потребляли:

«Работали на зэмлі, у нас поле своё було, щэ батько купыв. Жылы мы, можно сказаты, неплохо, голодны нэ були. Садилі картошку, лён, просо сеяли, рожь, грэчку»[3].

«Наша сэмья жила небогато, так как было мало земли, около 2-х га. На ней мы выращивали хлеб, картошку, растили лошадку, были две коровы. То есть выращивали только для себя, а не продавали ничего» [4].

«Продовольственные (харчовыя) тавары мы ў вогуле не куплялі, ўсе было сваё. Наша сям'я трымала авечкі, якіх стрыглі, потым пралі воўну (шэрсць), ткалі сукно, з якога і шылі адзенне. Шылі таксама піджакі, світкі. Абутак або самі выраблялі з цялячай скуры, або куплялі ў яўрэяў у лаўцы, або хадзілі ў пасталах (гэта лапці, якія плялі з лазы)» [1].

Ели то, что выращивали у себя на огородах, еда была скромной и традиционной:

«За стол садилісь три раза в день, всей сэмьей: утро – пироги, сало жареное, обед – капуста, кулеш, каша (гречка, пшено, ячнныя крупы – все было свое) и компот с дичек (маленькие груши). Ужин – бульба с молоком и салом. Вкусным считался белый хлеб из пшеницы, сахар (кубик делился на 4 части). Купленная булочка – это было что-то!!! По праздникам еда, в основном, не мянялась: варили мясо (резали овец, свиней), сыр, творог, рыба. Было и такое, что на большой праздник резали маленького поросенка и целиком клали на стол» [5].

«Очень с уважением относились к хлебу и берегли его. Если кусочек хлеба падал случайно на землю, его целовали и просили прощения» [6].

Некоторые респонденты описывают посуду и столовые принадлежности:

«Пользовались посудой в основном из дерева и глины. На стол ставили горшочек с вареной едой, редко она переливалась в деревянную или глиняную миску. Все садилісь вокруг стола и черпали еду деревянными ложками. Панская шляхта ела из серебряных, оловянных, позолоченных тарелок. У них в сэмьях пользовались вилками и ножами» [6].

В плане обустройства жилища, можно сказать, что всё зависело от достатка в семье, но в общем плане обустройство жилища было скромным:

«Мэблі амаль ніякай не было: быў толькі стол, печка, сядзелі на лавах (ставілі дзве калодкі, а наверх лажылі дошку). Ложкаў таксама не было, спалі ... у сенях (веранда), матрасы набівалі саломай. Тое ж самае было і ў суседзяў» [1].

«Дом, по сравнению с теми, которые строят сейчас, был маленьким (но тогда он считался вполне большим). Две комнаты. Одна 8 на 6 кв. метров, вторая летен, 3 на 6 кв. метров. Из мебели: стол, лавы (от селовой и дворовой стены) и 2 слоны. Ток (пол) был глиняным. У богатых – деревянный. Постелью служила солома, накрытая простыней. В некоторых домах была деревянная кровать (но у тех, кто был более богат, или у кого было немного детей). Была печь (на ней спал дед), груба. Окна были маленькие, и поэтому в доме было не очень светло. Ещё был светильник. Зажигали светильник по вечерам зимним, когда ткали полотна, вышивали» [5].

«Жили мы в небольшом деревянном домике, крыша была покрыта черепицей. Строил дом ещё прапрадед. В доме было две комнаты и кухня. Участок был небольшой, соток, может быть, пять. Был колодец, туалет на улице, помойная яма, по углам участка росли яблони. В доме был погреб, туда ставили бочки с капустой, огурцами, заготовленными на зиму, складывали картошку. Меблировка была довольно простой. Были естественно кровати, шкаф, стулья, была этажерка, на которую ставили книжки. По углам висели иконки, лампадки. Освещались с помощью керосиновых ламп, на них надевали абажуры, они ужасно коптели, и поэтому к каждому празднику приходилось белить потолки. Полы были дощатые, тщательно начищались, иногда вышкрябывали их даже ножами. Висели у нас и картины, маме нравилось изображение зимы, а мне зелёного луга. Много было рукоделия: салфетки, дорожки. На окнах висели занавесочки, штор не было, а сами окна закрывались ставнями» [7].

Достаточно редко приобретали товары на рынках, в магазинах и на ярмарках. Покупка обуви, одежды, предметов быта вспоминается как яркое событие, особенно, если это была поездка в город:

«Мать часто покупала нам одежду новую перед праздниками, но необходимую. Один раз мне запомнился, как купили мне пальто. Было столько счастья!» [8].

Чаще всего покупали некоторые продукты (сахар, соль, иногда сладости для детей), спички, керосин:

«В город за покупками мы выбирались в то время редко, так как все стоило денег немалых. Товары первой необходимости (соль, керосин) покупали в лавке у местного еврея (в деревне он с семьёй был один)» [9].

«На ярмарках, которые создавались два раза в год по большим праздникам (хорошо помню, что ярмарка была всегда на свято Микола, 19 декабря), мы покупали возы, коней, хомуты, то есть все, что не могли сделать сами. В магазинах покупали сахар. Очень редко – селедку» [10].

Медицинское обслуживание было платным, поэтому в основном лечились домашними средствами, есть упоминания, что обращались к сельским знахаркам. К услугам врачей прибегали лишь в случае крайней необходимости:

«Ах, какое тогда было леченье. У Каменюках был фельдшер. Алэ ніхто не ездил, далэко, машин нэ було. Только своя лошадь була, своя повозка и всё. Лечились сами. Алэ буле ворожбеи (знахарки). Вони по улицы ходыли, то нарывы булы всякия на ступнях, ну то мы ходылы да Липчиной бабули, вона вэльми була такая, нарыв иголкой проткнула, выдушила, выдушила, рукою помазала, потрэ, брала белую сажу (известь) и мазала» [10].

«В деревне была медсестра Татьяна, а в районе больница. Когда мать моя заболела на ногу – воспаление, заражение крови пошло, – то отец мой повез ее в Столин. Обследовали ее – надо операцию делать. Деньги платить огромные. За сутки – 5 злотых. А если есть – плати, а нету – забирай. Сделали ей операцию. После чего она пробыла в больнице два дня. Так как не было средств, отец ее забрал домой. Приходила домой к нам медсестра, да и делала перевязку, таблетки приносила. Вот так в большинстве и лечились, а в больнице – стоило очень дорого» [4].

«Хворили тогды редко, як вжэ хто захворые, то або личылися самы (частий за все), або шлы да еврэя и куплялы «когутыка» (гэто вжэ як крэпко галова болила и простужывалася). «Когуток» - гэта був аспирын у пакетиках, на самому пакетику був нарысаваны пивень, што па-польску значыла «каутэк». Самэ липшее личэнне было залізты на протопленую пичку, дэ на чоринь сыпалося зерно, и полижаты на ему. Любая хвароба праходыла. У сылы у нас був врач-палаяк. Прививак не давалы, кроме как ад ослы. На прививку людэ сами носылэ дьтэй. После гэтых прививак доуга зажывала рука и гнаилася. Больница была у Кобрыни, але там было дарага личытыся» [11].

Большинство респондентов характеризует свои семьи как трудолюбивые, отмечают, что трудолюбие воспитывалось у детей с малых лет. Как правило, детей приучали работать с младшего возраста:

«С маленького. Конечно, помогали. Время было такое, что держали корову, и поле было. За животными ухаживали» [12].

У белорусов, которые в подавляющем большинстве принадлежали к крестьянской среде, понятие «богатство» ассоциировалось, прежде всего, со значительной земельной собственностью, наличием большого количества скота и принадлежностью к властным структурам. Достаточно типичная ситуация, когда респондент относит свою семью к богатым (закиточным), отмечая, что семья имела много земли, 3 коня, 3 коровы, много овец, но при этом говорит о том, что почти ничего не покупали, было мало одежды (2 юбки – на каждый день и праздничная) [1]. Обычным дополнительным источником доходов белорусских семей была работа «на пана», занятие различными промыслами.

Благосостояние семьи зависело от количества земли, тяглового скота и рабочих рук:

«Мае бацькі працавалі на зямлі, якой у нас было многа, наша сям'я ў вёсцы лічылася заможнай – у гаспадарцы было тры кані, тры каровы» [1].

«У деда моего было 10 десятин земли, мельница 1 ветряная, 5 коров, несколько волов, коней, 40 колод пчел, овцы. У деда было 3 сына, 2 дочки, 3 невестки. Признаком достатка считалось наличие леса, сенокоса, земли. В деревне уважали деда, других людей за достаток и относительное богатство, не уважали пьяниц, бедных» [13].

В городе же богатыми считались те, кто имел свои торговые лавки, кто по роду деятельности был учителем, врачом. Интересен тот факт, что к богатым людям относили тех, кто имел свой велосипед, телефон:

«Самостоятельными людьми считались врачи, учителя, аптекари. Их было очень мало, так как за образование надо было платить. Также у кого были магазины, лавки, кафе, пекарни, парикмахерские, кто работал на предприятиях, кто имел велосипед» [6].

Также большим уважением пользовались священнослужители:

«Большим авторитетом пользовались священники и псаломщики. Это были высокоуважаемые люди. Они были очень грамотными, вежливыми и всегда желанными людьми» [14].

«Большим уважением пользовался ксендз. В основном самыми богатыми были жители центра, и это были поляки, потому что они занимали главные посты в городе, неполякам трудно и даже невозможно было добиться высоко поста. Наибольшим уважением пользовались естественно чиновники, учителя, интеллигенция» [7].

Были и те, к кому относились плохо таковыми считались пьяницы, воры, хулиганы.

Определенный фон повседневной жизни белорусов создавали межэтнические отношения. Этот регион отличается многонациональным составом населения, некоторые этнические группы были значительны и занимали особое место в социально-экономической и политической жизни края. Это, безусловно, отражалось и в повседневной жизни людей.

В одних воспоминаниях представлены примеры дружеских, миролюбивых отношений, в других, наоборот, описываются острые этнические разногласия:

«К полякам я сохранила хорошее отношение и по сей день, потому что 2 польские семьи помогли нам. Они жили недалеко от нашего нового места жительства. Мы бежали к ним, и они давали мне и 3-м моим братьям еду, а иногда и ненужные вещи, которым мы очень радовались, потому, как родители не могли такого позволить. Мы не ощущали к себе никакого презрительного отношения, мы вместе играли с их детьми на крыльце» [15].

«Из своих воспоминаний, я могу сказать, что поляки не очень хорошо относились к евреям, равно как и евреи к полякам. Они старались игнорировать друг друга и общались только по необходимости». [15]

«Католики и православные ходили в гости на праздники, устраивали танцы. И, наоборот, православные к католикам. Причем католики и православные очень хорошо знали все религиозные праздники другой веры и уважали их. Такое же отношение было и к евреям» [9].

«Поляки к людям своей национальности относились гораздо лучше. Хуже всего относились к белорусам. К евреям лучше, так как они были богаче. Поляки считали себя более культурной нацией, себя они называли «панове». А белорусов презрительно – «мужики», «голодранцы», «быдло» [6].

«У нас считали, что еврейки – очень хорошие матери. Когда еврей женился на белоруске, считали, что брак будет удачным. Потому, что еврей – муж будет заботливым, трудолюбивым, он не будет пить и гулять. В нашем роду были различные браки. Один брат был женат на полячке, два других на еврейках» [6].

«Жили мы душа в душу, дружно жили. Был у евреев магазин там, шили все нам и сапожники, и портняжники, и булочки пекли и продавали нам, и водка, все было. Все приходило к ним в магазин» [16].

Неоднозначным было отношение к цыганам. Одни респонденты, дают им негативную оценку, другие положительную:

«В нашей деревне жило достаточно много цыган. Но к ним все относились негативно. Они часто воровали с огородов по ночам, ели мясо мертвых животных. Мне рассказывала мать, что цыгане часто ходили по деревне и просили местных, чтобы те отдавали им больных свиней, коров, птиц; они их убивали и ели. Жили цыгане в самом конце деревни в ужасных домах (с огромными щелями, с земляным полом). С самого детства у меня пренебрежительное отношение к цыганам» [15].

«В Бресте цыгане не проживали. Иногда появлялись, но так нет. Вообще, к ним относились настороженно. Считали, что они могут украсть лошадь или даже ребенка. А могли оставить своего ребенка. Знаю, что в городском поселке Дивин их было очень много, даже вели оседлый образ жизни» [6].

«Цыгане ночевали у нас всю зиму, а летом жили в лесах. Кочевали. Относились к ним неплохо, давали приют. Тогда цыгане были неплохими людьми и нам помогали, если что» [5].

Материалы устной истории вносят значительные коррективы в воссоздание картины прошлого. Воспоминания «маленького человека» (обычных людей) позволяют в первую очередь осветить не фактологическую сторону событий, а проникнуть в их глубинную сущность. В устной истории отражено мировосприятие людей и их повседневная жизнь – то, что помогает лучше понять изучаемый период истории и историческую науку в целом.

ИСТОЧНИКИ:

1. Романович Ольга Григорьевна, жительница д. Мотоль Ивановского р-на, Брестской обл.
2. Кухарчук Мария Ивановна, жительница д. Вулька-Достоевская, Ивановского р-на, Брестской обл.
3. Бурак Надежда, жительница д. Вулька-Достоевская, Ивановского р-на, Брестской обл.
4. Пашкевич Николай Дмитриевич, житель д. Рубель, Столинский р-н, Брестская обл.
5. Гриневич Варвара Павловна, жительница д. Цна, Лунинецкого р-на, Брестской обл.
6. Коваль Екатерина Семеновна, жительница д. Черни, Брестского р-на, Брестской обл.
7. Клундук Алла Васильевна, жительница г. Бреста.
8. Тарасевич Евгения Ильинична, жительница г. Бреста.
9. Кротович Анна Григорьевна, жительница г. Бреста.
10. Качан Ольга Григорьевна, жительница д. Белая, Каменецкого р-на, Брестской обл.
11. Семенюк Ольга Федоровна, жительница д. Тевли, Кобринского р-на, Брестской обл.
12. Горохова Валентина Александровна, жительница г. Бреста.
13. Кисель Николай Максимович, житель Столинского р-на, Брестской обл.
14. Мишевич Степан Иванович, житель Кобринского р-на, Брестской обл.
15. Ляшук Мария Ивановна, д. Навицковичи, Каменецкого р-на, Брестской обл.
16. Сергеева Ольга Антоновна, жительница д. Белая, Каменецкого р-на, Брестской обл.

ПИВОВАРЧИК С.В.

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь

ГРОДЗЕНСКАЯ КРЭПАСЦЬ НАПЯРЭДАДНІ І Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Традыцыі гродзенскай фартыфікацыі былі закладзены ў эпоху сярэднявечча. Ужо сама летапісная назва горада "Горадзень" сведчыць, што горад узнік як агароджанае ўмацаваннем месца. Тапаграфічнае размяшчэнне паселішча на мысе пры ўпадзенні Гарднічанкі, высокі стромкі бераг Нёмана. Глыбокія яры склалі вельмі зручныя тапаграфічныя ўмовы для развіцця вайскова-інжынернай думкі. Гродна ўзнік на этнакультурным памежжы, і палітычныя падзеі, што адбываліся ў гэтым рэгіёне, таксама ўплывалі на фармаванне абарончых элементаў горада. Яны прайшлі звалючыю ад прасцейшых дрэва-земляных канструкцый да магутных фартыфікацыйных збудаванняў. Кожны перыяд у гісторыі горада адбіўся на яго ўмацаваннях, якія адпавядалі часу і традыцыі: земляны вал і драўляныя сцены дзядзінца (якія былі ўжо ў XII ст. заменены на каменныя – унікальная з'ява) і вакольнага горада часоў Полацкага княства. Потым былі гатычны замак перыяду Вялікага княства Літоўскага, рэнесансная і барочная архітэктура з абарончымі рысамі часоў Рэчы Паспалітай, рэдуты і люнеты паўночнай вайны і паўстання пад кіраўніцтвам Тадэвуша Касцюшкі. Не быў выключэннем і час, калі Гродна быў у складзе Расійскай імперыі

Першы план узвядзення фартыфікацый у Гродне, якія адпавядалі б тагачаснай вайсковай тактыцы і стратэгіі, з'явіўся адразу пасля канчатковай анексіі Расійскай імперыяй беларускіх зямель у выніку трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай. У Цэнтральнай Еўропе адбылася змена геапалітычнай сітуацыі і ўсталяванне новай мяжы імперыі з заходнімі суседзямі. Цяпер расійска-пруская мяжа праходзіла ўздоўж Нёмана ад Усходняй Прусіі да Гродна. Здавалася, што заходняя мяжа Расіі стабільная і змяняцца ўжо не будзе. Вышэйшыя расійскія вайсковыя ўлады прыступілі да прац, звязаных з інжынерным забеспячэннем новай мяжы імперыі. Да таго ж трэба было паказаць свету, што Расія замацоўваецца на далучаных землях сур'ёзна і надоўга.

У 1796 г. была створана спецыяльная камісія пад кіраўніцтвам шэфа Корпуса інжынераў генерал-маёра інжынера П. Сухтэлена. На заходнюю мяжу для вывучэння становішча быў накіраваны інжынер-капітан К. Оперман. Вынікам яго працы стала інструкцыя "Обеспечение новой границы с Пруссией и Австрией". Ён прапанаваў на працягу 1200 км пабудаваць дзевяць крэпасцей, у тым ліку і ў Гродне.

Далей распрацоўку фартыфікацыйнага ўмацавання заходняй мяжы імперыі правёў генерал-маёр інжынер М. Дэволан. У сваім праекце ў 1797 г. ён прапанаваў цэлую абарончую сістэму з крэпасцей, якія ўтваралі тры лініі. Згодна плану, першая лінія адпавядала праекту К. Опермана, другая лінія размяшчалася ў адлегласці 100 – 80 км і ўключала крэпасці-склады ў Ворне, Вільні і Слоніме; трэцяя лінія складалася з першакласных крэпасцей у Рызе і Кіеве. Такі спосаб абароны мяжы дазваляў у залежнасці ад палітычна-вайсковай сітуацыі даволі эластычна будаваць тактыку абароны і наступлення. У тым жа 1797 г. распачаліся працы па рэалізацыі названых вышэй планаў, аднак канчаткова яны не былі здзейснены. Расія, якая вяла шматлікія войны падчас панавання Кацярыны II, сродкаў на рэалізацыю планаў фартыфікацыйнага ўмацавання (а кошт быў вельмі вялікі) на той час ужо не мела. Акрамя сродкаў, не хапала і адпаведных кваліфікаваных кадраў для крэпаснага будаўніцтва, паколькі вяліся ў асноўным наступальныя войны і інжынерных часцей было няшмат.

У 1801 г. пасля ўступлення на трон імператара Аляксандра I было пастаўлена пытанне аб фартыфікацыйным умацаванні мяжы з заходнімі суседзямі. У 1804 г. інспектар Корпуса інжынераў генерал Сухтэлен атрымаў дазвол на стварэнне Інжынернай экспедыцыі для прац у заходніх губернях. Аднак вайна з Напалеонам у 1805 – 1807 гг. не дазволіла закончыць гэтыя працы, а далучэнне да кантынентальнай блакады супраць Англіі прымусіла звярнуць увагу ў першую чаргу на ўмацаванне ўзбярэжжа.

Пасля франка-аўстрыйскай вайны стала зразумелым, што канфлікт паміж Францыяй і Расіяй непазбежны. З 1810 г. Расія пачала інтэнсіўна рыхтавацца да вайны. У склад камісіі па падрыхтоўцы да баявых дзеянняў быў уключаны генерал-маёр інжынер К. Оперман, які тэрмінова вярнуўся да плана стварэння фартыфікацый на захадзе: у Коўне, Вільні, Гродне і Брэст-Літоўску. Аднак канчатковае рашэнне было іншым: новыя крэпасці былі пабудаваны ў глыбі імперыі – Дынабургу і Бабруйску з перадмаставым умацаваннем у Барысаве на перадполлі. Тым самым была праігнаравана актыўная абарона і ў магчымым канфлікце ініцыятыва была аддадзена праціўніку [1, с. 202-203].

Як павінна была выглядаць новая расійская фартэцыя ў Гродне, даюць уяўленне архіўныя графічныя матэрыялы. Паводле недатаванага “Плана г. Гродно с проэктамі укрепления оногo”, абарончыя збудаванні павінны былі ахапіць увесь горад. У склад крэпаснога комплексу ўваходзілі капаніры, люнеты, валы з равелінамі, абарончыя сцены з гласісамі, стралковыя рвы, батарэй на Старым замку, Новым замку і на месцы дома Мураўскіх на вул. Маставой. Для затаплення мясцовасці падчас небяспекі на Гарднічанцы планаваліся чатыры плаціны. На левым беразе павінна было быць пабудавана перадмаставое ўмацаванне – “тэт дэ пон”, аснову якога складаў францішканскі кляштар. Гэты план падпісалі расійскія вайсковыя інжынеры палкоўнік Баўмер і капітан Дэн [2].

Другі план датуецца 1807 г. Ён мае подпіс генерала Сухтэлена і называецца “План города Гродны с означением вновь проектируемой крепости”. Ад плана без даты адрозніваецца большай плошчай, якая уключана ў сістэму ўмацаванняў – увайшлі Гарадніца, Станіславава, тэрыторыя левага берага Гараднічанкі. Значна большых памераў планавалася перадмаставое ўмацаванне на фарштаце [3].

Названыя тапаграфічныя планы былі вынікам працы Інжынернай экспедыцыі П. Сухтэлена, якая працавала да ўтварэння Каралеўства Польшага. Наступны графічны план звязаны ўжо непасрэдна з дзейнасцю Опермана ў камісіі па падрыхтоўцы да вайны з Напалеонам. Ён мае легенду па-нямецку “Plan eines Befestigungs – Entwurf auf die Stadt Grodno in Litthauen” і два надпісы алукам – “са 1810” і прозвішча магчымага аўтара “Verfasst von dem Major von Keck”. Нямецкае прозвішча і надпісы па-нямецку не павінны здзіўляць. У гэты час на службу да расійскага імператара паступіла шмат афіцэраў з разгромленай прускай арміі, якія ўцяклі ў Расію. Дастаткова ўспомніць, што бліжэйшым дарадцам Аляксандра I ў вайсковых справах быў былы прускі генерал Фуль. Верагодна, што адзін з такіх уцекачоў-інжынераў і выканаў па загаду Опермана план фартыфікацыі Гродна ў 1810 г.

У вайскова-інжынерных адносінах гэты быў добра складзены праект. Ён выдатна ўлічваў тапаграфію не толькі горада, але і ваколіц і складаўся з трох элементаў: цытадэлі на левым беразе Гараднічанкі, замкнутага шматграннага кола курцін з бастыёнамі вакол горада з прадмесцямі, чатырох знешніх высунутых умацаванняў, з якіх найбольш дасканалы быў “тэт дэ пон” на занёманскім фарштаце [4, с. 231-235].

Пасля вайны 1812 г. на Гродна звярнулі ўвагу ўжо ў канцы 20 – х гг., пасля таго, як імператарам стаў Мікалай I (ён быў шэфам Корпуса інжынераў). У 1827 г. была створана камісія для высвятлення стратэгічнага значэння фартыфікацый, што ўжо існавалі, і распрацоўкі новых. Адразу ў камісіі распачалася дыскусія, дзе будаваць новую крэпасць – у Брэсце ці Гродне. Праектныя працы праводзіліся адразу па двух гарадах, але ў 1830 – 1842 гг. была пабудавана крэпасць Брэст-Літоўск.

Аднак лістападаўскае паўстанне 1831 г. прымусіла царскія ўлады зноў вярнуцца да плана стварэння фартэцыі ў Гродне. Аб гэтым сведчыць “Увеличенный план города Гродно с наложением проекта укрепления оногo”, які быў “сочинен” 29 лістапада 1831 г. паручнікам Лабачэўскім. Гэты план у параўнанні з папярэднімі быў значна спрошчаны, без люнетаў, бастыёнаў і батарэй, а абарончым гласісам планавалася абнесці тэрыторыю, абмежаваную вуліцай Траецкай, дамініканскім, брыгіцкім і бернардынскім кляштарамі [5]. Як і папярэднія, гэты праект не быў рэалізаваны. Усе праекты будаўніцтва ў Гродна крэпасці ў першай трэці XIX ст. не былі здзейснены з-за адсутнасці фінансавых сродкаў. Няцяжка заўважыць, што, калі б расійскім уладам не бракавала грошай на рэалізацыю планаў па фартыфікацыйнаму ўмацаванню сваёй заходняй мяжы, Гродна напаткаў бы лёс Бабруйска і Брэста, якія былі разбураны будаўніцтвам крэпасцей. Грамадзянская забудова горада была б знішчана, культурныя комплексы прыстасаваны пад вайскова-інжынерныя патрэбы, жыхары выселены на новыя землі.

Думка аб умацэнні Гродна зноў паўстала на стратэгічнай нарадзе, якая адбылася ў 1873 г. пад асабістым кіраўніцтвам імператара Аляксандра II. На нарадзе была прызнана важнасць умацавання абарончай лініі на Нёмане, паколькі ўсё больш відавочным становіўся верагодны праціўнік – Германія, з якой прыдзецца сутыкнуцца ў барацьбе за свае інтарэсы. У 1879 г. сфармаваўся Дваічны саюз, які потым ператварыўся ў Траічны – Германія, Аўстра-Венгрыя, Італія. Гэта, як пісаў А.М.Заянчкоўскі, “привело русский Генеральный штаб к трем следующим выводам:

- 1) что враждебный союз, и в особенности Германия, опередили Россию в деле боевой подготовки;

2) при современных условиях еще в мирное время должны быть составлены не только общие соображения об употреблении вооруженных сил в случае войны, но и тщательно разработанные расчеты о сроках и районах сосредоточения их;

3) вследствие преимущества в скорости сосредоточения войск враждебной стороны, наши соображения должны быть для начального периода кампаний приурочены к обороне, а наша военная подготовка направлена на усиление границ и на улучшение существующих крепостей" [6, с. 32].

У наступныя гады па распараджэнні Галоўнага штаба праводзіліся палявыя працы: рэкагнасціроўкі, здымкі, картаграфаванне. На падставе гэтага ваенным міністрам Д. Мілюціным у 1879 г. быў зроблены даклад аб умацаванні Коўна, Гродна і Асаўца. Даклад быў зацверджаны імператарам, і наступіў загад прыступіць да выканання. Паводле гэтага даклада, Гродзенскай умацаванай пазіцыі адводзілася наступная стратэгічная задача (дакумент на мове арыгінала) "...с объявлением войны и вступлением неприятельской армии в наши пределы, прочное занятие нами Гродненской позиции в связи с Ковной и с линией Бобр – Нарев – Буг представит неприятелю значительное затруднение при дальнейшем его движении как к Неману, так и в тыл Царства Польскага, в обход находящихся там наших войск.

Соответственно с таким назначением должны быть возведены и самые укрепления у Гродны. При крепком занятии нами Ковны и Осовца неприятелю не представится возможность подвести к Гродно осадную артиллерию в скором времени после открытия военных действий, нападения же на Гродну больших неприятельских сил, но без орудий осадного парка, можно допустить и в начальный период кампании, в особенности со стороны левого берега Немана, когда армия наша удерживает за собой правый берег этой реки. С северной же стороны, Гродна должна быть обеспечена лишь от нечаянного нападения небольших неприятельских отрядов, могущих подойти внезапно по переходу через Неман выше или ниже этого пункта.

Переход же на правый берег Немана значительной части неприятельских армий и удаление нашей к востоку от этой линии неминуемо поведет к полному обложению Гродненского гарнизона, а потому, при таком обороте военных действий гарнизон этот, или должен оставить занимаемый им пункт и следовать за армией, или должен быть значительно усилен и обороняться до последней крайности" [7, л. 2-2об]. На падставе гэтага даклада распрацавалі план пабудовы ўмацаванай пазіцыі, якая складалася з пяці фартоў на 64 гарматы і 10 рот пяхоты. Аднак тады гэты план не быў здзейснены.

Зноў да яго вярнуліся ў 1887 г. пасля зацвярджэння "Соображений о планах ведения войны", складзеных начальнікам Галоўнага штаба М.Обручавым (1880 г.). Яго прапановы зводзіліся да таго, каб стрымліваць ворага на адным тэатры баявых дзеянняў і рыхтавацца да рашучага наступу на другім. Праваму флангу, дзе знаходзілася Гродна, адводзілася задача стрымліваць праціўніка (германскія войскі).

Будаўніцтва фартоў пачалося ў 1887 г., і на працягу двух гадоў яно было завершана. У 1889 г. было прызнана, што пяці фартоў мала, і прынята рашэнне аб будаўніцтве яшчэ двух. Форт №1 размяшчаўся на правым беразе Нёмана ва ўрочышчы Пышкі, фарты № 2-5 складалі так званую паўднёвую пазіцыю і былі выцягнуты ўздоўж занёманскага фарштата. Фарты № 6-7 будаваліся ўжо ў 90-я гг. на правым беразе Нёмана. Агульная працягласць пазіцыі складала 14 км.

Усе фарты былі ўзведзены з зямлі і мелі характар перадмаставой пазіцыі часовага характару. Войскамі ўмацаванні практычна не выкарыстоўваліся, таму напачатку ХХ ст. фактычна былі закінуты. У дакладзе Штаба Віленскай вайсковай акругі ў 1907 г. у адносінах да гродзенскіх умацаванняў адзначалася: "...существующие форты Гродненской позиции в настоящее время утратили своё значение и не только не способны служить в качестве опорных пунктов, основой будущей позиции, но и не могут быть в должной мере усовершенствованы. Последнее исключительно по причине недостаточной примененности их к местности (в отношении маскировки) и по слишком близкому их расположению к мостам.

Приходится согласиться, что Гродненской укрепленной позиции, строго говоря не существует, а есть место, на котором может быть устроена позиция и на котором форты играют роль только местных предметов, удобных для обороны. Последствием сказанного является то, что проектированные планом мобилизации укрепления, возводимые во время последней, места которых выбраны при условии, что существующие форты должны служить основой позиции, не отвечают современной обстановке, ни задачам возлагаемым на Гродну, что в свою очередь низводит существующий мобилизационный план до обыкновенного теоретического проекта, осуществление которого во время войны не только затруднительно, но и не желательно" [7, л. 4].

Стратэгічнае значэнне Гродна ўзрасло пасля руска-японскай вайны ў сувязі з распрацоўкай новых мабілізацыйных планаў. Зменены план вайны патрабаваў сур'ёзнай карэкціроўкі ўсёй крапасной сістэмы Расіі. У адпаведнасці з планамі 1908 і 1910 гг. аб адводзе лініі стратэгічнага разгортвання ў глыб краіны захоўваліся і перабудоўваліся крэпасці Свяжск, Выбарг, Кранштад, Усць-Двінск, Коўна, Асавец, Новагеоргіеўск, Брэст-Літоўск, Ачакаў, Севастопаль. Ліквідаваліся крэпасці Варшаўскага раёна: Івангорад, Загрж, Ломжа, Астраленка, Ражаны, Пултуск, а таксама Керч. З увядзеннем плана 1912 г. на лініі разгортвання павінны быць умацаваны Коўна, Брэст-Літоўск, Асавец, Гродна. Першыя тры крэпасці мадэрнізаваліся, апошнюю фактычна прыходзілася будаваць па-новаму [8, с. 104].

Неабходнасць будаўніцтва новай фартэцыі ў Гродне была выказана яшчэ ў 1907 г. у дакладе Штаба Віленскай вайскавай акругі ў сувязі з падрыхтоўкай новага мабілізацыйнага плана. Там адзначаны ўмовы, пры якіх праект новай умацаванай пазіцыі будзе паспяховым: "... чтобы тот проект укрепления позиции под Гродной, который будет вновь выработан, не постигла печальная участь всех ему предшествующих – быть мертворожденным, необходимо получить предварительно указания: 1) какие денежные и материальные средства могут быть ассигнованы для указанной цели и 2) какие именно войска будут назначены с объявлением мобилизации для производства работ по устройству позиции, и какие войска будут назначены для ее занятия.

Только по разрешении этих вопросов может быть приступлено к проектированию позиции, которая в зависимости от предназначения для нее средств, может быть устроена в пределах от простой предмостной позиции до круговой оборонительной позиции стратегического характера" [7, л. 110б].

Як вынікае з архіўных матэрыялаў, першыя праекты новых абарончых збудаванняў каля Гродна былі зроблены ўжо ў 1909 г. Аднак асноўныя даследаванні і работы па праекціроўцы адбываліся ў 1911 – 1912 гг. З кастрычніка 1912 г., калі Гродна быў абвешчаны апорным пунктам для арміі, пачаліся будаўнічыя працы на галоўнай пазіцыі, якая мела эліпсападобны абрыс. Працягласць пазіцыі была каля 60 км, што падводзіла ўсю крэпасць пад тып "крэпасці шырокага размяшчэння".

У адпаведнасці з "Положением о порядке разрешения вопросов по созданию новых и переустройству существующих крепостей" ад 25 ліпеня 1911 г. была створана "изыскательная партия для разработки первоначального проекта крепости на месте". Кіраўніком партыі прызначылі начальніка 26-й пяхотнай дывізіі (месца дыслакацыі – Гродна) генерал-лейтэнанта Міхаіла Нікіфаравіча Кайгародава. Партыя складалася з дзвюх частак: інжынернай і артылерыйскай, якімі кіравалі адпаведна палкоўнікі Дзмітры Паўлавіч Каласоўскі і Барыс Раманавіч Трызна. У складзе партыі знаходзіліся прыкамандзіраваныя інжынерныя і артылерыйскія спецыялісты. Працы па складанню праекта крэпасці Гродна пачаліся 3 лістапада 1911 г., а 7 студзеня 1912 г. першапачатковы варыянт быў ужо прадстаўлены ў ГІУ. У сваім рапарце на імя генерала-кварцірмейстра М.М. Данілава Кайгародаў прасіў не расфарміроўваць "Изыскательную" партыю, "поскольку в создаваемой крепости Гродна предстоит составить в несколько раз больше число проектов, по сравнению со всякой расширяемой или перестраиваемой крепостью, где многое уже существует, а типы сооружений давно подробно разработаны и многие из них уже осуществлены на деле" [9, л. 13].

Па першапачатковаму плану, гродзенская крэпасць павінна была складацца з 16 тыповых фартоў (на той час такімі былі фарты, распрацаваныя ваеннымі інжынерамі К.І. Вялічкам, А.Н. Буйніцкім і В.В. Малкавым-Паніным), 18 літарных апорных пунктаў на паўроты (так званыя "малыя фарты"), 38 нумарных апорных пунктаў на ўзвод пяхоты. Пасля абмяркання ў Галоўным інжынерным Камітэце ў план былі ўнесены змены і яго зноў разгледзелі ў Камітэце 2 чэрвеня 1912 г.

У новым плане колькасць фартоў зменшылася да 13, нумарных апорных пунктаў да 23, а літарныя павялічыліся да 19. Акрамя фартоў і апорных пунктаў, планавалася будаўніцтва адкрытых батарэй для гармат буйнога калібру, асобныя сховішчы для пяхоты, паряхавыя лаграбы, аэрадром, плаціны, дарогі і шмат іншых дапаможных збудаванняў. Была вызначана мяжа крэпаснага раёна. Яна праходзіла прыкладна за 10 км ад праекціруемых ліній фартоў і ўключала наступную тэрыторыю: ад р. Нёман на захад па Аўгустоўскаму каналу да шашы каля в. Чортак, затым па шашы на м. Сапоцін і далей на паўднёвы захад па дарозе на в. Кайчаны і Ліпск, ад Ліпска па р. Сідра, Сідорка, праз м. Сідра да в. Цімані, ад в. Цімані па дарозе да ст. Кузніца, з станцыі Кузніца па дарозе праз в. Падліпкі да м. Індура, ад м. Індура па р. Індурка, Лашанка, Свіслач да р. Нёман. Па р. Нёман уверх па цячэнні да в. Плавы, ад в. Плавы па р. Котра, Піра праз в. Гушыцы, Машталеры да м. Азёры. Ад м. Азёры на поўнач па азёрах да ст. Парэчча. Па чыгунцы на паўднёвы-захад да паўстанка Сабаляны, па дарозе на в. Сабольцы, Верхাপолле, Крынічна, Плябанішкі да в. Пальніца, а затым па Нёману да Аўгустоўскага канала [10, л. 4].

Зменены праект пабудовы гродзенскай крэпасці быў зацверджаны Мікалаем II 4 жніўня 1912. Стратэгічна крэпасці Гродна было наканавана: "1) Преграждать Санкт-Петербургско-Варшавскую железную дорогу и шоссе от Августова и Осовца на Лиду при пересечении их с р. Неман; 2) Облегчить свободу действий наших войск на обоих берегах р. Неман, сохраняя в наших руках железнодорожные и обыкновенные переправы через р. Неман в Гродно; 3) Совместно с укреплениями Ковно и Олиты содействовать нашему наступлению в Восточной Пруссии или южнее, а равно наступательной обороне р. Неман; 4) Служить опорой наших войск впереди р. Неман и по верхнему течению р. Бобр; 5) В случае удаления от крепости Гродна наших полевых войск, сохранять во всяком случае переправы через р. Неман и Гродненский железнодорожный узел в наших руках" [10, л. 6].

У прадпісанні ГІКа ад 1 верасня 1912 г. будаўніку Гродзенскай крэпасці (так называлася пасада кіраўніка ўсіх будаўнічых прац, на якую 2 ліпеня 1912 г. быў прызначаны Д.П. Каласоўскі з адначасовым прысваеннем чына генерал-маёра) указвалася, як трэба размяркваць крэдыты па праектаванню і будаўніцтву аб'ектаў крэпасці "... 3) Представить теперь же план распределения кредитов на 4-летие 1912-1915 гг. руководствуясь соображением стоимости инженерных работ и заготовок имея в виду: а) что в счет исчисленной на работы по созданию Гродненской крепости суммы в размере 15 950 000 руб. уже ассигновано в 1912 г. – 204 000 руб. и предназначено к ассигнованию: в 1913 г. – 3 746 000 руб.; в 1914 г. – 5 000 000 руб. и 1915 г. – 7 000 000 руб. ..." [10, л. 10б]. Трэба адзначыць, што выдзеленых грошай было недастаткова. Так, напрыклад, кошт будаўніцтва толькі аднаго форта № 4 каля в. Стрэльчыкі складаў 2 300 000 руб па цэнах 1913 г.

Гродна абвясцілі крэпасцю 23 жніўня 1913 г., хоць працы на галоўнай крэпасной пазіцыі былі на пачатковым этапе і сапраўднага гарнізона і ўзбраення крэпасць яшчэ не мела. Аднак камендантам быў ужо прызначаны генерал-лейтэнант М.Н. Кайгародаў.

Для ўзвядзення фартэцыі было створана 14 будаўнічых участкаў, кіраўнікамі якіх сталі інжынерныя афіцэры "Изыскательной" партыі. На участках шырока прымянялася праца вольнанаёмных рабочых, цывільных падрадчыкаў, мясцовых сялян. Усё гэта спрыяла даволі хуткаму будаўніцтву фарту і апорных пунктаў, але з пачаткам вайны ні адзін з іх не быў завершаны – у распараджэнні будаўнікоў былі няпоўныя два будаўнічыя сезоны. З ліпеня 1914 г. у крэпасці было абвешчана вайсковае становішча, а з 1 жніўня – асаднае. Аднак працы па будаўніцтву не спыняліся амаль да эвакуацыі 20 жніўня 1915 г. З адступленнем расійскіх войскаў ад Гродна ўсе ўмацаванні крэпасной пазіцыі было загадана ўзарваць, што было зроблена з рознай ступенню стараннасці і паспяховасці. Не паспелі знішчыць фартавую групу IV, паколькі яны былі раней захоплены германскімі войскамі.

Тэхналогія ўзвядзення была такая, што практычна з самага пачатку работ форт быў гатовы да абароны. На першай стадыі будаўніцтва – як палявы рэдут (катлан для бруствера ў якасці стралковага акупа), потым – як часовае ўмацаванне (гатовы бетонны стралковы бруствер і роў з зачаткамі контрмінных галерэй і патэрн, якія можна было выкарыстоўваць як сховішча ад абстрэла). У самую апошнюю чаргу прыступілі да будаўніцтва прамежковых і гаржавых паўкапаніраў, гаржавых казарм, абліцоўкі эскарпа і контрэскарпа. Аб'ект становіўся доўгачасовым абарончым апорным пунктам – фортам.

Пасля вопытаў на востраве Беразань у 1912 г. былі выпрацаваны новыя прынцыпы будаўніцтва доўгачасовых збудаванняў у расійскіх крэпасцях. Да пачатку Першай сусветнай вайны яны былі выкарастаны пры праектаванні і ўзвядзенні фарту ў Гродна і Новагеоргіеўску, што зрабіла гэтыя крэпасці найбольш сучаснымі і здольнымі да працяглай абароны. Аналіз праектаў крэпасных збудаванняў Гродна сведчыць, што падчас праектавання назіраецца свабода ў выбары формы фарту ў плане. Калі раней самай распаўсюджанай формай была трапецыя, то цяпер вайсковыя інжынеры прымянялі ад трохвугольнай да шматграннай, выкарыстоўваючы ў кожным канкрэтным выпадку асаблівасці мясцовасці.

Для артылерыйскіх і пяхотных назіральных пунктаў планавалася ўстаноўка бранявых назіральных пастоў у выглядзе вежаў. Такіх пастоў было некалькі праектаў. Палявыя даследаванні выявілі ўстаноўку бронепастоў праекта Галоўнага інжынернага упраўлення на фартах III, IV, V гродзенскай крэпасці. Недахопам бронепастоў было тое, што яны былі не цэльнымі, а састаўнымі, і разбураліся буйнакалібернымі снарадамі.

Жылыя казармы ў новых фартах размешчаліся з тылу, каб не трапіць пад артылерыйскі агонь падчас абстрэлу баявых збудаванняў форта. У некаторых выпадках меркавалася ўвогуле абысціся без казармы на фарце, абмяжоўваючыся надзейнымі сховішчамі для дзяжурнай часці са зручнымі выходамі на стралковую пазіцыю. У такім выпадку гарнізон знаходзіўся за фартом у невялікіх сховішчах, размешчаных у складках мясцовасці. У доўгачасовых збудаваннях планаваліся прамежковыя паўкапаніры і прадугледжваліся падземныя элементы (патэрны) для сувязі паміж асобнымі каземаціраванымі пабудовамі. Выходы з каземаціраваных збудаванняў закрываліся браніраванымі дзвярамі. Усе фарты ад падземнай атакі праціўніка забяспечваліся контрміннай сістэмай. Работы гэтыя адносіліся да трэцяй чаргі будаўніцтва і фактычна не былі пачаты. Усе каземаціраваныя памяшканні фарту мелі магутнае пакрыццё таўшчынёй да 4 м, якія забяспечвалі надзейную абарону ад снарадаў вялікіх калібраў (280 і 420 мм).

Да пачатку вайны ні адзін з фарту гродзенскай крэпасці не быў гатовы нават на 50%. На большасці фарту былі ўзведзены толькі стралковыя брустверы і падбрустверныя галерэі. Брустверы ўзводзіліся «секцыйным» метадам і не былі завершаны. Не паспелі пабудаваць ні кофраў, ні капаніраў, ні тым больш патэрнаў, контрмінных галерэй і гаржавых казарм. Гэта не здзіўляе – у распараджэнні будаўнікоў пры малым фінансаванні і бюракратызме вайсковых і цывільных чыноўнікаў было няпоўных два будаўнічыя сезоны. У Гродна фактычна быў падрыхтаваны толькі каркас крэпасной пазіцыі, якая, аднак, мела дастаткова моцныя абарончыя магчымасці [11].

З пачаткам Першай сусветнай вайны Гродна стаў важнай аперацыйнай базай рускіх войск. Крэпасць знаходзілася на подступах да Усходняй Прусіі і павінна была выконваць функцыі месца, дзе фарміраваліся, размяшчаліся, праходзілі абучэнне войскі, якія адпраўляліся на фронт, а таксама матэрыяльна і маральна падтрымліваць рускія арміі, што вялі баявыя дзеянні. Пасля разгрому рускіх войск ва Усходняй Прусіі ў канцы жніўня 1914 г., у раёне Аўгустаў–Гродна–Асавец канцэнтравалася 10-я руская армія, якая была створана для стабілізацыі фронту на гэтым участку. У Гродне размесціўся штаб арміі, а крэпасныя склады, казармы і лагеры сталі базай матэрыяльнага забяспячэння арміі. У верасні 1914 г. германскія войскі наблізіліся да крэпасной пазіцыі, аднак у выніку паспяховых дзеянняў рускіх войск былі вымушаны адступіць да граніцы.

Першыя баі Першай сусветнай вайны непасрэдна пад фортамі гродзенскай крэпасці адбыліся зімой 1915 г. Дзве германскія арміі 7 лютага пачалі наступленне на пазіцыі 10-й расійскай арміі генерала Ф.В. Сіверса ва Усходняй Прусіі (Аўгустоўская аперацыя) з мэтай акружыць і знішчыць. Дзякуючы супраціўленню XX армейскага корпуса генерала Булгакава, асноўнай часці 10-й арміі удалося адступіць, а XX корпус трапіў у акружэнне ў Аўгустоўскіх лясах за 20 км на паўночны захад ад Гродна. Немцы занялі Ліпск, Сапоцкін, выйшлі да Нёмана ў раёне

в. Гожа, перасеклі шашу Гродна-Сопоцкін. Заняўшы шэраг населеных пунктаў уздоўж дарогі, германскае камандаванне ўстанавіла артылерыю і пачало абстрэл пазіцый II і III фартоў з мэтай не дапусціць дэблакіроўкі акружанага расійскага войска.

Вечарам 18 лютага акружаныя войскі XX корпуса зрабілі спробу прарвацца праз Сапоцкін да фартоў гродзенскай крэпасці. Аднак спроба не ўдалася: частка войска была знішчана за 7-8 км на захад ад Сапоцкіна паміж вёскамі Ліпілы – Волкуш – Багатыры Лясныя – Аўгустоўскі канал, другая частка войска ўзята ў палон 20-21 лютага ў раёне на паўночны захад ад в. Маркаўцы. У палон патрапілі 12 расійскіх генералаў, уключаючы камандзіра XX корпуса П.І. Булгакава, начальніка штаба К.Я. Шэмякіна, начальнікаў 27-й, 29-й і 53-й пехотных дывізій Г.Г. Джонсана, А.М. Розеншыльда фон Паўліна і С.І. Фёдарова, брыгадных камандзіраў А.Э. Беймельбурга, І.А. Хольмсена, М.І. Чыжова і інш. Германскае войска таксама панесла цяжкія страты і напачатку сакавіка вымушана было адступіць з Аўгустоўскай пушчы на больш зручныя пазіцыі ва Усходняй Прусіі.

Наступны этап удзелу гродзенскай крэпасці ў баявых дзеяннях адносіцца да лета 1915 г. У выніку паспяховага наступлення германскіх войскаў у Карпатах і пад Праснышам расійскім камандаваннем была пакінута практычна ўся Польшча. 5 жніўня 1915 г. германскія войскі ўвайшлі ў Варшаву, у чэрвені–ліпені 1915 г. былі пакінуты крэпасці Асавец, Івангорад, Новагеоргіеўск. Фронт стабілізаваўся на лініі Коўна–Гродна–Брэст.

У ноч на 6 жніўня 1915 г. у штаб 10-й арміі і каманданту крэпасці паступіла тэлеграма галоўнакамандуючага Паўночна-Заходнім фронтам аб тым, што «крепость Гродно считать укрепленной позицией на фронте р. Неман–Гродно–Брест, причем приказано приступить немедленно к эвакуации крепостных запасов и имущества». З гэтага часу крэпасць Гродна стала звычайнай франтавой пазіцыяй і тэарэтычна як крэпасць перастала існаваць.

У сувязі са складанай абстаноўкай на фронце часці 10-й арміі былі адсунуты на паўночны ўсход ад Гродна. Згодна з распараджэннем Галоўнакамандуючага Паўночна-Заходнім фронтам у 12 гадзін ночы 10 жніўня крэпасць Гродна перайшла ў падпарадкаванне 1-й арміі, якой камандаваў генерал А.І. Літвінаў. 12 жніўня на адрас каманданта крэпасці і камандзіраў карпусоў паступіла тэлеграма з загадам знішчыць усе абарончыя збудаванні левабярэжнага абводу. Левабярэжны абвод уключаў у сябе 9 фартавых груп. Адначасова было загадана абараняць Гродна да апошняга. Для абароны крэпасці было пакінута 74 гарматы розных калібраў, 79 супрацьштурмавых палявых і 12 57-мм берагавых гармат.

16 жніўня ў непасрэднае падпарадкаванне каманданта крэпасці М.Н.Кайгарова было перададзена два корпусы 1-ай арміі: Зводны Асавецкі корпус у складзе дзвюх пяхотных дывізій (57-й і 111-й) і 1-шы армейскі корпус таксама ў складзе дзвюх пяхотных дывізій (22-я і 24-я). На флангах Гродна прыкрывалі часці яшчэ чатырох карпусоў пад камандаваннем генералаў Арцём'ева, Баланіна, Яўрэінава і Караткевіча. У гэты ж дзень паступіў загад абодвум карпусам пакінуць занятыя пазіцыі і заняць абарону на крапасным абводзе. Абарону ад в. Трычы да форта № IV заняла 24-я пяхотная дывізія пад камандаваннем генерал-маёра Палянскага ў складзе 4,5 тыс. штыкоў і 118-я, 119-я, 120-я, 239-я дружыны дзяржаўнага апалчэння.

Наступленне 1-й і 11-й ландверных і 75-й рэзервавай дывізій немцаў на фронце 1-га армейскага корпуса пачалося ранаіцай 18 жніўня. У ходзе жорстага бою расійская армія адступіла. На наступны дзень ранаіцай, разгарнуўшы дывізію ў напрамку вёсак Рагачы, Бяляны, Кусцінцы, немцы на працягу трох гадзін бою завалодалі рагачоўскімі пазіцыямі. Яны набылі выключна выгадны рубж для артылерыйскага абстрэлу ўсяго тылу крапаснога абводу. Расійскае камандаванне недаацаніла значэнне пазіцый пад Рагачамі, пра што прызнаўся камандуючы 1-м армейскім корпусам генерал-лейтэнант А.А. Душкевіч.

Немцы ўстанавілі цяжкія артылерыйскія батарэі ў в. Хварасцяны, каля чыгуначнай станцыі Бяляны (на дарозе Гродна – Сувалкі) на рагачоўскіх пазіцыях і пад непарарыўным абстрэлам пачалі наступленне на 88-мы, 95-ты і 96-ты палкі, якія абаранялі IV форт і подступы да V. У нямецкіх крыніцах паведамляецца пра 35 батарэй, прыдадзеных тром германскім дывізіям. Пасля кожнай адбітай атакі артабстрэл узмацняўся. 19 жніўня пад вечар немцы завалодалі апорнымі пунктамі № 8, а пазней № 6 і № 7. У выніку контратакі 88-га палка і батальёна 94-га палкоў апорны пункт № 6 быў адбіты. Але перамога была часовай.

Гарнізон IV форта, які складаўся з дзвюх рот апалчэнцаў, панёс незаменныя страты. На 4 гадзіны дня ён налічваў усяго 50 чалавек, былі выведзены з строю ўсе кулямёты. Накіраваныя для ўзмацнення гарнізона дзве роты былі расстрэляны артагнём немцаў. Да форта змагло прабіцца не больш за 60 чалавек. У 5 гадзін 30 мінут немцы пачалі новы штурм IV форта, але былі адбіты. Пасля абстрэлу пазіцый шрапнэллю і фугасамі колькасць абаронцаў скарацілася да 30 салдат на чале з камандзірам батальёна 95 палка капітанам Наркевічам. Было вырашана ўзарваць форт і адступіць да горада. Ваенны інжынер капітан У.М. Дзясніцкі ўспамінаў пра гэты падзеі: «На форту 4 подорвать ничего не могли, т.к. шнуры были у подрывников отняты нижними чинами. Пороховой погреб не подорван, потому что был занят немцами раньше, чем мы вышли из форта. Общие выводы после 2 дней обстрела форта с технической точки зрения таковы: от снарядов бетон не пробивался. Воронка получалась диаметром около 0,30 сажень и глубиной до 2 дюймов. Всего за второй день по бетону было до 500 попаданий». Па сцверджанню інжынера, у памяшканнях форта знаходзілася да 150 раненых салдат, якіх не змаглі адправіць у тыл. Сярод абаронцаў форта пачалася паніка, салдаты кідалі зброю і тапталі яе нагамі. Немцы падняліся на апошні

штурм, і форт быў захоплены неразбураным. З форта вырвалася толькі 7 чалавек, сярод якіх былі капітаны Наркевіч і Дзясніцкі. У нарысе «Wie Grodno deutsch wurde» («Як Гродна стаў нямецкім» – надрукаваны ў 1916 г.) сцвярджалася, што чацвёрты форт быў узяты 3-м ландверным пяхотным палком у 3 гадзіны 30 мінут 1 верасня. Наступнае ўмацаванне – форт IVa (вядомы як «малы форт», на самой справе апорны пункт № 8) таксама было захоплены, а 3 афіцэры, 679 салдат было забіта.

Адначасова з узяццем IV форта ў штаб крэпасці паступіла данясенне камандзіра зводнага Асавецкага корпуса аб ўзмацненні націску на 57-ю пяхотную дывізію, якая дыслацыравалася на пазіцыях I, II і III фартоў. Паступіў загад аб вывадзе палкоў з перадавых пазіцый. Адыход адбываўся пры моцным націску немцаў на левым флангу 226-га палка. З адыходам батальёна 227-га палка і батарэі 67-й артбрыгады, якія займалі вышыню 100,3, пяць левафланговых рот 226 –го палка былі акружаны і знішчаны.

Цяжкай баі разгарнуліся на пазіцыях форта № III у раёне в. Лабна-Агароднікі. Цяжкая артылерыя немцаў, устаноўленая на рагачоўскіх пазіцыях, без перашкоды вяла абстрэл гэтага форта і апорнага пункта «Г». Пасля артылерыйскай падрыхтоўкі нямецкія войск іпачалі штурм пазіцый, але некалькі разоў былі адбітыя. Вечарам 19 жніўня немцы пачалі апошні рашучы штурм. Але і на гэты раз ім не ўдалося захапіць пазіцыі, хоць абаронцаў амаль не засталася. У 12 гадзін ночы пачаўся агульны адвод расійскіх войскаў з левага берага Нёмана і знішчэнне ўсіх умацаванняў. У 2 гадзіны 20 мінут з 19 на 20 жніўня ваенны інжынер падпалкоўнік Модрах аддаў загад аб узрыве дзевяці 12,5-пудоўных зарадаў піраксіліна, закладзеных у мінных калодзежах форта. Па сведчанню Модраха, былі ўзарваны фарты I, II, літарны «В», апорны пункт «Е», цэнтральная тэлефонная станцыя 3-га участка, бетонныя парахавыя склеп і вадакачка.

Дырэктыва камандуючага 1-ай арміяй аб адыходзе гродзенскага атрада і суседніх карпусоў на правы бераг Нёмана была атрымана 19 жніўня ў 10 гадзін 30 мінут. Адыход было загадана пачаць у 12 гадзін ночы, папярэдне ўзарваўшы абарончыя збудаванні левабярэжнага краснага абводу. Згодна рапарту начальніка інжынераў, было ўзарвана 11 фартоў, 14 апорных пунктаў, 6 бетонных склепаў, 5 мастоў праз р. Нёман, 4 праз р. Ласосна і ўсе плывучыя сродкі па р. Нёман. Было ўзарвана або спалена 48 камплектаў вадакачак і розных механічных устаноў на лініі фартоў, 30 рухавікоў механічных устаноў, што належалі прыватным асобам, гарадскому самакіраванню і казённым установам, усе інжынерныя будынкі і склады, а таксама некаторыя каменныя будынкі, сярод якіх і чыгуначная станцыя. Акрамя гэтага, было знішчана больш за 700 тысяч пудоў рознай маёмасці, у тым ліку прадуктаў харчавання і фуражу.

Эвакуацыю не ўдалося правесці ў поўнай ступені з-за недахопу транспарту і хуткага прарыву абароны крэпасці. Па разліках камандавання крэпасці, для эвакуацыі маёмасці патрабавалася 3197 чыгуначных вагонаў. Вываз артылерыйскай маёмасці планавалася завяршыць да 15 жніўня, інтэнданцкай – да 24, інжынернай – да 31 жніўня. Аднак да 12 жніўня адміністрацыя чыгуначнага вакзала прадаставіла толькі некалькі вагонаў. Па гэтай прычыне інжынерная маёмасць вывозілася аўтамабільным і гужавым транспартам. Вываз маёмасці са станцыі Ласосна спыніўся 19 жніўня, са станцыі Гродна – 20 жніўня ў сувязі з захопам горада нямецкімі войскамі. Камандаванне 1-й арміі пераехала ў г. Ліда [12].

Калі гаварыць аб ролі Гродзенскай крэпасці ў баях Першай сусветнай вайны, неабходна ўспомніць словы вядомага спецыяліста-фартыфікатара В.В. Якаўлева аб тым, што ў сусветную вайну ўсе крэпасці адыгралі ролю, але не заўсёды ў той ступені, як гэта планавалася ў мірны час [13, с. 380]. Гродзенская крэпасць, нягледзячы на незавершанасць будаўніцтва фартыфікацыйных збудаванняў, была для рускай арміі важнай аперацыйнай базай, месцам фарміравання і абучэння войскаў, якія потым прымалі ўдзел у баявых дзеяннях на фронце, пунктам матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння войскаў, моцным маральным фактарам для арміі і насельніцтва. Гістарычна склалася так, што будаўніцтва крэпасці ў Гродна была прынята назадоўга да пачатку Першай сусветнай вайны і развалу дзяржавы. Таму Гродзенскую крэпасць можна назваць апошняй крэпасцю Расійскай імперыі.

Артыкул падрыхтаваны пад час выканання Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2011-2015 гг. "Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі".

ЛІТАРАТУРА

1. Пивоварчик, С.А. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772 – 1941) / С.А. Пивоварчик – Гродно: ГрГУ, 2006. – 252 с.
2. План г. Гродно с проектами укрепления оногo. Б.д. // Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 349. – Оп. 12. – Д. 1481.
3. План г. Гродно с означением вновь проектируемой крепости. 1807 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 349. – Оп. 12. – Д. 1484.
4. Szymański, S. Niezrealizowany rosyjski projekt ufortyfikowania Grodna przed wyprawą Napoleona na Moskwę / S. Szymański // Studia i materiały do historii wojskowości. – Т. XII, cz. 1. – Warszawa, 1966. – S. 231–235.
5. Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 349. – Оп. 12. — Увеличенный план города Гродны с наложением проекта укрепления оногo. 1831 г. // Д. 1487.
6. Заянчковский, А.М. Подготовка России к империалистической войне: Очерки военной подготовки и первоначальных планов / А.М. Заянчковский. – М, 1926. – 429 с.

7. Доклад по Штабу Виленского военного округа «История возникновения гродненской укрепленной позиции». 1907 г. // Российский государственный военно-исторический архив. – Фонд 13129. – Оп. 1. – Д. 5.
8. История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золоторева. – М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. – 592 с.
9. Рапорт генерал-майора Кайгородова о работе Изыскательной партии от 20 ноября 1911 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) – Фонд 13129. – Оп. 3. – Д. 954. – Л. 8-13.
10. Соображения о стратегическом назначении Гродненской крепости 1912 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) – Фонд 13129. – Оп. 1. – Д. 499. – Л. 1–6об.
11. Пивоварчик, С.А. Гродненская фортификация XIX – нач. XX вв. От укрепленной позиции к перовклассной крепости / С.А. Пивоварчик // Цитадель. Сборник статей по истории фортификации и военно-морского флота. – 2005. – № 12. – С. 47–59.
12. Плешевеня, А. Каля Гродзенских фартоў / А. Плешевеня // Памяць. Гродна: Гіст.-дакум. хроніка. – Мінск, БЕЛТА, 1999 / А. Плешевеня. – С. 214–224.
13. Яковлев, В.В. История крепостей / В.В. Яковлев. – М.: ООО «Фирма «Издательство Аст»; ООО «Издательство Полигон», 2000. – 400 с.

БАЮРА В.Н.

Кандидат географических наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 2014 г. народы многих стран будут отмечать 100-летие Первой мировой войны.

Граждане разных государств будут как в составе организованных групп, так и в индивидуальном порядке посещать места великих битв и сражений. Особое внимание туристы уделяют осмотру и изучению сохранившихся объектов военно-исторического наследия – крепостей, фортов и других военных сооружений.

Военно-исторический туризм получил значительное развитие в последние годы во всем мире, включая Россию. Так, по данным английской газеты The Guardian, только во Францию ежегодно приезжает более 20 млн. человек, основной целью которых является посещение мест знаменитых битв и сражений, памятников воинской славы и военной истории. В 2011 г. во Франции прошла первая национальная конференция по военно-историческому туризму. Там отмечалось, что туры по местам боевых сражений и боевой славы могут принести значительный доход стране, а также выполнять важнейшую задачу по сохранению коллективной памяти о трагических событиях войн и сражений. В Республике Беларусь, по данным белорусского агентства «Интерфакс», за 2012 г. военно-исторические комплексы приняли более 300 тысяч туристов. Значительный прирост числа участников военно-исторического туризма зафиксирован и в России, чему способствовало отмечавшееся в 2012 г. 200-летие Бородинской битвы.

В Западной Европе особой популярностью пользуются военно-исторические туры, связанные с посещением мест боевых событий наполеоновских войн, а также Первой и Второй мировых войн. Тысячи путешественников, любителей военной истории ежегодно посещают Ватерлоо (Бельгия), Аустерлиц (Чехия), и другие места знаменитых битв наполеоновской армии.

Существуют разные точки зрения на проблему дефиниции военно-исторического туризма и классификации его видов (Баюра, 2009, Карлов, 2007, и др.). Некоторые исследователи предпочитают термин «военный туризм», относя все военно-исторические реконструкции, фестивали и праздники к категории «событийного туризма». Другие предпочитают термин «фортификационный туризм», делая упор на туристский интерес к незабываемой в веках системе оборонительных сооружений (крепостей, замков, фортов). Третьи готовы любые посещения военно-исторических экспозиций, музеев и объектов причислить к военно-историческому туризму.

На наш взгляд, к военно-историческому туризму можно отнести те путешествия людей, основная мотивация которых так или иначе связана с событиями военной истории или исторической военно-технической проблематикой. Само по себе кратковременное посещение тех или иных памятных мест военной истории, музеев воинской славы и тому подобных объектов часто является лишь незначительным компонентом обычных познавательных туров, но это еще не военно-исторический туризм.

Следует также отдельно рассматривать военный (или армейский) туризм. Он привлекает также значительное число людей, которым интересно познакомиться с военно-технической компонентой современной армии (военно-технический туризм), в течение короткого периода «вкусить прелести» полевой армейской жизни.

Военно-технические туры появились лишь в последние десятилетия. Сейчас турфирмы разных стран предлагают самые разные варианты военно-технических туров, от обзорных до активных, в ходе которых любители военной техники могут сами и полетать на военном самолете, и прокатиться на танке, и пострелять из огнемета или гранатомета, и прыгнуть с парашютом с военных самолетов.

Уникальные военно-технические программы предлагает компания «Воентур М» (Combat tour). В числе предлагаемых к посещению музеев и закрытые объекты – бункер Сталина, Центр подготовки космонавтов, Центр управления полетами, Музей ракетно-космической техники РКК «Энергия», и другие интересные объекты, включая посещение космодрома «Байконур». Отметим, что в военно-исторических программах компании «Воентур М» приняли участие такие страны, как Австрия, Бельгия, Великобритания, США, Германия, Япония и другие.

На наш взгляд, может быть предложена следующая классификация.

Все множество современных вариантов военно-исторического туризма можно подразделить на 4 основных вида:

1. Военно-исторические познавательные туры.
2. Военно-исторические реконструкции, фестивали и праздники.
3. Военно-фортификационные туры.
4. Военно-коллекционные туры.

В Советском Союзе существовал целый ряд всесоюзных туристских маршрутов, являвшихся фактически военно-историческими. Всем памятны туристские маршруты в Брестскую крепость (героическая оборона крепости в 1941 г. и русское военно-фортификационное искусство XIX – начала XX вв.), Сталинград (Сталинградская битва 1942-1943 гг.), город русской славы – Севастополь (героическая оборона во время Крымской войны 1854-1856 гг. и в 1941-1942 гг.), Бородино (сражение 1812 г. с Наполеоном) и другие места значимых военно-исторических и революционных событий.

В современной России в последнее время на разном уровне высказаны предложения о восстановлении многих военно-исторических маршрутов, пользовавшихся популярностью в советское время. Ряд фирм предлагает и новые маршруты, связанные с военной историей от петровских времен до событий Великой Отечественной войны (например, фирма «Серебряное кольцо» (С-Петербург предлагает 2-5-7-дневные военно-исторические туры по Псковской, Новгородской, Ленинградской областям и в Карелию, а также в Финляндию).

В 2014 году исполняется 100 лет с начала Первой мировой войны. Во всех странах Европы, участвовавших в Первой мировой войне, приводятся в полный порядок многочисленные посвященные ей монументы и памятники, публикуются различные архивные документы, реконструируются музеи, крепости и укрепления, организуются новые военно-исторические туры. К знаковым местам Первой мировой войны в Западной Европе относятся Верден (Франция, битва 1916 г.), Ипр (Бельгия, первое применение отравляющих газов), Компьен (подписание Германией капитуляции в 1918 г.).

Не меньший интерес у туристов вызывают посещения мест сражений Второй мировой войны - побережья Нормандии (высадка союзных войск летом 1944 г. и фортификации знаменитого Атлантического вала), Арденн (Бельгия, немецкое контрнаступление в январе 1945 г.) и других мест сражений.

Многие туристские фирмы стран западной Европы организуют военно-исторические познавательные туры, как по своим странам, так и по территории других стран. Так, в Великобритании ряд турфирм организует поездки по местам величайших битв Второй мировой войны на территории бывшего СССР (Ленинград, Москва, Орловско-Курская дуга, Сталинград, Севастополь), Бельгии (битвы Первой и Второй мировых, а также наполеоновских войн). Значительный интерес у туристов Великобритании и Франции вызывают туры в Крым и Турцию, посвященные крымской войне 1854-1855 гг.

В современной России фактически нет памятников, посвященных Первой мировой войне. Еще в советские времена она была объявлена империалистической, стало быть, не заслуживающей сколь-нибудь значительного внимания и увековечивания. Положение мало изменилось и в современный период (расширились разве что экспозиции музеев, в которых появились экспонаты по Первой мировой войне). Между тем, Россия потеряла в этой войне несколько миллионов убитыми и ранеными, и увековечивание памяти об этих жертвах – первостепенная нравственная задача. Тем более что интерес к этим событиям в нашем обществе растет, чему свидетельство расширение деятельности военно-исторических клубов, рост числа их участников.

Военно-исторические реконструкции, по утверждениям некоторых историков, наиболее древний вид военно-исторического туризма. Наиболее яркие события военной истории реконструировались для ознакомления с ними широкой публики еще в Древней Греции и в Древнем Риме, для чего нередко строились специальные арены, а при реконструкции морских сражений – даже корабли. Нарастание популярности военно-исторических реконструкций зафиксировано во всем мире. В нашей стране это движение началось с середины 70-х гг. XX в. и в настоящее время насчитывает более 50 региональных военно-исторических клубов, объединенных в военно-историческую ассоциацию России (ВИАР).

Особую популярность имеют так называемые фортификационные туры. Крепости и форты – неотъемлемая часть военно-исторической культуры многих стран мира, особенно в Западной Европе. Особенно много их сохранилось на границах Франции, Бельгии, Польши, Австрии, Германии и других стран. И множество туристов ежегодно целенаправленно посещают и изучают эти объекты военно-фортификационного наследия. Очевидный туристский интерес к этим объектам способствовал всестороннему научному изучению фортификационных сооружений и широкому международному обмену опытом в деле изучения и реставрации крепостей, создания на их базе современных туристских центров и комплексов.

Отметим, что в большинстве западноевропейских стран сохранением и восстановлением фортов, включением их в активный туристский оборот занимается государство или органы местного самоуправления (муниципалитеты).

В Финляндии в последние годы был открыт для туристов прежде закрытый остров Эре, где великолепно сохранились и продолжают использоваться в оборонительных целях три русские береговые артиллерийские батареи времен Первой мировой войны.

Примером фортификационного туризма в России является разработанный в Псковской области 3-дневный тур «Забывтые крепости XX века», включающий посещение Островского укрепрайона, линии «Пантера» Псковского укрепрайона и Изборской крепости.

Немалое значение в росте популярности военно-исторического туризма имеет также развитие военно-исторического коллекционирования. Все больше людей увлекается коллекционированием военной формы, атрибутики, снаряжения, фотографий и документов, знаков различия и наград. Отдельная тема – коллекционирование оружия, холодного и огнестрельного (как известно, огнестрельное оружие специально дезактивируют, лишают его поражающих свойств). Коллекционеры многих стран буквально кочуют из одной страны в другую в поисках редких экземпляров, ряд фирм организует специальные военно-коллекционные туры.

В России во многих городах также появились магазины для любителей военного антиквариата, однако нерешенность правовых вопросов оборота ряда предметов военно-исторического антиквариата (прежде всего наград и оружия) снижает популярность военно-исторического туризма, особенно въездного. Невозможно представить себе, что приехавший в Россию иностранный турист получит разрешение на вывоз таких предметов в свою страну. Весьма забюрократизирован в последнее время также и ввоз на территорию России подобных предметов коллекционирования.

Таким образом, основными тенденциями развития военно-исторического туризма являются расширение его географии, солидное участие государства в реставрации фортификационного наследия, рост числа участников фортификационных туров, а также военно-исторических реконструкций и фестивалей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов, И. Военно-историческая реконструкция или «Living History» // Реконструктор; Он-лайн журнал «Альманах Марс», № 5, 2007. [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.geraldika.org>
2. Baltic Fort Route (Baltic culture and tourism route fortresses). The International Scientific Conference, 21-23 March 2006, Kaunas, Lithuania. [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.bfr.pl>

СКАРЖИНСКИЙ Е.

Студент Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГРОДНЕНЩИНЫ

Первая мировая война, начавшаяся 100 лет назад, прошла фронтом, а затем границей по судьбам отдельных людей, семей, народов. В западном регионе Беларуси, где в основном проходили боевые действия противоборствующих сторон, война оставила значительное количество мест памяти о себе: захоронений и памятников, окопов и военно-инженерных укреплений. Большинство памятных знаков той войны находятся в Гродненской и Брестской областях.

В Гродненской области в Сморгонском, Ошмянском районах в большей степени сосредоточены свидетельства столетней давности. Сморгонь – районный центр в Гродненской области на 810 дней стал основным пунктом противостояния двух противоборствующих сторон – Германии и России - на нашей земле [7, с. 103 - 112]. Здесь на Сморгонщине германскими войсками была проведена первая газовая атака, но и русская сторона осуществила газово-баллонный ответ; около д. Новоспасская проявили себя воины женского батальона Марии Бочкаревой [7, с.111]; на Ошмянщине осуществили свой подвиг лётчики зарождающейся русской авиации. «Кто под Сморгонью не бывал – тот войны не видал» - так говаривали русские солдаты.

Деревня Асаны под Крево (Сморгонский район). Здесь стоял полк, который оставил большой памятник своим погибшим германским солдатам. Сохранился он довольно не плохо. На высоком каменном постаменте уцелела немного поврежденная военная каска в дубовых листьях, в центре - круглая (в виде медальона) каменная плита с текстом: «Нашим мужественным героям».

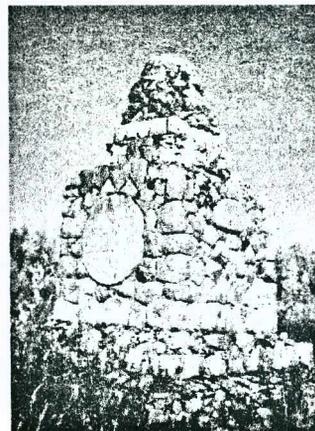

Фото1 – Памятник немецким солдатам у д. Асаны

Старожилы говорят, что возле памятника когда-то были и захоронения, однако еще в 1930-х годах останки были перенесены на кладбище в соседнюю деревню Полторовщина. Весь боевой путь воевавшего здесь немецкого полка с 1914 по 1918 годы, можно проследить на большой мемориальной плите. К сожалению, сохранилась она не лучшим образом, поэтому весь текст разобрать достаточно сложно [9, с. 17].

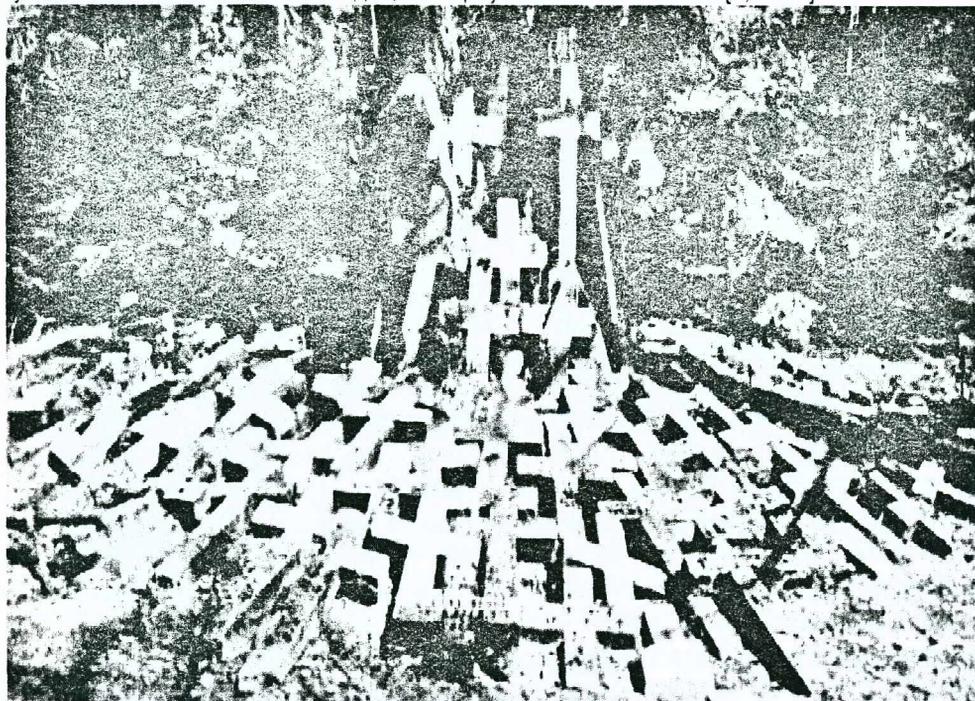
Еще одним примером, когда памятники устанавливали сами немцы, являются два индивидуальных памятника в д. Данюшево. В деревянном Троицком костеле, построенном в 1809 году, во время Первой мировой войны был оборудован немецкий госпиталь. Умерших от ран порой хоронили прямо во дворе - об этом свидетельствуют два индивидуальных памятника немецким офицерам внутри костельной ограды. После того, как линия фронта стабилизировалась неподалеку от деревни, военные соорудили перед костелом большой памятник из камней и бетона, который посвятили «памяти славного наступления 1915 года». Уже после войны прямо на вершине памятника была установлена более уместная для сего места скульптура Божьей Матери. Но на постаменте еще можно разобрать текст, напоминающий о событиях той давней войны [9, с. 29].

Фото2 – Памятник-скульптура в д. Данюшево около Троицкого костела

Однако не только памятники остались после событий Первой мировой войны. На территории Гродненщины имеется немало кладбищ солдат обеих армий, погибших на полях сражений, заброшенных и затерянных в лесах. Одно из них находится у д. Колпея Сморгонского района. Отыскать это место не просто - кладбище находится в лесу, в нескольких километрах от деревни. Видимо, размеры его были внушительными: на протяжении сотен метров вдоль лесной дороги встречаются характерные бугорки и оставленные «чёрными копателями» ямы. Несколько лет назад краеведы из Сморгони вместе с известным белорусским художником Борисом Цитовичем собрали по

лесу разбросанные кресты и сложили их под деревом. Получился своего рода большой общий памятник, собранный в буквальном смысле из имён солдат, не вернувшихся с той войны [9, с. 37].

Фото3 – Воинское кладбище у д. Колпея

В д. Полторовщина Сморгонского района на местном кладбище сохранился участок с немецким памятником. Есть тут и остатки ворот, через которые можно пройти к теперь уже заросшим травой ступеням и по ним подняться к каменному обелиску, над которым распростер крылья орел. К сожалению, на памятнике не уцелело ни одной из двух мемориальных плит, на которых, возможно, была надпись с номером части. На земле рядом с памятником можно найти под травой немало стандартных бетонных надгробий. Известно, что позже (в 1930-х годах) сюда были перезахоронены останки немецких солдат из некоторых других захоронений, в частности, из д. Асаны. Есть на кладбище и небольшой полуразрушенный памятник с текстом на немецком языке, находящийся на могиле нескольких немецких солдат, которые «погибли за Отечество» (Für Ihr Vaterland starben) 5.10.1916 года [9, с. 57].

Деревня Олешинки в годы войны находились в немецкой зоне, от передовой деревню отделяло всего пару километров. За время военных действий тут образовалось довольно большое воинское кладбище. Сейчас на его месте сохранились только несколько больших деревьев, остатки ограды, каменная входная арка и сильно разрушенный постамент большого памятника. Следов могил не осталось совсем: нет ни надгробий, ни характерных холмиков. Одна из старожилов в деревне свидетельствовала, что раньше была ограда по всему кладбищу с входной аркой, наверху которой стоял крест, а также железные ворота, тоже с крестами, но потом все порушили [9, с. 56].

Довольно большое воинское кладбище находится на западной опушке Новоспасского леса неподалеку от деревни Михничи, что в 10 км от Сморгони. Самые напряженные бои в этих местах проходили в июле 1917 года. Под прикрытием артиллерии стрелковые дивизии 12-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Е. Искрицкого во время наступления захватили сначала восточную, а затем и западную опушки Новоспасского леса и удержали позиции. Свидетельством тех событий осталось это кладбище. Его часто называют русским, хотя оно смешанное. Сегодня здесь в основном остались только едва заметные могильные бугорки и еще несколько ям, оставленных вездесущими «копателями». Было на кладбище и несколько бетонных памятников, из которых хорошо уцелел только один. Однако именно он донес до нас имя одного из российских героев той операции. На нём написано: Георгиев. Кавалер Штабс-капитан, Сиб. стр. арт. бригады Андрей Павлович ЛАГУНОВ род. 5.11.1895 г. захоронен 9 (22) VII 1917 на захваченной им немецкой батарее [9, с. 49].

Фото4 – Памятник Георгиевскому кавалеру А.Лагунову

Сибирская стрелковая артиллерийская бригада входила во 2-ю Сибирскую стрелковую дивизию 1-го Сибирского армейского корпуса. Информация на обелиске дала возможность специалистам Министерства обороны Беларуси подготовить подробный запрос в Российский государственный военно-исторический архив, откуда пришел ответ с описанием подвига, за который штабс-капитан посмертно был удостоен высшей воинской награды. В ходе наступления, будучи дважды раненым, Андрей Лагунов с солдатами захватил немецкую батарею, развернул орудия и начал обстрел вражеского тыла. 22-летний офицер лично вел огонь и, как сказано в представлении к награде, «продолжая свое святое дело, пал, сраженный неприятельским снарядом, запечатлев своею смертью свой доблестный подвиг». По рассказам местных жителей, в 1930-е годы сюда из Вильнюса приезжал брат погибшего русского офицера, проводивший в этом районе землеустроительные работы. Ему помогали местные мальчишки, которые увидели на его схемах фамилию Лагунов и вспомнили, что такая же написана на кресте воинского кладбища в ближнем лесу. Вскоре брат поставил на могиле героя каменный памятник, который сохранился до наших дней [9, с. 49].

В Ошмянском районе около деревни Гольшаны (по дороге на Трабы) находится памятник подобный памятнику у д. Асаны Сморгонского района. Предположительно его возвели немецкие солдаты при помощи местного населения в 1916 году. Внешне очень похож на памятник в д. Асаны, однако вместо каски на вершине памятника был изображен немецкий крест (балкенкрюц). Рядом с памятником располагались могилы солдат, а само кладбище было огорожено. В настоящее время могилы солдат не сохранились, остался только памятник, но без креста и в плохом состоянии.

В д. Боруны на Ошмянщине на немецком кладбище в 1916 году были захоронены лётчики экипажа самолёта «Илья Муромец»: поручики Дмитрий Макшеев, Митрофан Рахмин, Фарух-Ага-Мамед Гаибов и кадет Олег Карпов. Их самолёт отражал атаки четырёх немецких истребителей. Три из них русские лётчики сбили, а четвёртый успел повредить главную стойку крыла. Самолёт вошёл в штопор и рухнул на землю. Мужеством экипажа «Илья Муромца» были поражены даже противники, которые похоронили погибших со всеми воинскими почестями на своём военном кладбище. На каждой из четырёх могил они установили православные кресты, а на доске была сделана надпись на немецком языке: «Здесь похоронены 4 русских лётчика, сбитых в воздушном бою 25. IX.1916». У подножия крестов положили обгоревшее колесо и радиатор самолёта. Позже на месте четырёх могил был поставлен один православный крест, который сохранился до наших дней, с надписью: «Здесь похоронены четыре неизвестных русских лётчика». Имена лётчиков стали известны недавно благодаря исследователям и краеведам. В 2009 году в центре деревни был открыт памятник лётчикам-героям Первой мировой войны. Он представляет собой огромный гранитный валун с барельефами лётчиков экипажа «Илья Муромца» и их именами [2, с.5].

Еще одним напоминанием о событиях Первой мировой войны являются бетонные фортификационные сооружения, предназначенные для укрытия пехоты и ведения огня – ДОТы (долговременные огневые точки). Небольшие огневые сооружения являются продуктом опыта Первой мировой войны. Тогда с прочными сооружениями умели справляться только при помощи крупнокалиберной артиллерии (полевые гаубицы и мортиры, морская артиллерия), точность стрельбы которой по навесной траектории с закрытых позиций была невысокой.

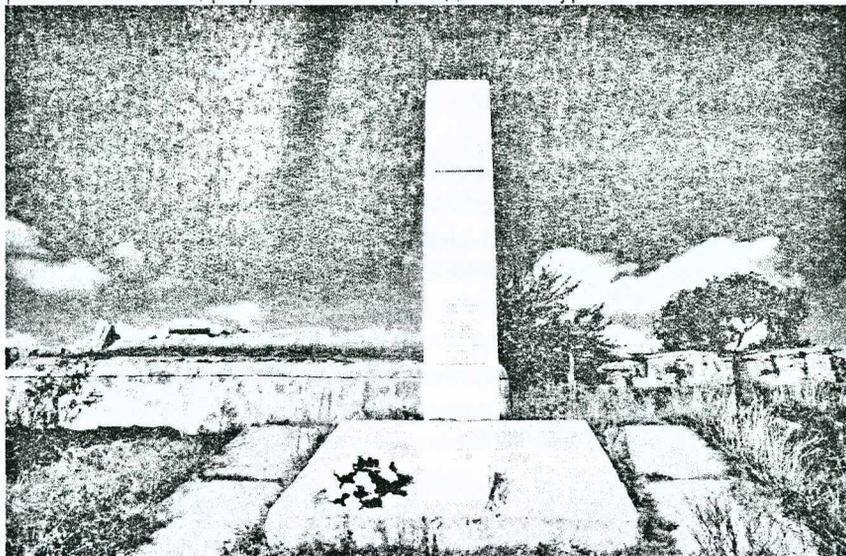
ДОТ представлял собой очень маленькую мишень, для разрушения которой требовалось до нескольких сотен выстрелов из гаубицы (мортиры) большего калибра, чем расчётный для данного сооружения, а для меньших калибров он был почти недоступен. Потому правильно построенная оборонительная линия из орудийных и пулемётных долговременных сооружений, периодически поддерживаемых авиацией и сторонней дальнебойной артиллерией, теоретически могла малыми силами надолго сдерживать наступление противника, не желающего понести большие потери в живой силе и технике. Во многом благодаря своей живучести многие из них дошли до настоящего времени. Значительное количество ДОТов находится в Сморгонском районе, где проходила линия фронта.

Если въезжать в Сморгонь по дороге из Крево, то в полях слева можно увидеть целый ряд неубранных островков, заросших кустами и деревьями. Под этими островками – ДОТы, построенные в 1915 – 1917 годах на немецкой передовой. Далее эта линия пересекает нынешнюю объездную дорогу вокруг райцентра и уходит на территорию города. Российские укрепленные позиции располагались, напротив, в пределах прямой видимости, однако они были оборудованы из земли и дерева, и сегодня уже практически не прослеживаются. Увидеть их можно только на старых фотографиях [9, с. 8 – 9].

Еще один выезд из Сморгони: на запад, на Солы. Было время, когда выехать из города по этой дороге было практически невозможно: на обочине в районе деревни Ореховка до сих пор стоит немецкий ДОТ. Железная дорога Молодечно – Островец на запад от Сморгони находилась под контролем немцев, о чем свидетельствует этот ДОТ недалеко от моста, по которому проходит объездная автодорога [9, с. 10].

У деревни Березы – продолжение немецкой линии обороны к северу от Сморгони. Когда-то рядом с деревней была расположена одна из самых высоких точек на Сморгонщине, поэтому ДОТов в окрестностях было огромное количество. Сейчас возвышенности нет, на ее месте – песчаный карьер. Часть военных построек была уничтожена в ходе земляных работ, от многих остались только руины. Но некоторые все же уцелели [9, с. 19].

До начала Первой мировой войны в окрестностях Гродно было сооружено 13 фортов и 24 опорных пункта на расстоянии 8 – 15 км от города. В августе 1915 года здесь прошли скоротечные, но достаточно упорные арьергардные бои отступающей русской армии. Практически все укрепленные сооружения были взорваны русскими сапёрами при отступлении [6, с. 210 - 224]. Фортификационные сооружения Гродненской крепости включены в Государственный список историко-культурного наследия, на некоторых из них установлены мемориальные знаки в виде православных крестов и информационных табличек, разработаны и проводятся экскурсии.

Фото 5 – Форт № 1 (на переднем плане памятник советским солдатам, погибшим в годы Великой Отечественной войны)

Первая мировая война оказалась одной из самых «незнаменитых» войн России, «неизвестной мировой» и одной из крупнейших глобальных катастроф XX века. Данная тенденция хорошо просматривается на примере памятников и памятных мест, связанных с событиями той войны на белорусской земле – практически все они уже давно забыты, а большинству сохранившихся, требуется капитальный ремонт.

В связи со столетием начала Первой мировой войны стали проводиться мероприятия по возвращению исторической памяти об этих событиях. В городе Слониме будут проведены реставрационные работы на мусульманском кладбище, где есть захоронения 1914 – 1915 гг. воинов Казанской, Уфимской, Самарской дивизий. Заинтересованность в этом высказал в ходе визита на Гродненщину Ильдар Бикбаев, руководитель совета регионального общественного фонда поисковых отрядов Республики Башкортостан [3, с. 3]. Доминантой же масштабных мероприятий (для их разработки и осуществления в Беларуси создан оргкомитет) должно стать открытие на Сморгонщине мемориального комплекса. Уже в 2006 году был проведён конкурс эскизных проектов

этого комплекса. Согласно проекту, главная часть комплекса расположится в парке Победы. Аллея из плакучих ив пройдёт через всю территорию (430 м) парка и как-бы «нанижет» элементы знаков памяти. На входе в парк будут установлены две стены с текстами, отлитыми из бронзы. В центре мемориальной зоны расположится карта военных действий на Сморгонщине. Она будет отлита из бронзы (диаметром три метра) на невысоком гранитном постаменте. По обе стороны от неё разместятся мемориальные урны с землёй из мест захоронения воинов двух противоборствующих армий и две гранитные стены памяти: на одной – 800 фамилий русских воинов; на другой – текст на немецком языке: «Здесь, на Сморгонской земле, покоятся тысячи немецких солдат и офицеров, погибших в сражениях жестокой, бессмысленной войны 1915 – 1917 гг.». Продолжит мемориальную зону часовня с колоколом и Георгиевским крестом. В центральной части на величественной глыбе запланировано установить скульптурную композицию «Крылатый гений солдатской славы», а также две бронзовые скульптуры – «Солдаты Первой мировой» и «Беженцы». В западной части города, недалеко от дороги Минск – Вильнюс, где сохранилось много свидетельств войны столетней давности, должны расположиться скульптурная композиция «Проклятие войне» и карта с перечислением стран-участниц Первой мировой войны. Комплекс планируется сооружать за средства Союзного государства. Уже отлиты скульптуры «Крылатый гений солдатской славы» и находятся с 2009 года на хранении на дворе одного из предприятий Сморгони [1, с. 5].

Общей эпитафией воинам, павшим на фронтах Первой мировой войны могут стать слова генерала Алексея Брусилова из книги «Мои воспоминания»: «...какое глубокое чувство сохранилось в душе моей ко всем верившим мне моим дорогим войскам. По слову моему они шли ... на смерть, увечья, страдания. И всё это зря... Да простят они мне это, ибо я в этом не повинен: предвидеть будущее я не мог» [5, с.192]. Свидетельства той войны, дошедшие до наших дней, требуют исследования, научного изучения и сохранения. Определённая работа в этом направлении начала проводиться. Будем надеяться, что по прошествии столетнего юбилея события и значение Первой мировой войны займут должное место в сознании белорусского общества и станут не только материальным, но и духовным мемориалом тем трагическим событиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волянец Наталия. Память Первой мировой // Гродненская правда. – 2013. – 21 лістапада. – С. 5.
2. Волянец Наталия. Память через столетия // Гродненская правда. – 2013. – 3 кастрычніка. – С. 5.
3. Гаврицкий Сергей. Увековечить память // Гродненская правда. – 2013. – 20 лістапада. – С. 3.
4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; Рэд. кал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: БелСЭ, 1986. – 371 с.
5. Памятники истории и культуры Республики Беларусь: пособие / В.П. Кисель. – Минск: Літаратура і мастацтва, 2011. – 296 с.
6. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка горада Гродна. – Мн.: БелЭн, 1999. – 712 с.
7. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Сморгонскага раёна. – Мн.: БелЭн, 2004. – 634 с.
8. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Іўеўскага раёна. – Мн.: БЕЛТА, 2002. – 510 с.
9. По следам Первой мировой войны в Беларуси: Сморгонский район: фотоальбом / фото и текст В. Богданова. – Мн.: Гольфстрим, 2007. – 64 с.

ШОРОХ В.С., БОРИСОВ В.В.

Исследовательская группа «Крапіва», г. Брест, Беларусь

СИСТЕМА ФОРТОВ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Форты – очень старый вид укреплений, кроме того, этим термином в разное время и в разных местах назывались совершенно непохожие друг на друга сооружения. Два фортовых обвода вокруг Брестской крепости, несмотря на то, что построены они с интервалом менее тридцати лет, также состоят из весьма разнотипных объектов. Возводившаяся система укреплений была рассчитана на противостояние немецкой армии, перекрывая один из удобных путей наступления в направлении Москвы, и к Первой Мировой войне выглядела очень внушительно, хотя использовать её по назначению не удалось.

Первый фортовой обвод создавался в течение 1878-1888 годов и по первоначальному плану должен был состоять из 7 фортов. Но в процессе строительства планы несколько изменились, и в итоге фортов построили 9. Из них четыре (I, II, III и VIII) имели сухие рвы, а оставшиеся пять – заполненные водой. Впрочем, по планировке семь первых фортов отличались друг от друга незначительно. Основной частью каждого из них был вал, в котором размещались по 8 кирпичных казематов и три потерны (сквозные проходы), к каждой из которых были пристроены два пороховых погреба. За основным валом располагался ров. Если ров был сухой, его с трёх сторон окружала высокая насыпь, полого спускающаяся в сторону противника для исключения мёртвых зон при обстреле с вала (гласис). Если же ров был заполнен водой, то он сам по себе являлся серьёзной преградой, и гласисы в таких

фортах отсутствовали или были менее развиты. Форты с заполненными водой рвами имели казематированные кирпичные казармы, а также сооружения для прострела рва, которые на фортах с сухими рвами отсутствовали. Отметим, что все семь описанных фортов занимали значительную площадь и по этому показателю не уступают большинству фортов второго обвода, возводившихся в 1911-1915 годах.

Два дополнительных форта (VIII и IX) несколько отличались от остальных. Во-первых, они были меньше по площади, во-вторых, не имели восьми кирпичных казематов. Состояли эти форты каждый из трёх потерн в валу, казематированной казармы и рва. У форта VIII ров был сухой, но имелись капонир и два полукапонира для его обороны. Форт IX был окружён заполненным водой рвом, но никаких сооружений для его прострела не предусматривалось. Таким образом, можно сделать вывод, что эти два укрепления имели вспомогательное значение. Это подтверждается и расположением названных укреплений: форт VIII находится между фортами I и II, форт IX – между фортами II и III, закрывая достаточно большие промежутки между ранее запланированными укреплениями.

Обращает на себя внимание тот факт, что было решено дополнительно укрепить двумя вышеуказанными фортами северное и северо-восточное направления, а вовсе не западное или юго-западное, откуда можно было бы ожидать первого удара противника и интенсивного обстрела. Кроме того, из девяти фортов первого обвода западнее Буга расположены только два (VI и VII), то есть данное направление защищено не лучшим образом. О том же свидетельствуют и расстояния между фортами 1-го обвода (см. таблицу 1).

Таблица 1. Расстояния между соседними фортами 1-го обвода.

Форты	Расстояние (м)	Форты	Расстояние (м)
I – VIII	1700	IV – V	4000
VIII – II	2700	V – VI	3750
II – IX	2300	VI – VII	4120
IX – III	2000	VII – I	4940
III – IV	4000	Длина обвода 29500 метров	

Из таблицы следует вывод, что оборонительная линия лучше всего развита именно в северной и северо-восточной части обвода, что же касается юго-запада и запада (форты с V по VII и особенно расстояние от VII до I), то здесь расстояния между фортами наибольшие. Подойти к цитадели на минимальное расстояние можно также именно с запада, поскольку форт VII является наиболее близким к ней укреплением первого обвода. Следовательно, западное направление с точки зрения обороны от обстрела и штурма является самым слабым, но дополнительно укреплять его не сочли нужным.

Это важный момент. Во всех ранее опубликованных книгах по теме Брестской крепости фортовые обводы в силу непонятных причин представляются кругами и на приводимых схемах изображаются именно так, причём, естественно, далеко не все форты попадают на переднюю линию такой абстрактной окружности. На самом деле линия обороны – ломаная, и состоит она отнюдь не из вымышленных дуг (сегментов круга), а из замкнутого ряда прямых участков между соседними фортами, представляя собой вовсе не круг, а неправильный многоугольник. Суммарная длина его сторон не имеет ничего общего с длиной условной окружности, существовавшей только в воображении авторов вышеупомянутых книг. В реальности форты располагались на неодинаковом расстоянии от цитадели и друг от друга и, в зависимости от местности, выполняли различные функции в системе обороны.

В период между возведением первого и второго обводов (первые годы XX века) вне основной линии был построен бетонный форт X, причём находится он в восточном секторе обороны, примерно между фортами IX и III, но вынесен на восток почти на 1200 метров дальше последнего. Что подвигло царских фортификаторов укреплять именно это направление, пренебрегая слабо развитым и более уязвимым западным? Очевидно, то, что форты IX и X прикрывали с двух сторон железную дорогу Москва-Варшава, но тогда встаёт вопрос: почему её так усиленно защищали именно к востоку от города, а западнее Буга эту ветку мог прикрыть только форт VII, да и то не столь надёжно. Увы, ответа пока нет.

В 1911 году был утверждён план развития Брестской крепости на 10 лет, предусматривавший создание вокруг неё второго фортового обвода в 6 – 7 км от цитадели. Согласно первоначальному проекту эта линия обороны должна была состоять из 11 новых и трёх старых фортов, 5 оборонительных казарм и 21 опорного пункта, но в план позднее вносились коррективы, а начавшаяся 1-я мировая война заставила пересмотреть план и всемерно ускорить возведение укреплений. Это отрицательно сказалось на качестве оборонительной линии: часть фортов построили в «полу долговременном» варианте и выдержать полноценный обстрел их сооружения не могли. Большинство же фортов 2-го обвода были значительно технологичнее ранее построенных. Кроме того, старые форты IV, V, VI, VII и VIII после проведённой модернизации ни в чем не уступали новым, а в некоторых случаях и превосходили их.

Новые и модернизированные форты отличались от старых прежде всего тем, что в них чётко разграничивались сферы действия артиллерии ближней и дальней обороны. Орудия, предназначенные исключительно для прострела рвов, то есть обороны собственно форта, теперь помещались только в казематах бетонных капониров и

полукапониров, что позволяло им уцелеть, даже если артиллерия на главном валу будет уничтожена: форт в такой ситуации мог и далее успешно отражать штурмовые атаки. В качестве артиллерии ближнего боя использовались 57-мм казематные пушки системы Норденфельда. Эти, уже не новые и не отличающиеся ни мощностью, ни дальностью, пушки как нельзя лучше подходили для прострела рвов, поскольку в таких условиях им почти никогда не приходилось стрелять на дистанциях более 250 м, то есть огонь велся практически в упор. От 2 до 4 орудий этого типа, стреляя картечью, затрудняли противнику преодоление рва едва ли не до невозможности, в число их боеприпасов входили также чугунные гранаты фугасного действия. Иногда для ближнего боя в фортах устраивались винтовочные бойницы, но это было явно вспомогательное средство.

Артиллерия дальней обороны (не путать с дальнобойной) предназначалась для контроля промежутков между укреплениями и обстрела противника, находящегося в радиусе её действия, а значит, каждый форт мог накрывать местность примерно в 5 км перед собой. Такие орудия устанавливались на главном валу, где для них оборудовались специальные позиции, однако они были более уязвимы, чем казематная артиллерия (расчёты при обстреле могли прятаться в укрытия, но быстро переместить туда пушки было проблематично). В Брестской крепости известен только один пример установки орудий дальней обороны в казематах: в верхнем ярусе горжевого капонира модернизированного форта V были установлены восемь 76-мм пушек на лафетах Дурляхера, простреливавшие промежутки до фортов IV и VI, но это можно считать исключением, подтверждающим правило. Именно с помощью артиллерии дальней обороны форты выполняли своё основное предназначение: взаимное прикрытие, а также предотвращение прорыва противника к цитадели и занятия им удобных позиций для её обстрела.

Новый тип укреплений, использованный во втором обводе, – это оборонительные казармы, предназначенные для прикрытия промежутков между фортами на важных участках обороны. Все 5 оборонительных казарм были построены по одному проекту (рис. 1), в который могли вноситься не принципиальные изменения, например, казарма А-Б обладает значительно усиленной конструкцией по сравнению с типовой. Их бетонная часть состоит из собственно казармы (два каземата из шести могли использоваться для хранения артиллерии или её укрытия при обстреле) и казематированного выхода на вал укрепления, где могли располагаться 2-4 не крупных орудия. Для обороны тыловой части предусматривались только 4 винтовочные бойницы, то есть для боя в окружении эти сооружения исходно не предназначались.

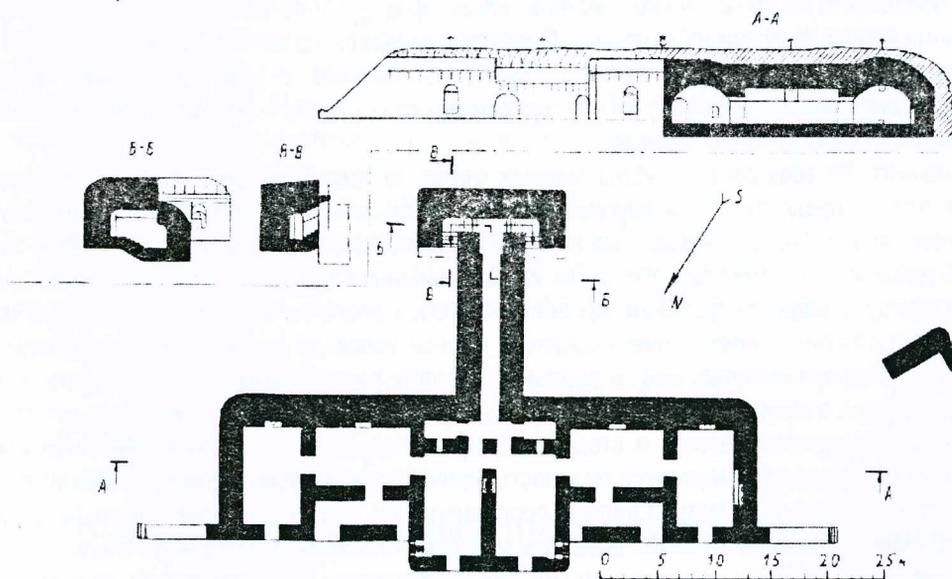

Рисунок 1 – Чертёж типовой оборонительной казармы Ж-3

Опорные пункты являлись симбиозом бетонных укрытий для личного состава и орудий с земляными сооружениями, объединявшими такую позицию в одно целое. Походили на них и батареи. К сожалению, ни одно из этих вспомогательных укреплений не сохранилось до нашего времени в первоначальном виде или хотя бы в хорошем состоянии, что значительно затрудняет их изучение, препятствуя точному выяснению конструкции, вооружения и тактических задач.

Кратко обратим внимание на пороховые погреба, где хранились боеприпасы. В период с 1911 по 1915 год все старые были модернизированы и усилены бетоном, а также построены несколько новых. Эти сооружения предназначались для защиты боеприпасов от огня вражеской артиллерии, но имели также винтовочные бойницы (иногда до 13 штук) для кратковременной обороны от небольших отрядов противника.

Размещение фортов второго обвода не менее оригинально, чем первого. Прежде всего в северном секторе обороны они, по сути, переплетены в одну линию. Форт А построен в 850 метрах от форта I, с другой стороны от последнего, всего в 350 метрах, расположена оборонительная казарма А-Б, форт Б является модернизированным

фортом VIII. Эти четыре достаточно мощных укрепления, расположенные рядом друг с другом, создают наиболее сильно защищённый участок оборонительной линии крепости, но этот же участок новой линии обороны является и самым близким к цитадели. Очевидно, что именно северу и северо-востоку уделялось повышенное внимание при создании обоих фортовых обводов крепости, по крайней мере именно здесь укрепления в обоих случаях располагались значительно ближе друг к другу, чем на других участках (см. таблицы 1 и 2). Не стоит забывать, что из пяти оборонительных казарм три усиливали оборону именно здесь, подряд, располагаясь между фортами северного и северо-восточного направлений (казармы А-Б, Б-В и В-Г).

Таблица 2. Расстояния между соседними фортами 2-го обвода.

Форты	Расстояние (м)	Форты	Расстояние (м)
А – Б	2520	Ж – З	3350
Б – В	2800	З – И	около 4050
В – Г	3200	И – Л	3200
Г – Д	2400	Л – К	4350
Д – М	2200	К – О	2410
М – Е	2900	О – А	7630
Е – Ж	3200	Длина обвода 44200 метров	

Совсем другая картина наблюдается на северо-западном участке оборонительной линии. Западнее Буга располагались пять крупных укреплений второго обвода: форты И, Л, К, О и оборонительная казарма К-О. Три последних укрепления образуют плотную группу, прикрывая дорогу, ведущую от Бялой-Подляски к Тересполью и Варшавскому мосту через Буг. Форт К мог прикрывать и железнодорожную ветку на Варшаву. Что касается фортов И и Л, то они контролируют подходы к крепости с юга. По плану в северо-западном секторе предполагалось строить форт Н, но он остался только на бумаге, строительство даже не начали, в результате здесь образовалась значительная брешь: форт О от форта А (расположенного уже на восточном берегу Буга) отделяют более семи с половиной километров практически неприкрытой местности. В тылу данного сектора, правда, расположен модернизированный форт VII, но это направление по неизвестной причине остаётся самым слабым в обоих фортовых обводах.

Что касается остальных участков оборонительной линии крепости, то они были укреплены достаточно равномерно, а промежутки между фортами прикрывались батареями либо опорными пунктами. Эти укрепления, средние между полевыми и долговременными, сами по себе не представляли серьёзной преграды для противника. Расчёт был на их сочетание с крупными оборонительными сооружениями, что могло, при наличии заполнения из полевых войск, сделать крепость очень трудным препятствием для любой армии периода 1-й мировой войны. Но как раз войск в крепости не было, как и необходимого вооружения с запасом боеприпасов, поэтому вся мощь фортификационной системы Бреста так и осталась в области теории: крепость была сдана без боя.

Заслуживает краткого рассмотрения вопрос о протяжённости фронта каждого из укреплений, то есть участка оборонительной линии, перекрываемого самым широким местом оборонительного сооружения. Сразу бросается в глаза, что форты северного сектора, наиболее близкие между собой, имеют наименьшую протяжённость фронта, а наибольшей она является у фортов от юго-восточного до юго-западного направления. К сожалению, сейчас эта величина поддаётся измерению далеко не у всех фортов, но в таблице 3 приводятся данные о длине фронта тех укреплений, где её удалось установить. Сейчас уже невозможно точно узнать, какую именно часть оборонительной линии перекрывали собой форты. Однако при сравнении данных таблицы 3 с данными таблиц 1 и 2 можно предположить, что суммарная длина всех укреплений по фронту составляла порядка 12% от общей длины оборонительной линии, в которую они входили, то есть приблизительно одну восьмую часть этой линии.

Таблица 3. Протяжённость фронта некоторых укреплений.

Форт	Длина фронта (м)	Форт	Длина фронта (м)	Укрепление	Длина фронта (м)
I	380	Х (Д)	360	Форт К	550
V	430	А	400	Форт Л	400
VI	410	Б	280	Форт О	500
VII	400	Е	550	Каз. А-Б	100
IX	340	Ж	500	Каз. Ж-З	80

В настоящее время степень сохранности фортов и прочих укреплений сравнительно невысока, особенно той их части, что осталась на территории Беларуси. Неповреждёнными остались только форты I и V из первого обвода, а также форты А, Б (VIII), оборонительные казармы Б-В и Ж-З из второго. Сохранились часть бетонных сооружений форта З и подорванная, но не разрушенная казарма А-Б. Уцелели пороховые погреба №№ 3 и 5, №№ 1 и 2 полуразрушены, № 4 повреждён. Небольшие укрепления сохранились лишь частично, да и то не все. Значительный интерес представляют сооружения, оставшиеся на территории Польши. Форты VI, VII, Л, К, О, оборонительная казарма К-О уцелели, как и остатки форта И, их изучение может представлять большой интерес.

В качестве основного вывода следует ещё раз подчеркнуть, что различные сектора обороны крепости укреплялись неодинаково, эта тенденция прослеживается на протяжении от 1878 до 1915 года, но принципы, по которым выбирался тот или иной подход к обороне конкретного направления, не всегда понятны. Можно надеяться, что ответ будет найден, и рано или поздно будет издана действительно качественная и основательная работа по теме брестских укреплений 1878 – 1915 годов, но на данный момент не существует ни самой работы, ни предпосылок к её созданию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас чертежей к наставлению для службы при капонирных 57-мм (2,244-дм) скорострельных одноствольных пушках системы Норденфельта / СПб.: Типография Артиллерийского журнала, 1895.
2. Хмельков, С. А. Бетонные и железобетонные сухопутные фортификационные сооружения / С. А. Хмельков. – М.: издание военно-инженерной академии РККА, 1937.
3. Шорох, В. С. 62-й УР и фортификационная система Бреста / В.С. Шорох, В.В. Борисов. – Брест: Альтернатива, 2012. – 214 с.

ДРУПОВ А.Ю.

Студент исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

УМАЦАВАНАЯ АРТЫЛЕРЫЙСКАЯ ПАЗІЦЫЯ ЛЯ ВЁСКИ ЧУХНЫ

Вёска Чухны знаходзіцца ў Крэўскім сельсавеце Смаргоньскага раёну, у некалькіх кіламетрах на паўднёвы захад ад мястэчка Крэва. Стаіць яна перпендыкулярна рацэ Крэўлянцы, недзе ў кіламетры ад яе. Непасрэдна ўздоўж Крэўлянкі і праходзіла тут лінія фронту, на поўнач у Крэва і на поўдзень у Вярэбушкі. Звяртае на сябе ўвагу тое, што далей на поўнач і на поўдзень мясцовасць значна лепш умацавана – што ў Крэва, што па лініі Ардашы – Вярэбушкі – Чухны.

Артиллерийская пазіцыя знаходзіцца на супрацьлеглым канцы вёскі, на паўночны захад ад паселішча, побач з колішнім фальваркам Шахоўшчына, у невялікай лажбінке недалёк ад вытокаў ракі Вішнеўкі. Фронтам накіравана на паўднёвы ўсход, што дазваляла абстрэляваць рускія войскі, што стаялі на поўдзень ад Крэва.

Ад моманту стабілізацыі фронту ў канцы 1915 года пазіцыі ля вёскі Чухны займае 89-я пехотная дывізія. Яна прабыла ў раёне Крэва-Чухны з сярэдзіны кастрычніка 1915 году да жніўня 1916 году. 24 жніўня 1916 году 89 дывізія была пераведзена ў Трансільванію [3, с. 570]. Пасля ў дадзеным раёне стаялі 2 дывізіі Ландверу: 16 ландверная дывізія займала пазіцыі на адлегласці Крэва – Смаргонь, а 11 ландверная дывізія трымала пазіцыі на адлегласці Вішнева (Валожынскі раён) – Крэва.

Але насамрэч мяжа між 16 і 11 ландвернымі дывізіямі праходзіла не зусім ў Крэве, Крэва было ўзгадана як бліжэйшы буйны населены пункт. Як ужо пісалася вышэй, у раёне вёскі Чухны канцэнтрацыя ўмацаванняў менш, чым на суседніх адлегласцях фронту. Хутчэй за ўсё гэта звязана з тым, што непасрэдна ў раёне Чухноў і была мяжа, і стыкі пазіцыяў дзвух дывізіяў былі менш умацаваны. Да таго ж побач з дарогай Крэва – Чухны, бліжэй да Чухноў, знаходзіцца бункер з наступным надпісам: “12-[k]отр. LIR3”. Гэта значыць, што ў дадзеным месцы стаяла 12-я рота 3-га ландвернага палка, а 3-ці полк Ландверу належыў да 16-й ландвернай дывізіі [3, с. 271]. Зрэшты, размяшчэнне артылерыі на мяжы пазіцыяў 2 дывізіяў з’яўляецца даволі лагічным з вайскавай кропкі гледжання, бо дазваляе дадаткова ўмацаваць гэты ненадзейны кавалак фронту.

У 1916 годзе ў нямецкім войску адбылася рэформа, згодна з якой была ўніфікавана артылерыя ва ўсіх дывізіях. Згодна з гэтай рэформай, кожная дывізія атрымала па аднаму палку палявой артылерыі. Кожны такі полк складаўся з трох дывізіёнаў, па тры батарэі на 4 гарматы ў кожным [7, с. 152]. Аднаводна, на адлегласці фронту адной дывізіі месцілася 9 батарэяў, па 4 гарматы кожнай. У той жа час фармуецца Галоўны рэзерв лёгкай артылерыі, які складаўся з асобных палкоў.

Згодна з прыведзеным падзелам, артылерыйскую пазіцыю ля вёскі Чухны займала адна з 9 батарэяў 98 палка палявой артылерыі, альбо 910-я батарэя палявой артылерыі з Галоўнага артылерыйскага рэзерву [3, с. 204]. Такія высновы можна зрабіць праз тое, што чухноўская пазіцыя мае 4 умацаваных казематы. На нашу думку, на месцы злучэння 2 дывізіяў лагічнай было б ставіць 910-ю батарэю з рэзерва, але мы ня можам гэтае дакладна сцвярджаць праз адсутнасць у нас дакладных звестак.

Абапіраючыся на дадзеныя аб рэформе артылерыі, можна вызначыць час будаўніцтва батарэі ня раней за 1916 год. Але бетанаваная пазіцыя магла паўстаць і пазней. Так, на суседнім участку 16 ландвернай дывізіі ў мястэчку Крэва надпісы на ўмацаваннях кажуць, што яны былі ўзведзены ў 1917 годзе. На тэрыторыі 11 ландвернай дывізіі датаваных умацаванняў на дадзены момант нам ня выяўлена.

Зараз паўстае новае пытанне: чаму артылерыйская пазіцыя была ўмацавана? Бо існуе даволі шмат выяў, дзе пазіцыя пад гармату рабілася драўляна-земляной [1, с. 14-16]. Больш за тое, вайскавае настаўленне Der Feldgrauе месціць толькі драўляна-земляныя ўмацаванні для артылерыі [2, с. 205-207]. На нашу думку гэта звязана з развіццём тактычных ідэяў і пачаткам артылерыйскай барацьбы. Выбітны французкі артылерыст Фрэдэрык-Жорж Эрр пісаў аб пачатку вайны: “Перашкджаючае і дэзарганізуючае дзеянне нямецкай артылерыі прымусіла шукаць ад пачатку вайны сродкі барацьбы з ёю і прывядзена яе да маўчання. Апроч таго, мы адмовіліся ад дзіўнай ідэі, згодна з якой ня варта завязваць артылерыйскай барацьбы, бо апошняя ніколі ня бывае рашучай; цяпер зразумелі, што калі і нельга

знічтожыць варожую артылерыю, то зрэшты, можна яе нейтралізаваць, прымусіўшы спыніць свой агонь" [7, с. 32]. Такім чынам, на Заходнім фронце яшчэ з 1914 году пачынае развівацца тактыка артылерыйскай барацьбы, якая, з аднаго боку, паўплывала на развіццё цяжкай артылерыі, а з іншага, прымусіла ўмацоўваць артылерыйскія пазіцыі. Насамрэч, тактыка артылерыйскай барацьбы зацвярджалася даволі доўга, і толькі пасля Вердэна была канчаткова прынята французскім войскам [7, с. 51], адкуль і была перанята іншымі саюзнымі войскамі.

Зразумейшы мэты ўмацавання пазіцыі, варта высветліць, якая ж артылерыя там стаяла. Улічваючы памеры каземата (у кожным з 4 умацаванняў яны нязначна адрозніваліся, у сярэднім складаючы даўжыню 5 метраў і шырыню 3 метра), у ім магла быць размешчана як 77-мм палявая гармата, так і 105-мм палявая гаўбіца.

Умацаваная артылерыйская пазіцыя (пазбегнем спакусы назваць гэты комплекс батарэй і пагадзімся з меркаваннем В. Шперка, згодна з якім батарэя – гэта закрыццё, прызначанае для дзеяння з яго некалькіх побач стаячых гармат. У цяперашні час, калі гарматы ня месцяцца побач, а кожная з іх мае свае асобнае закрыццё, тэрмін гэты ўвогуле не выкарыстоўваецца [6, с. 11]) складаецца з 8 умацаванняў: 4 казематаў для гармат, 2 сховішчаў, бункера і умацаванай казармы. Умоўна пазіцыю можна падзяліць на 3 лініі: на першай лініі стаяць 4 казематы, размешчаныя групамі па 2 умацаванні; на другой лініі, за казематамі, размяшчаюцца 2 сховішчы і бункер; на трэцяй лініі, у тыле пазіцыі, месціцца ўмацаваная казарма. Пазіцыя фронтам накіравана на ўсход, тылам на захад.

Як ужо згадвалася вышэй, казематы стаяць групамі, па 2 умацавання ў кожнай. Умоўна іх можна падзяліць на паўночную і паўднёвую агнявую групу. У паўночнай агнявой групе адлегласць між казематамі складае 18 метраў, у паўднёвай – 25. Паўднёвая агнявая група высунута больш на ўсход, чым паўночная. Адлегласць між групамі складае прыкладна 50 метраў.

Усе 4 каземата падобны і адрозніваюцца толькі некаторымі канструкцыйнымі вырашэннямі, таму ў межах дадзенага артыкулу будзе апісаны артылерыйскі каземат на прыкладзе 2-га каземата паўночнай групы.

Артылерыйскі каземат уяўляе сабой 6-баковую пабудову, найбольш працяглым бокам арыентаваную да фронту. Шырыня франтальнай сцяны – 7,5 метраў. Франтальная сцяна арыентавана на ўсход, месціць амбразуру шырынёй 2,4 м і 2 арыльёнчыкі па яе баках (у іншых казематаў арыльёнчык усяго адзін). Выступы з бакоў амбразуры мы даволі ўмоўна называем арыльёнчыкамі, бо пры іх нязначным памеры (яны выступаюць з плоскасці фасаду ўсяго на 17 см) наўрадці яны змогуць паўнаватасна выконваць функцыю арыльёну. Магчыма, гэта сваеасаблівыя рэбры жорсткасці. Таўшчыня франтальнай сцяны ў залежнасці ад месца й пабудовы вар'юецца ад 50 да 100 см.

Насупраць амбразуры замест шостаі сцяны месціцца ўваход у каземат шырынёй таксама 2,4 метры. Унутры ўмацаванне падзелена на цэнтральны 5-баковы каземат памерамі 3 X 4,5 метры і 2 памяшканні уздоўж бакавых муроў шырынёй 80 см. Таўшчыня ўнутраных перабораў і бакавых муроў складае 50 см. У паўднёвым бакавым пакоі ў столі прароблена круглая адтуліна. Такая ж самая адтуліна дыяметрам 43 см месцілася ў першым каземаце паўднёвай групы. У першым каземаце паўночнай групы адтуліна месцілася ў паўночным бакавым пакоі, а ў другім каземаце паўднёвай групы было 2 адтуліны дыяметрам 38 і 52 см. Вызначыць дыяметр было даволі складана, бо ўсе яны былі пашкоджаны, таму прапануем прыняць першапачатковы дыяметр роўным 40 см. Прызначэнне дадзеных адтулінаў таксама не атрымалася дакладна вызначыць. Для абсідной трубы печкі яны празмерна вялікія, ды і навошта печка ў артылерыйскім каземаце? Пашкоджанасць адтулін наводзіць на думку аб тым, што раней у іх было замацавана нейкае абсталюванне, якое пасля было дэмантавана. Хутчэй за ўсё, гэта было абсталюванне для назірання. Пад самым дахам у абодвух бакавых памяшканнях знаходзяцца абсідныя трубы дыяметрам 16 см, якія выходзяць на бакавыя фасады ўмацавання.

Унутры каземата амбразура мае шырыню 2,15 м, пачынаецца на вышыні 38 см ад сучаснага ўзроўню падлогі і цянецца да перакрыцця даху. Адлегласць ад сучаснага ўзроўня падлогі да столі складае 1,75 м. Умацаванне накрыта 12 см бетоннай плітой, паверх якой наліты купал вышынёй да 50 см. На столі месціцца сістэма з 6-ці гакаў для замацавання й транспарціроўкі гарматы.

На другой лініі, па флангам пазіцыі, стаяць 2 сховішчы, а між імі бункер, прызначэнне якога дакладна вызначыць не атрымалася. Хутчэй за ўсё там месцілася кіраўніцтва батарэй. На левым фланзе, на адлегласці 34 м ад першага каземата паўночнай групы, стаіць невялічкае кампактнае сховішча, прамавугольнае ў пляне, памерамі 3,75 X 4 метры. Унутраная прастора сховішча складае 1,8 X 2,6 метра. Бакавыя мury маюць таўшчыню прыкладна 1 м, тыльны – 80 см, франтальны – каля 30 см. Такая малая таўшчыня франтальнай сцяны тлумачыцца тым, што хутчэй за ўсё ўмацаванне было абвалована. На карысць гэтай думкі кажа і наяўнасць падпіраючай сцяны ля ўвахода, якая не дае абвальвацца зямлі ў дзвярны праём.

Столь сховішча абапіраецца на гнуты ліст гафраванага жалеззя. Такая канструкцыя столі ў сховішчы, падобным па памерах да апісанага, сустракаецца ў Stellungenbau [4, с. 52]. Адпаведна з ім, гнуты ліст гафраванага жалеззя мусіць абапірацца на дзвутаўравыя бэлькі, утопленыя ў бакавыя мury. Варта адзначыць, што па тым жа Stellungenbau таўшчыня муру ва ўсёй пабудове мусіць быць 80 см, у той час як мы маем каля 100 см у бакавых муру і крытычна тонкі франтальны мур. Больш за тое, у муроўку, акрамя фартыфікацыйнага бетону, ўведзены бутавы камень. Таўшчыня даху – прыкладна 50 см, супраць 80 см у настаўленні. Як бачым, з настаўлення па будаўніцтву ўмацаванняў [4] узятая толькі канструкцыя даху, усё астатняе падганялася пад мясцовыя патрэбы. Тое ж самае мы пабачым і на іншых умацаваннях дадзенай пазіцыі.

На правым фланзе пазіцыі стаіць яшчэ адно сховішча. Яно таксама прамавугольнае ў плане і мае памер 3,2 X 3,9 метраў. Памеры ўнутранай прасторы – прыкладна 1,9 X 1,8 метра. Таўшчыня бакавых муроў складае 1 м, тыльнага – 40 см, фронтальнага – 90 см. У фронтальнай сцяне сховішча, пад дахам, маецца абсадна труба дыяметрам 14 см, якая выходзіць на дах сховішча. Як бачым, і тут таўшчыні муроў не супадаюць з агульнапрынятымі.

Характэрнай асаблівасцю дадзенага ўмацавання з'яўляецца сценка насупраць уваходу, якая знаходзіцца ў 60 см ад тыльнай сцяны. Таўшчыня яе складае 40 см у самым тонкім месцы і 53 см у самым шырокім. Дадзеная сцяна мусіла бараніць уваход ад ударнай хвалі, калі сховішча не было паглыблена, ці ўтрымліваць зямлю ад абвалу на ўваход.

Столя пакрыта пляскатым лістом гафраванага жалеззя, які абапіраецца на 2 металічных профілі, умураваных у бакавыя сцены. Профіль выступае за межы сцяны на 23,5 см. Аналагічная канструкцыя даху і ў суседнім бункеры. Сховішча накрыта бетоннай плітой таўшчынёй каля 30 см, паверх якой наліты купал з бетону вышынёй 36 см.

Адзначым, што сховішчы стаяць у тыле артылерыйскіх груп, і прызначаліся, хутчэй за ўсё, дзеля ўкрыцця асабістага складу казематаў падчас артабстрэлу.

Між 2 сховішчамі, на адлегласці 42,5 метраў ад левага і 18,5 метраў ад правага стаіць бункер, у якім хутчэй за ўсё месцілася кіраўніцтва батарэі. Гэта квадратная ў плане пабудова памерамі 4,9 X 4 метра, з таўшчынёй бакавых муроў 100 см, фронтальнага – 90 см, тыльнага – 40 см, унутранай перагародкі – 30 см.

Плянроўка бункера ўяўляе сабой прамы сквазнік з уваходамі ў флангавых сценах і ўнутраны пакой памерамі 2,1 X 2,4 метра. Уваходныя праёмы, як у сквазнік, так і ва ўнутраны пакой, маюць шырыню 80 см (супраць кананічных 70 см у Stellungsbau [4, с. 35]). Вышыня уваходных праёмаў ад сучаснага ўзроўню глебы – 140 см.

Бункер мае 3 вакны – у фронтальным, левым флангавым і тыльным мурах. У тыльным муры вакно простае прамавугольнай формы шырынёй 54 см. Бакавое і фронтальнае вакно маюць складаную планіроўку з бакавымі кулеадбойнікамі. Унутраная шырыня вакна – 54 см, вонкавая – 108 см, вышыня – 40 см. Адсутнасць месца пад замацаванне рамы, у адрозненне ад умацаванай казармы, дазваляе інтэрпрэтаваць гэтыя вокны як амбразуры. Але, у такім выпадку, іх варта было рабіць так, каб прыкрываць тылы артылерыйскім групам, а ў дазеным выпадку ён толькі прастрэльвае тыл 2-га каземата паўночнай групы ды фланг першага сховішча. Таму прапануем лічыць гэтае ўмацаванне усёшкі бункерам кіраўніцтва, а ня агнявой кропкай.

Канструкцыя столі ў бункеры аналагічная са сховішчам на правым фланзе. Ліст гафраванага жалеззя абапіраецца на 2 металічных профілі, выступаючых на 23,5 см. з бакавых муроў. Паверх даху наліты бетонны купал вышынёй 50 см, у найбольш отоўстым месцы агульная таўшчыня даху дасягае 85 см.

Як бачым, ва ўсіх пабудовах 2-й лініі існуе тэндэнцыя да большага ўмацавання флангавых муроў. Гэта можа быць звязана з формай лініі фронту і выцякаючай з яе небяспекай флангавага абстрэлу. Але ў такім выпадку варта было б перарабіць уваходы ва ўмацаванні, каб яны не арыентаваліся ў накірунку мяркуемага абстрэлу, а гэтага зроблена не было. Магчыма, фронтальная сцяна была дадаткова абвалована, але ж тады варта было абвалоўваць ці паглыбляць усю пабудову. Таксама існуе верагоднасць таго, што памеры ўнутранай прасторы падганялі пры ўжо вырытым катлаване, і таму за кошт павялічэння ўнутранай прасторы гублялася таўшчыня. У любым выпадку, зараз не паўстае магчымым адказаць дакладна на гэтае пытанне.

У тыле пазіцыі, у 16 метрах ад паўночнага сховішча і 18 метрах ад бункера кіраўніцтва, стаіць казарма. Казарма ўяўляе сабой заглыблены прамавугольны будынак памерам 16,7 X 5,6 метраў. Таўшчыня муроў складае 1 м, унутраных пераборак – 45 см. Казарма падзелена на 2 блокі, не звязаных між сабой. У кожным блоку ёсць жылое памяшканне і скразны калідор з 2-ма ўваходамі з розных бакоў. Шырыня калідору складае 90 см у правым блоку і 100 см у левым (заходнім) блоку. Памер жылога пакою складае 5,8 X 3,5 метра ў заходнім блоку і 5,6 X 3,6 метра ва ўсходнім. У сцяне між заходнім і ўсходнім блокамі, амаль пад самай столлю, ёсць адтуліна дыяметрам 16 см.

Заходні блок мае 2 вакны складанай канфігурацыі, з кулеадбойнікамі, усходні блок – адно такое вакно. Усе вокны накіраваны на поўдзень. У адрозненні ад бункера кіраўніцтва, у вокнах казармы прысутнічаюць адтуліны для ўсталёўкі рамы са шклом. Згодна з апісаннем пазіцыяў у раёне Сьвір-Вішнева (Валожынскі р-н.), зробленым адрозна пасля сканчэння вайны, шкло ў вокнах рабілася з унутранай жалезнай сеткай, залітай у шкло, што ахоўвала ад разлёту шкла пры выбуху знарада побач з вакном [5].

Уваход у жылыя памяшканні ў абодвух блоках мае аднолькавую шырыню – 88 см, праваруч ад увахода месцілася печка-буржуйка. На яе месца ўказваюць захаваўшыся ў столі абсадна труба дыяметрам 14 і 15 см. адпаведна.

Апісанне нямецкіх пазіцыяў, складзенае Шалавіным, дазваляе нам уявіць, як выглядала казарма знутры. Так, згодна з апісаннем, у бункеры была праведзена электрычнасць, бліндажы знутры атынкаваны і пабелены, часам нават абклеены шпалерамі. З мэблі Шалавін узгадвае нары з металічнымі сеткамі, сталы, зэдлікі [5].

Што тычыцца нашай казармы, то можна з вялікай доляй упэўненасці казаць, што ў ёй была праведзена электрычнасць. У казарме прысутнічаюць даўгія драўляныя планкі, умураваныя ў сцяну амаль пад самай столлю. Такія планкі ідуць па ўсім перыметры казармы. Менавіта на такіх планках і замацоўваўся электрычны дрот.

Столя пакрыта гафраваным жалеззем, агульная таўшчыня даху складае прыкладна 1 метр.

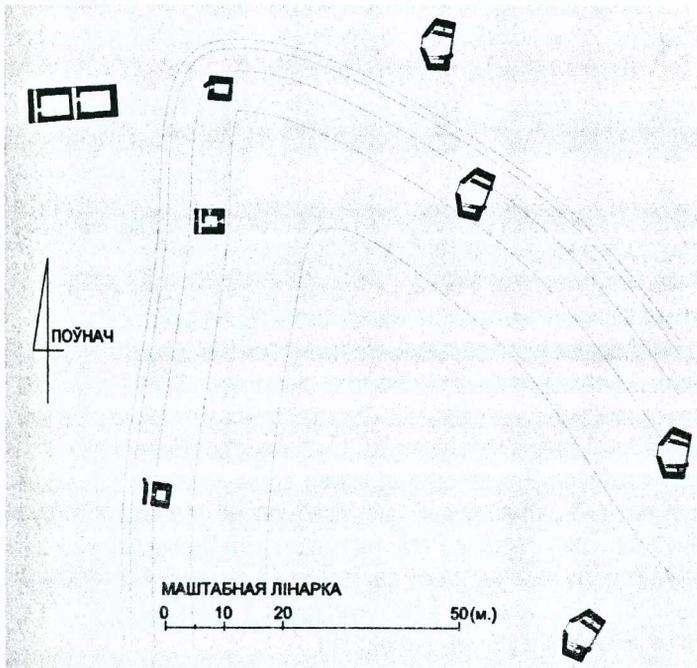
Слядоў вонкавых пашкоджанняў не заўважана, але хапае ўнутраных пашкоджанняў. Так, у казематах паўночнай групы разбураны ўнутраныя пераборкі, ва ўсіх казематах пашкоджаны круглыя адтуліны ў даху. Адтуліны, хутчэй за ўсё, былі пашкоджаны пры дэмантажы размешчанага ў іх абсталявання, а вось унутраныя пераборкі маглі быць пашкоджаны толькі выбухам.

Таксама пашкоджана ўнутраная пераборка ў бункеры кіраўніцтва. Апроч таго, у ім вывернуты адзін з дзвух металічных прафілёў, на якія абапіраўся ліст гафраванага жалеззя. У большасці ўмацаванняў знята гафраванае жалеззе, а ў казарме бачны сляды ўнутранага выбуху (пасечаныя аскепкамі сцены) і пашкоджаны дзвьярныя праёмы.

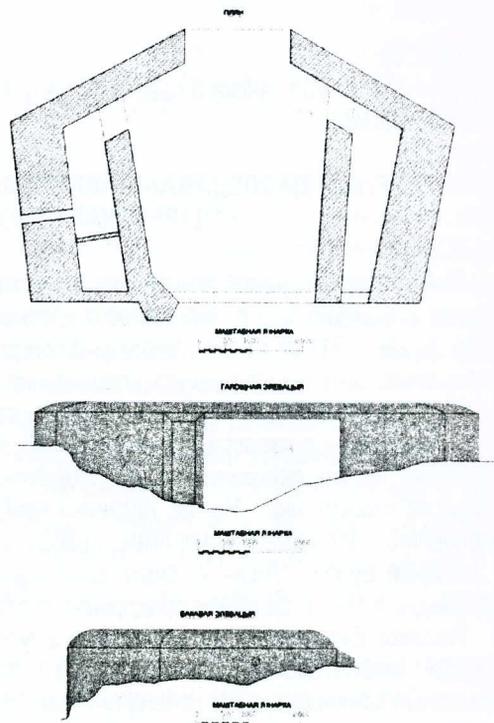
Але ўсе гэтыя пашкоджаны вярта аднесці да пасляваеннага часу. Спачатку савецкім ці польскім войскам было дэмантавана нейкае абсталяванне з казематаў, пасля сапёры падарвалі знойдзеныя на полі знарады ў бункеры, ну а пад канец і мясцовыя жыхары пацягнуліся за чорным мяталам.

Нагледзячы на ўсё гэтае, пазіцыя захавалася ў неблагім стане, і каштоўна, перадусім, сваёй комплекснасцю. Апроч 8 бетонных, на пазіцыі былі і драўляна-земляныя ўмацаванні. Месцы дзвух з іх добра бачны на мясцовасці і касмічным здымку. Гэта былі вялікія катлаваны прамавугольнай формы, адзін між казематамі паўднёвай агнявой групы, другі – на поўнач ад паўночнага сховішча.

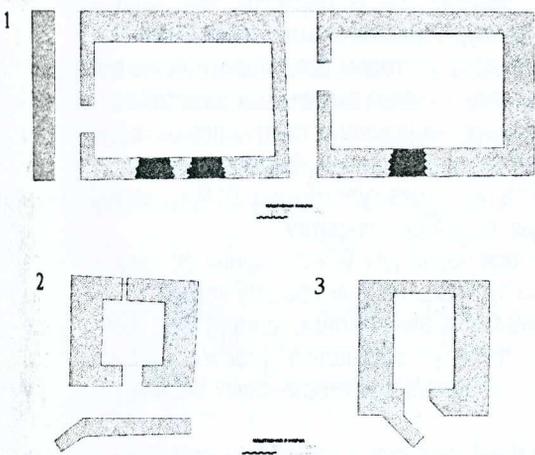
Замеры пазіцыі былі праведзены Мясцовым дабрачынным фондам “Крэўскі замак” пры падтрымцы БНТУ летам 2013 г. У замерах апроч аўтара ўдзельнічалі студэнты архітэктурнага факультэта БНТУ: Шынкарова Е., Сарапеня Я., Аброшка В., Палубок М., Разенкава А., Шпак Т., Валодзіна К., Бубкевіч Ю., Платонава В., Ермакова Г., Шылічава Е. Усе чарцяжы выкрэсліў Шулаеў А.

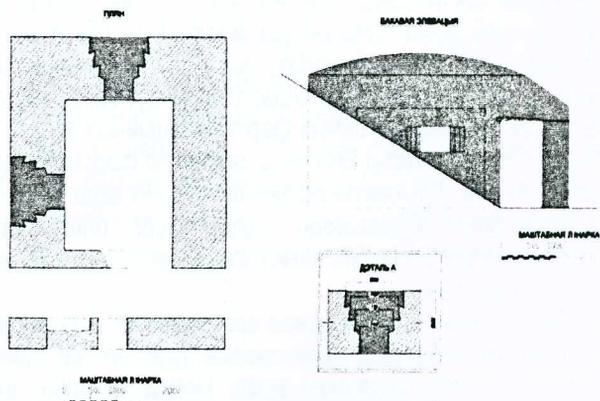
1. Схема пазіцыі

2. Артылерыйскі каземат

3. 1- казарма, 2 – паўднёвае сховішча,
3 – паўночнае сховішча.

4. Бункер кіраўніцтва

ЛІТАРАТУРА

1. Bull, S. World War I Trench Warfare (1), 1914–16 / Dr. Stephen Bull ; il. by Adam Hook. – Oxford : Osprey Publishing, 2002. – 64 p. : il.
2. Der Feldgrau. Leitfaden für den Dienstunterricht des Feldartilleristen in fahrenden und reitenden Batterien. – Stalling, 1917. – VIII, 304 s : III.
3. Histories of Two Hundred and Fifty-One Divisions of The German Army Which participated in The War (1914-1918) : compiled from records of intelligence section of the General Staff, American Expeditionary Forces, at General Headquarters : Chaumont, France : : 1919 / [War Department]. – Washington : Government Printing Office, 1920. – 748 p.
4. Vorschriften für den Stellungskrieg für alle Waffen. T. 1. Stellungsbau / Kriegsministerium. – Berlin, 1916. – 90 s.
5. Шелавин, Н. Германские позиции 1915—1918 г. на Западном фронте / Н. Шелавин // Война и Революция – 1920. [Электронны рэсурсы] – рэжым доступу: http://www.fortressby.com/index.php?option=com_deeppockets&task=catContShow&cat=57&id=77&Itemid=29 – Дата доступу: 20.11.2013.
6. Шперк, В. Ф. Фортификационный словарь / В. Ф. Шперк. М. : ВИА, 1946. – 126 с.
7. Эрр, Ф.-Ж. Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем / Фредерик-Жорж Эрр. – Изд. 2-е. – М. : Воениздат НКО СССР, 1941. – 348 с. – (Библиотека командира).

АСТАПОВІЧ А.А.

Старшыня Рэспубліканскага савета Беларускага добраахвотнага таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры, г. Мінск, Беларусь

НАТУРНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ ФАРТЫФІКАЦЫЙНАГА АНСАМБЛЮ 1915 – 1918 ГГ. НА ЗАХОДНІМ БЕРАЗЕ ЗАДЗЕЕЎСКАГА ВОЗЕРА У ПАСТАЎСКІМ Р-НЕ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛ.

Лінія расійска-германскага фронту на ўсходнім тэатры ваенных дзеянняў Першай сусветнай вайны на захад ад Пастаў усталявалася ў выніку ваенных дзеянняў 1915 г. – Свяцянскага прарыву і яго наступнай ліквідацыі. Менавіта з 1915 па кан. 1917-га г. на ўсходнім фронце адсутнічаюць баявыя дзеянні мабільнага характару. Вайна становіцца пазіцыйнай, што прыводзіць да ўладкавання ўмацаваных пазіцый пры дапамозе ўжо вядомых на той час сродкаў палявой фартыфікацыі – акопы, умацаваныя стралковыя гнёзды і артылерыцкія пазіцыі, капючы дрот і іншыя сродкі.

У параўнанні з палявой фартыфікацыяй, якую выкарыстоўвала Руская імператарская армія, нямецкія ўмацаванні карэнным чынам адрозніваліся ва ўладкаванні агнявых пазіцый, памяшканняў для прабывання асабовага складу і складскіх памяшканняў. На час вядзення вайны ў тагачаснай імператарскай Расіі, нягледзячы на бурны перадаваены эканамічны рост, цаментная прамысловасць па сваіх магутнасцях у некалькі разоў адставала ад тэрыторыі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы. Адзін з найвялікшых цаментных заводаў быў здадзены ў эксплуатацыю ў Ваўкавыску ў 1913 г., адпаведна з 1915 г. дадзенае прадпрыемства працавала на кайзераўскі ваенны патэнцыял.

Недахоп будаўнічага матэрыялу, які з'яўляўся асновай для вырабу бетонных канструкцый, і абумовіў ўзвядзенне Рускай імператарскай арміяй абарончых збудаванняў з дрэва – гэта шматнакатныя бліндажы, доўгатэрміновыя земляныя агнявыя кропкі, капаніры і інш. Менавіта фактар выкарыстання дрэва, як будаўнічага матэрыялу, і не дазволіў захавацца рускім фартыфікацыйным палявым умацаванням у межах сучаснай Беларусі. Уздоўж былой лініі фронту можна зараз выявіць у якасці парэшткаў рускіх пазіцый толькі парэшткі земляных палявых умацаванняў, як па лініі фронту, так і ў месцах размяшчэння інфраструктуры бліжняга тылу.

Сітуацыя ў арміі Германіі была іншай. Германія магла выкарыстоўваць не толькі свой прамысловы патэнцыял, але і патэнцыял акупаваных тэрыторый, у тым ліку і Царства Польскага – самай эканамічна развітай тэрыторыі ў складзе Расійскай імперыі. Як вынік, з 1915 г., па стабілізацыі лініі фронту на ўсходнім тэатры ваенных дзеянняў, з боку германскай арміі пачынаецца масіраванае ўзвядзенне жалезабятонай палявой фартыфікацыі, у асноўным кулямётных адна ці штатамбразурных ДОКаў, артылерыцкіх і артылерыцка-кулямётных ДОКаў, капаніраў для асабовага складу франтавых падраздзяленняў, боезапасаў і амуніцыі, палявых лазарэтаў.

Узвядзенне жалезабетонных фартыфікацыйных збудаванняў вялося напрацягу ўсяго стаяння фронту, з 1915 па кан. 1917 г. На тэрыторыі Беларусі дадзеную фартыфікацыю можна сустрэць на ўсім працягу краіны, з поўначы на поўдзень, па лініі Дрысвяты-Відзы-Паставы-Возера Нарач-Смаргонь-Баранавічы-Агінскі канал-Пінск. Ёсць участкі фартыфікацыйных збудаванняў, выцягнутых толькі ўздоўж лініі фронту, захаваліся участкі, якія ўтвараюць фартыфікацыйныя ансамблі, прыстасаваныя для кругаваў абароны – адносна доўгатэрміновыя баявыя дзеянні ў атачэнні войскаў праціўніка.

У 2008 г. у межах міжнароднай праграмы “Меморыя”, добраахвотнікі за ахову еўрапейскай культурнай спадчыны” Беларускай добраахвотнай таварыствам аховы помнікаў гісторыі і культуры быў арганізаваны валанцёрскі летнік ў г. Паставы Віцебскай вобл. Перад ўдзельнікамі летніку стаяў шэраг задач па выяўленню, фіксацыі, добраўпарадкаванню помнікаў гісторыі і культуры, у тым ліку адна з задач была даследаваць і зафіксаваць германскія фартыфікацыйныя збудаванні часоў Першай сусветнай вайны ў ваколіцах горада Паставы, на заходнім беразе Задзееўскага возера.

Дадзеныя фартыфікацыйныя збудаванні пачалі ўзводзіцца толькі з вясны 1916 г. Да гэтага часу дадзеная тэрыторыя была ў бліжняй тылавай зоне Рускай імператарскай арміі і была саступлена германскім войскам па выніках Нарачанскай аперацыі 1916 г. Жалезабетонная фартыфікацыя лакалізавана двума вялікімі ўмацаванымі раёнамі непасрэдна ўздоўж лініі фронту побач з вёскамі Мажэйкі на поўначы і Дукі на поўдні. Размешчаны абараняльныя комплексы на высокай берагавой тэрасе Мажэйкаўскага возера і марэннай узвышанай градзе паміж Задзееўскім возерам і возерам Загацце. Паміж двума вышэйназванымі ансамблямі фартыфікацыя адсутнічае, хутчэй за ўсё з-за ландшафтнага фактару – ланцуг азёраў і забалочаная тэрыторыя нават у сучасны перыяд.

Найбольш дэталёвыя натурныя даследаванні фартыфікацыйнага ансамблю праведзены ў ваколіцах вёскі Дукі, на працягу ад паўднёвай часткі заходняга берага Задзееўскага возера, да паўночнага ўскрайку возера Загацце, на захад ад міжазёрнай пратокі. Міжазёрная пратока мае ў шырыню ад 3-х да 5-ці метраў, берагі яе пойменныя, моцна забалочаныя. Шырыня поймы парадку 300-400 метраў, найбольшая яе частка знаходзіцца на ўсходнім беразе, заходняя частка мае шырыню ад 50 да 100 м., і далей на захад ад поймы падймаецца высокая надпоплаўная тэраса, як частка ўзвышанага марэннага плато паміж двума азёрамі.

Менавіта па грэбні надпоплаўнай тэрасы размяшчаецца лінія доўгатэрміновых агнявых кропак, а ў глыбі марэннага ўтварэння лакалізаваны жалезабетонныя капаніры. Агульная колькасць збудаванняў на дадзеным участку – 21. З іх – 9 доўгатэрміновых агнявых кропак і 12 капаніраў, 5 з якіх маюць прыкметы капаніраў для размяшчэння асабовага складу, а 7 маюць прыкметы складскіх памяшканняў. З 9-і доўгатэрміновых агнявых кропак 5 знаходзяцца ў задавальняючым стане, 1 збудаванне зруйнаванае, 4 маюць прыкметы моцных пашкоджанняў выбуховага характару.

Доўгатэрміновыя агнявыя кропкі падзяляюцца на артылерыцка-кулямётны дот (адна артылерыцкая і дзве кулямётныя амбразуры) на левым фланзе (паўднёвая аканечнасць заходняга берагу Задзееўскага возера), сем аднаабразурных кулямётных ДОКаў ўздоўж надпоплаўнай міжазёрнай пратокі і пяціамбразурны кулямётны ДОК на правым фланзе, на паўночнай аканечнасці возера Загацце. Кapanірыныя збудаванні візуальна практычна не выяўляюцца ў сувязі з тым, што з-за гаспадарчай дзейнасці тэрыторыя, на якой знаходзіцца фартыфікацыйны ансамбль, з'яўляецца сельскагаспадарчым угоддзем, пры правядзенні прац па рэкультывацыі якога капаніры былі засыпаны грунтам, і зараз іх верхнія часткі практычна не выступаюць над дзённай паверхняй зямлі.

У глыбі паласы абароны, на ўсход ад вёскі Вялікая Олься і на захад ад вёскі Ліцвінкі размешчаны ўмацаванні прыкрыцця тылу асноўных фартыфікацыйных ансамбляў. Даследаваны фартыфікацыйныя збудаванні на захад ад вёскі Ліцвінкі. Гэта тры невялікія жалезабетонныя комплексы, ў склад якіх уваходзяць ДОКі, пры кожным з якіх маюцца жылы і складскі капаніры. На паўночным фланзе і ў цэнтры пазіцыі збудаванні зруйнаваны, захаваліся парэшткі, якія дазваляюць вызначыць план ДОКаў і капаніраў, на паўднёвым фланзе поўнасцю захаваліся Г-падобны ў плане трохамбразурны кулямётны ДОК з размешчаннем амбразур на захад, поўдзень і ўсход, складскі капанір і напauзруйнаваны капанір для размяшчэння асабовага складу.

Пры аналізе зруйнаваных ДОКаў робіцца выснова, што паўночная агнявая кропка была таксама трохамбразурнай з люстраным адносна паўднёвага флангавага ДОКу размешчаннем амбразур – на поўнач, на ўсход і захад, а ДОК у цэнтры пазіцыі быў двухамбразурным з заходняй арыентацыяй кулямётнага бою. Практычна такая ж структура доўгатэрміновых агнявых кропак была прасочана і на ўсход ад вёскі Вялікая Олься пры звычайным візуальным аглядзе пазіцыі, больш дэталёвыя даследаванні якой не праводзіліся, з-за незадавальняючага, напauразбуранага стану збудаванняў.

Улічваючы ўдалае размяшчэнне ўсіх агнявых кропак у ландшафце, што стварае выдатныя сектары абстрэлу і назірання за мясцовасцю, прыкрыццё асноўных умацаваных пазіцый з тылу, можна зрабіць выснову пра непрыступнасць дадзеных вузлоў абароны, пра іх здольнасць трымаць абарону нават у атачэнні пры ўмове прарыву лініі фронту на стыках падраздзяленняў і на стыках палявой фартыфікацыі. Увесь ансамбль уяўляе сабой арыгінальны помнік фартыфікацыйнай думкі пач. 20 ст. нягледзячы на значныя пашкоджанні, якія яму нанесены ў выніку гаспадарчай дзейнасці, што актыўна пачалася тут менавіта пасля Другой сусветнай вайны, пасля канчатковай калектывізацыі, якая на землях Заходняй Беларусі была праведзена ў кан. 40 – пач. 50-х гг. 20 ст. Да апошняга часу пашкоджанні фартыфікацыі і яе знішчэнне адбывалася і пры ліквідацыі выяўленых выбухованебяспечных прадметаў, якія масава знаходзяцца тут, як рэха баёў Першай сусветнай, ваеннымі сапёрамі. Не абыходзіць бокам гэтыя ўнікальныя помнікі і звычайны вандалізм.

У той жа час, у міжваенны перыяд, дадзеныя абарончыя збудаванні былі закансерваваны і захоўваліся ў задавальняючым стане ў сувязі з тым, што мяркуючы па надпісам унутры памяшканняў, напрацягу 1921 – 1923 гг. яны былі ўзяты на баланс ваенным ведамствам Другой Рэчы Паспалітай, як абарончыя збудаванні ўсяго ў 70-і км. ад савецка-польскай мяжы, на выпадак перспектывнай вайны з усходнім суседам. У адрозненні ад Баранавіцкага ўмацаванага раёна працы па мадэрнізацыі фартыфікацыйных ансамбляў у ваколіцах Паставаў не праводзіліся.

КИЕНКО Д.Г.

Аспирант кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета им. Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь

СЛИВКИН В.

Старший научный сотрудник Лидского историко-художественного музея, г. Лида, Беларусь

АЭРОДРОМ ЛИДА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аэродром Лида один из старейших аэродромов на постсоветском пространстве. На протяжении всей истории он являлся действующим аэродромом. Публикация отражает вопрос создания аэродрома в Лиде и историю авиационных частей, сформированных в лидском гарнизоне накануне Первой Мировой войны. Текст публикации является составной частью книги Д. Киенко и В. Сливкина «Аэродром Лида – сто лет полетов».

В 1910 г. в Лиде была размещена девятая воздухоплавательная рота, переведенная с Дальнего Востока, целью которой было обеспечение командования разведанными о противнике, получаемыми посредством наблюдения за ним с аэростата.

На вооружении роты состояли два привязных змейковых аэростата системы Парсевалея, два подвижных газодобывающих аппарата, газгольдеры (резервуары для хранения газа). Лебедки с приспособлениями для подъема аэростатов разместили возле имения Перепечицы на выкупленных у помещиков братьев Садовских землях.

В 1910 г. в Лиде из дерева на металлическом каркасе размером 90х40х40 был построен эллинг (сооружение, предназначенное для ремонта и обслуживания дирижаблей и аэростатов). К концу 1912 г. на расположенном у г. Лида поле воздухоплавательной роты были возведены склады, казармы, мастерские, жилые дома для офицерского состава и вышка – причал для дирижаблей. После подготовленной площадки для базирования рота получила дирижабль "Астра" (Astra-XIII), приобретённый во Франции в 1913 г.

19 декабря 1913 г. решением Военного Совета 9-я воздухоплавательная рота, размещенная в Лиде, была переименована в 3-ю воздухоплавательную роту. В начале 1914 г. Лидская третья воздухоплавательная рота была одним из крупнейших военных воздухоплавательных подразделений Российской империи, в это время ею командовал капитан Яков Николаевич Рещиков. На вооружении имелись змейковые аэростаты и в разное время дирижабли «Астра-XIII», «Голубь», «Альбатрос» и «Гриф».

В последовавших с началом Первой мировой войны боевых действиях против немцев принял участие лишь дирижабль «Астра-XIII». Самой успешной операцией за всю войну стал налет этого дирижабля на железнодорожную станцию Лык (Элк) в немецком тылу.

В декабре 1911 г. начальник штаба Виленского военного округа подготовил доклад с предложением об устройстве аэродромов в округе, в том числе «вблизи Лиды около будущих построек для хранения имущества 9-й воздухоплавательной роты».

Выбранные площадки под аэродром вблизи Лиды по распоряжению Начальника инженеров Виленского военного округа 3 мая 1912 г. проверила комиссия в составе: начальника Виленской инженерной дистанции военного инженера полковника Тимофея Янчиса, окружного инженерного управления полковника Всеволода Васильевича Сахарова и командированного из Главного инженерного управления подполковника Сергея Аполлоновича Немченко с целью, выяснить, который из участков наиболее подходит под аэродром. Осмотр подтвердил выводы, сделанные комиссией Д.А. Борейко.

Уже через год, в летом 1913 г., летчики Гродненского крепостного авиационного отряда на трех самолетах «Фарман-16» пролетели по маршруту Гродно - Барановичи, Барановичи - Лида и Лида - Гродно. Все три пилота летали с пассажирами-механиками в Скобелевский лагерь (сейчас это Обуз-Лесной полигон - прим. Д.К.), где корректировали артиллерийскую стрельбу на учениях.

В конце 1913 г. на Лидском аэродроме создавался авиаотряд Особого назначения. Об этом упоминается в биографии военного летчика Е.С. Пятосина, который по окончании Офицерской школы авиации Отдела воздушного флота 2 декабря 1913 г. был зачислен младшим офицером 2-го авиационного отряда особого назначения. Однако отряд в то время был лишь на начальной стадии формирования и, по сути, имел лишь прописку в Лиде. Летный состав только прибывал в город (отряд создавался для поддержки кавалерийских соединений в рейдах по тылам противника - прим. Д.К.).

2 февраля 1914 г. на базе 3-й Лидской воздухоплавательной роты была сформирована 4-я авиационная рота в составе семи корпусных авиационных отрядов: II КАО, III КАО, IV КАО, VI КАО, X КАО, XX КАО, XXI КАО, командиром назначен полковник Критский, помощником - капитан Рещиков.

II, III, IV, X КАО формировались для 1-й Армии, VI, XX для 4-й Армии, XXI обслуживал штаб 2-й Армии генерала от инфантерии В.В. Смирнова.

Авиационная рота в мирное время представляла собой пункт сосредоточения авиаотрядов. В военное время превращалась в тыловую базу авиаотрядов, выдвинутых к фронту. В авиационной роте должен был производиться ремонт самолетов, эвакуированных с прифронтовых аэродромов, и через роту отряды снабжались авиатехникой с заводов. Согласно «Общему плану организации авиационной службы в армии» создавались авиаотряды четырех категорий: армейские, корпусные, крепостные и особого назначения. Отряды особого назначения придавались крупным соединениям кавалерии для ведения разведки и связи с командованием армии или фронта, в интересах которых они действовали.

По штату авиаотряд стандартного шести самолётного состава состоял из 66 человек. Это были летчики, летчики-наблюдатели, мотористы, шоферы, слесаря, столяры и другие специалисты для ремонта, обслуживания и боевого применения самолетов. Однако в 4-й авиароте, находящейся на стадии формирования, к началу войны имелся некомплект самолетов и личного состава. Самолеты, на которых отправились на войну летчики 4-й авиароты, были произведены в России на заводах С.С. Щетинина и «Дукс».

Также в продолжение февраля–апреля 1914 г. происходило заполнение штатных должностей. 10 февраля 1914 г. в Лиду был командирован выпускник авиационного отдела Офицерской воздухоплавательной школы П.П. Богдашевский. Он был назначен младшим офицером в VI -й авиационный отряд, 12 марта был переведен в XX-й отряд и затем приказом № 147 по 4-й авиароте от 25 марта назначен начальником VI-го корпусного авиационного отряда.

10 марта 1914 г. в Лиду из Киева прибыли есаул В.М. Ткачев и штабс-капитан В.Н. Орлов, будущие начальники XX и IV корпусных авиационных отрядов.

«В апреле 1914 г. на Лидском аэродроме началась кипучая работа» - эта фраза в воспоминаниях летчика Ткачева, позволяет достаточно определенно назвать дату рождения Лидского аэродрома – первые дни апреля 1914 г. Ангары были построены в 1913 г., тогда же были завезены ящики с аэропланами. Свежевспаханное поле аэродрома позволяет думать, что осенью и зимой 1913 г. полеты не проводились.

Начало эксплуатации Лидского аэродрома ознаменовалось катастрофой и двумя авариями, произошедшими в 4-й авиароте в апреле 1914 г. 8 апреля на аэродроме в ходе полета на Ньюпоре IV погибли подпоручик III КАО Д.М. Ветчинкин и механик Ковальчук. При планировании с высоты 200-300 м их самолет неожиданно резко провалился вниз, Ковальчук вылетел из сидения, схватился за верхний трос, и, провисев несколько секунд, сорвался и разбился насмерть. Самолет с пилотом врезался в дом и загорелся. Для расследования причин катастрофы была создана комиссия, которая пришла к выводу, что самолет разбился из-за недостатков в его конструкции. Этот «Ньюпор» был построен по французской лицензии на заводе Щетинина в России. Военный министр Сухомлинов по случаю смерти Ветчинкина и Ковальчука написал: «Вечная память им. Это, кажется, уже 39 или 40-ая жертва, которую приносят русские военные воздухоплаватели во имя службы и обязанности».

В июне 1914 г. в III КАО 4-й авиароты прибыл после окончания курсов мотористов при Севастопольской авиашколе и курса обучения полетам на "Ньюпоре-4" летчик Донат Адуевич Макиёнок. В марте 1914 г. ему вручили лётное удостоверение, а в июне присвоили чин старшего унтер-офицера. Д. Макиёнок тоже был из крестьян, в некоторых публикациях пишут – из польских, но фамилия говорит, что из белорусских.

15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. 19 июля Германия объявила войну России. Началась Первая мировая война.

26 июля с Лидского аэродрома на фронт в Первую армию отправился 2 КАО в составе двух офицеров на двух «Ньюпорах-4», в Шестую армию – VI КАО - 4 офицера на 4 «Ньюпорах- 4» и XX КАО - 4 офицера на 4 «Ньюпорах- 4». 31 июля в Первую армию выехали: III КАО –5 офицеров и 1 солдат (в действительности старший унтер-офицер) на 5 «Ньюпорах- 4», IV КАО - 4 офицера на 3 «Ньюпорах- 4» и X КАО - 3 офицера и 2 солдата (в действительности 2 унтер-офицера) на 4 «Фарманах». В тот же день во Вторую армию отправились офицер и 2 солдата на 3 «Фарманах» из XXI КАО. Всего из Лиды на фронт выехали 23 офицера и 5 солдат с 25 самолетами: 7 «Фарманов» и 18 «Ньюпоров-4».

Для полноты картины стоит проследить дальнейшую судьбу сформированных на Лидской земле корпусных авиаотрядов. В марте 1916 г. в России начали формировать истребительные авиационные отряды шести самолётного состава, из расчета один отряд на одну полевую армию. Но нехватка самолетов и превосходство немецкой авиации вынудили создавать фронтовые ударные группы из нескольких отрядов с наиболее опытными летчиками. Первая боевая авиагруппа (БАГ) была создана в августе 1916 г. на Юго-Западном фронте. В ее состав помимо других авиаотрядов вошли 2-й и 4-й авиаотряды 4-й авиароты, а командиром стал командир 2-го авиаотряда штабс-капитан А.В. Залесский, с начала войны воевавший под Гродно.

В ноябре 1914 г. в 4-й КАО попал будущий самый результативный ас Воздушного Флота Российской империи, А.А. Казаков, совершивший второй в истории авиации таран и оставшийся при этом живым.

II, III, IV и X корпусные авиационные отряды 4-й роты и Гродненский крепостной авиационный отряд в первые дни войны поступили в распоряжение 1-й Армии под командованием генерала П.К. Ренненкампа, нанесшей удар с территории современной Литвы в сторону Кенигсберга. Однако авиация, как и пехота, не смогли оказать помощь окруженной в Пруссии 2-й Армии генерала Самсонова, виной тому, по мнению историков, стало бездействие командующего Ренненкампа.

XXI КАО был приписан к штабу 2-й Армии под командованием генерала А. В. Самсонова. Обе армии были объединены в Северо-Западный фронт, перед которым была поставлена задача: разгромить 8-ю немецкую армию и овладеть Восточной Пруссией. В составе Северо-Западного фронта имелось 17,5 пехотных и 8,5 кавалерийских дивизий, 1104 орудия, 54 самолета, 250 тысяч солдат. Немецкая 8-я армия имела 15 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию, 1044 орудия, 56 самолетов, 2 дирижабля, 173 тысячи солдат.

В итоге этой наступательной операции, которая получила название Восточно-Прусской, 2-я Армия Самсонова попала в окружение и была разгромлена, сам генерал застрелился, 50 тысяч солдат оказались в плену. 1-я Армия Ренненкампа в итоге операции была отброшена противником на исходные рубежи. Действия русского командования оказались предательски бездарными, разведка была отвратительной, кавалерийские дивизии не были задействованы. В отношении применения авиации можно отметить мнение о них в штабе 2 Армии в Восточной Пруссии: *«Донесения летчиков вызывали иронические ухмылки, реплики сводились к одному: откуда немцы могут взять такое большое количество войск».*

Как мы увидим далее, материальная часть авиаотрядов в ходе начавшихся активных боевых действий была потеряна довольно быстро.

III КАО был причислен к 3-му армейскому корпусу 1-й Армии, которым командовал генерал от инфантерии Н.А. Епанчин. В отряде было пять монопланов "Ньюпор-IV". 8 августа пилот - подпоручик Ульянов и наблюдатель - поручик Шанин при поисках конницы хана Нахичеванского пропали без вести вместе с секретным пакетом. В тот же вечер на поиски хана отправился унтер-офицер Макиёнок. Он нашел конницу и передал пакет. На обратном пути самолёт обстреляли немецкие пехотинцы, повредив при этом бензобак. Макиёнок выключил мотор и, спланировав, совершил посадку на своей территории. Оставив машину под присмотром солдат, он отправился доложить, что задание выполнено. В это время у места посадки появился немецкий конный разъезд, и русские солдаты сожгли самолет. За успешное выполнение задания Макиёнка наградили Георгиевским крестом 4-й степени. В итоге в отряде осталось 3 самолета.

11 августа Макиёнок и наблюдатель – подпоручик Макейчик в районе городка Таннау обнаружили крупное скопление вражеской артиллерии. Противник готовился к контрудару, однако эту информацию генералы оставили без внимания. 12 августа Макиёнок неудачно приземлился, самолет скапотировал, крылья, винт и шасси были сломаны. Осталось 2 самолета.

15 августа в 3 КАО остался один самолет, который уничтожили собственными руками при отступлении. Обслуживающий персонал авиаотряда отправили в тыл, а пилотов командировали на московский завод "Дукс" за новыми аэропланами "Моран-парасоль".

Так же отвоевали и другие авиаотряды, приданные 1 и 2 армии. За две недели они потеряли все самолеты, некоторые летчики попали в плен, а Восточно-Прусская операция положила начало широкому отступлению Русской армии и сдаче огромных территорий.

Судьба 3 КАО по сравнению с другими отрядами оказалась наиболее продолжительной и насыщенной интересными событиями в будущем. В 1917 г. отряд вошел в состав 2 боевой авиагруппы (БАГ). Группу возглавлял прославленный летчик, известный русский ас Первой мировой войны Е.Н. Крутень, который с октября 1914 г. служил в 21 КАО Лидской 4-й авиароты и воевал при штабе 2 Армии генерала Смирнова. В мае 1916 г., с формированием первых в России истребительных отрядов, штабс-капитан Е.Н. Крутень назначается командиром 2 БАГ по прикрытию Ставки Верховного Главнокомандования. В последние дни июля над Барановичами он одержал свои первые две воздушные победы, до гибели в авиакатастрофе в июне 1917 таких побед стало 17.

3 КАО в составе 2 БАГ в 1918 г. перешел на сторону Красных и на разных фронтах Гражданской войны сражался в составе авиации РККА. В декабре 1927 г. как «7 отдельная авиаэскадрилья им. Дзержинского» отряд из Подмосквья перебросен в Витебск и входит в состав 2 авиабригады. В 1933 г. уже как 106 ИАЭ одной из первых в СССР осваивает истребитель И-16, в январе 1936 г. Эскадрилья преобразована в 15 ИАП (истребительный авиаполк), принявший участие в советско-польской войне 1939 г., и после завершения боевых действий перебросен в Вильно, на знакомый аэродром Парубанек. И так случилось, что 5 января 1940 г. полк передает свои самолеты И-16 31 ИАП в родную ему Лиду, а личный состав отправляется на войну с Финляндией.

Осенью 1944 г. полк снова оказался на белорусской земле, был передан в подчинение 1 Белорусскому фронту и на своих Як-9 совершал полеты над Польшей и участвовал в наступлении на Берлин.

X КАО - на 15 сентября 1914 г. воевал в составе 1-й Армии; на 15 января 1915 г. - в составе 10-й Армии Северо-Западного фронта; - на 1 сентября 1915 г. - в составе 5-й Армии Северного фронта; - на 1 декабря 1916 г. - в составе 12-й Армии Северного фронта. Воевал отряд в основном на Северо-Западном фронте при 12-й армии, командирами были штабс-капитан Л.Г. Попов, поручик Я.П. Струков, штабс-капитан Стройновский. В отряде некоторое время служил Франц Шишковский.

VI и XX КАО поступили в распоряжение 4 -й Армии Юго-Западного фронта, которой командовал генерал от инфантерии (пехоты - прим.Д.К.) барон А. Е. Зальц. 28 июля XX КАО прибыл на прифронтовой аэродром.

Несмотря на предпринятые меры 4-я Армия после двухдневных тяжёлых боёв с австрийцами отошла к Люблину и перешла к обороне.

В декабре 1914 г. Ткачёв, имея при себе лишь револьвер «Наган», атаковал немецкий аэроплан «Альбатрос» и, как писали тогда в представлении к награждению, «своими действиями заставил противника ретироваться».

Хорошо впоследствии воевали и другие летчики XX КАО. В.В. Дыбовский 1 января 1915 г. был повышен в звании до старшего лейтенанта «за отличную и ревностную службу». Он был награжден орденом Святого Георгия 4 степени «за то, что 22-24-го июня 1915 г., будучи в составе 4-й Армии Юго-Западного фронта. Произвел ряд воздушных разведок в районе г. Красника, занятого неприятелем, и своевременно доставил важные сведения о силе, положении и передвижениях значительных сил неприятеля».

Таким образом, накануне войны аэродром Лида являлся единственным местом на будущем Западном театре военных действий, в котором осуществлялась подготовка и формирование авиационных отрядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л. Чехутов, Из воспоминаний о работе авиации в Самсоновской операции // Вестник Воздушного Флота – 1924. - №12. (декабрь)
2. «Вечерний вестник» от 27 .08.1913. – № 337
3. «Вечерний вестник» от 28 .08.1913. – № 338
4. «Вечерний вестник» от 30.08.1913. – № 340
5. «Виленский вестник» от 18.04.1914. – № 371
6. На заре русской авиации. – М., 2000.
7. Елисеев, С.П. Организационное строительство военной авиации России (1910-1917 гг.) М.: ВВИА им. Н.Е.Жуковского, 2008 148 с.
8. www.lida.info
9. www.lidskij.ru
10. www.retroplan.ru
11. Куликов, В. Польский орёл в русском небе. Лётчик-истребитель Донат Макиёнок // Авиамастер. – 2000 – №6. – С. 36-4.
12. Кибовский, А. Униформа Российского Военно-воздушного флота / 1890-1935. – Т.1.
13. Финне, К.Н. Русские воздушные богатыри И.И.Сикорского. Белград, 1930 .
14. Форма обмундирования авиационных частей. Источник Униформа Российского Военного-воздушного флота. – Т.1
15. Хайрулин, М. Воздушные корабли типа “Илья Муромец” / Армада, выпуск 8, 1998. – 56 с.
16. Ткачев, В.М. Крылья России. – 2007.

ДЕМЯНЧИК В.Т., ДЕМЯНЧИК В. В.

Полесский аграрно-экологический институт НАН Беларуси, г. Брест, Беларусь

«ВЫГОНОЩАНСКАЯ ФОРТЕЦИЯ» В СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Выгонощанская фортеция» – авторское название комплекса русских и немецких укреплений, сохранившихся со времен фронтовых сражений Первой мировой войны в деревне Выгонощи Ивацевичского района Брестской области на Огинском канале (рис.1,2). В этой статье, на основе фрагмента готовящейся к изданию книги, показаны отдельные страницы тех далеких событий, былое и современное значение Выгонощанского плацдарма (по определению немецких источников) и линии фронта на Огинском канале.

Выгонощанский сельсовет расположен вдали от больших городов, промышленных и культурных центров, но находится недалеко от автотрассы республиканского и международного значения «Пинск-Ивацевичи-Барановичи». Одним из приоритетов устойчивого развития этой местности следует рассматривать туризм на основе природно-исторического наследия. Природно-туристические достопримечательности этого края разнообразны и во многом уникальны для Беларуси и Европы: водораздельный лесоболотный комплекс, Выгонощанское и Бобровичское озера, Огинский канал. Но, как показывает практика, эти объекты интересны и привлекательны для сравнительно небольшой части туристов: рыбаков-любителей, натуралистов. Кроме того, природно-туристические объекты относятся к сфере республиканской, а не местной формы подчинения и собственности. Туристы и гости обычно проезжают мимо Выгонощ, совершенно не обращая внимания на военно-историческое своеобразие – материальное наследие 100-летней давности, касаемо общеевропейской истории. Именно по количеству (более 35-ти) и инженерно-тактической оригинальности (канальные и болотные типы) оборонительных сооружений времён 1-й мировой войны, сохранившихся в одной деревне, Выгонощи – уникальны не только в Беларуси, но и для всей территории Восточной Европы. Свообразие, длительность и исторический калейдоскоп событий 1914-1918 гг. дают основания квалифицировать эту местность как потенциальный объект историко-культурной ценности Республики Беларусь.

В настоящее время почти все военно-исторические объекты (фортификации) находятся в бесхозном, неприглядном состоянии. Остаются малоизвестными и не вовлечёнными в экскурсионно-туристический актив,

живые воспоминания жителей села, русских и немецких воинов, материалы генштабов воюющих армий. Приведение хотя бы основных военно-исторических объектов в нормальный и доступный для туристов вид, оформление музейной экспозиции, обустройство туристического маршрута в сочетании с книгой и буклетом, на наш взгляд, смогло бы существенно повысить краеведческий рейтинг сельсовета и увеличить туристический приток. Эта идея будет консолидировать не только инициативную группу, но и большинство активных жителей и уроженцев Выгонощанского сельсовета и других людей в ходе реализации небольшого проекта «Выгонощанская фортеция» в рамках реализации проекта «Живая история моего края» и подготовки книги «Великая война на Огинском канале»

В огне Первой мировой войны прошло становление или зарождение почти всех технических средств и тактических приёмов принципиального характера, которые сохраняются и в современной военной практике. Разве что авианосец да парашютно-десантные подразделения – более поздние изобретения. Хотя спасательными ранцевыми парашютами в это время уже оснащались пилоты русского бомбардировщика «Илья Муромец».

Среди новшеств позиционных сражений тех времён было создание и применение специальных групп, небольших по составу (меньше взвода) отборных бойцов с наиболее современным вооружением. В их задачу входило продвижение впереди цепи атакующих и быстрое подавление опорных оборонительных пунктов противника. Глубокая разведка во фронтовую полосу с внезапным нападением на блокпосты – тоже их задача. Тогда они назывались штурмовые группы. Теперь – рейдерские группы, спецназ и т.д. Советская военная энциклопедия отмечает, что появились они впервые у немцев в 1916 г. в ходе Верденской битвы [1]. Но в том же году штурмовые группы активно действовали и в Выгонощанских болотах. Судя по найденным фотографиям, юнцов в штурмовые группы не брали. Работали они коварно по ничему не ожидающим русским блокпостам. Чаще всего дожидались ночи и вырезали спящих бойцов. Далее возвращались и рапортовали. Чтобы не было приписок, позже в состав штурмовой группы включали и умельца-фотографа. Один из таких снимков русского блокпоста перед его гибелью возле Выгонощанского озера показан в мемуарах Д. Гросса [3]. Нередко использовали и местных жителей, скорее всего втёмную, не открывая истинный замысел незадачливому проводнику, или напрямую использовали маргинала. Как это было в Выгонощах, помнят [2]. Не оставалась в долгу и русская сторона. По похожей схеме действовали и русские пластуны, что описано в повести Ивана Шамякина «Петроград — Брест».

Как шли русские штурмовые группы на Выгонощанский плацдарм, описывается в мемуарах комбата немецкого 13-го полка, державшего здесь оборону. Шли в полном смысле слова грудью на амбразуры немецких железобетонных дотов. Было это 22 июля 1917 года. В самую короткую ночь года и самую громобойную ночь за всю историю Выгонощанского края. Тогда на пятачок Выгонощанского плацдарма обрушились тысячи орудийных и миномётных разрывов. И русские штурмовики вырвались на немецкие брустверы. Шли в бой и с полным пониманием того, что они – смертники. И за ними не пойдёт ни кавалерия, ни пехотная лава. Удар был демонстрационный, чтобы сковать, как и прежде крупные силы неприятеля, и дезориентировать противника в ожидании направления главного удара. Кайзеровские военачальники осознали это уже после 1918 года, в 1941-1942 гг. успешно использовали в наступательных операциях, а во второй половине Второй мировой войны еще более удачно применили и советские военачальники.

Именно серией демонстрационных ударов командующим Западного и Юго-Западного русских фронтов удалось скрыть главное направление наступления и обеспечить знаменитый Брусиловский (Луцкий), неслыханно для позиционной войны, глубокий прорыв – на сто пятьдесят километров с относительно небольшими потерями. В то время как на западе считалось огромным успехом продвижение на пару километров, причём ценой десятков тысяч человеческих жизней. В конечном счете, англо-французские войска за счет применения такой стратегии добились на западном театре военных действий в 1917–1918 гг. решающих побед, положивших конец войне.

Весной и летом 1916 года Брусиловский прорыв зарождался и обеспечивался демонстрацией «большого наступления» и под Барановичами, и под Выгонощами, и под Логишином.

После 1920 года про демонстрационные «несерьёзные» удары и непонятные перемещения русских немецкие мемуары гудели как пчёлы в улье. А тогда лучшие боеспособные дивизии были в полном неведении и зарылись в окопы и блиндажи севернее Ясельды. А когда спохватились и двинулись на юг на помощь своим австро-венгерским союзникам – было уже поздно. Если бы Русская Ставка оказалась проворнее, то восточный театр той войны из позиционного принял бы характер мобильной войны, а это – верный признак окончания любой войны.

Выгонощанская фортеция в Брусиловском прорыве занимает достойное место в том плане, что удерживая противника, она не стала алтарём напрасных массовых жертв ни с той, ни с другой стороны. В то время как на пулемётные ДОТы противника напрасно бросали десятки и тысячи русских, немецких, французских, английских солдат их военачальники под Верденом или Барановичами.

Выгонощанская фортеция – это сохранившийся (будем надеяться) на века памятник демонстрационной стратегии и интеллектуальной войны, проявленных русским фронтовым командованием.

Выгонощанская фортеция – порождение полного господства русской артиллерии на конкретном участке фронта. Немецкая ее часть воздвигалась ночами. И главные задачи железобетонных укреплений немцев – спасти личный состав от убийственного огня русской шрапнели и гранат. Очень многие ДОТы, сохранившиеся здесь, слепые и не имеют бойниц.

Выгонощанская фортеция – пример высочайшего инженерно-технического мастерства кайзеровской армии в создании фронтовой обороны. Нигде на восточном театре Первой мировой войны нет аналога создания столь эффективной, глубоко эшелонированной обороны в условиях изначально труднопроходимой местности и бездорожья.

Выгонощанская фортеция – образец фортификационного строительства кайзеровской и царской армий в условиях фронтовой обстановки и лесисто-болотного ландшафта, аналогов которой тоже по-видимому нет, или они не сохранились. От Выгонощанского озера и до Валищенского моста на Огинском канале (30 км) постоянно находились 4 полка немецкой дивизии, напротив сплошных болот со стороны русской части фронта.

Выгонощанская фортеция – образец стратегического мышления царской армии. Всю войну кайзеровский генштаб не исключал направления главного удара русской армии именно здесь, напрасно концентрируя крупные фронтовые и резервные силы. Но так и не дождался.

Соответственно, Выгонощанская фортеция – яркий символ стратегических анахронизмов неспособности генштабом кайзеровской армии адекватно оценивать намерения противника.

Выгонощанская фортеция символизирует на то время ещё не осознанный, но позже, особенно во 2-й половине XX века, эффективно используемый особый приём ведения войн – экономическое изматывание противника. Как показало время, материальное и трудовое вложение в создание и поддержание боеспособности немецкой обороны в Выгонощах было явно гипертрофированным. По современным оценкам, её стоимость составляет миллиарды долларов и сопоставима по цене с современной белорусской атомной электростанцией (которая строится). Вероятность нападения русской кавалерии здесь исключалась, наступление крупных сил пехоты, возможно, было только в июле-сентябре из-за природных барьеров – болот, озер и лесистости.

Выгонощанская фортеция стала своего рода воронкой торнадо высасывания огромных средств на снаряды, мины, пули, железобетон.... Но не человеческих жизней. Железо и бетон тоже чего-то стоят. Как бы не трактовали историки причины начала и конца, кого бы ни называли победителями или побеждёнными в больших войнах, в основе – кухонный стол маленькой семьи. Экономический фактор, в конечном счете, приводил в чувство любое пацифистское общество, изначально фанатизированное идеями, будь то национальное достоинство, жизненное пространство, ностальгия царь-града и т.п.

Это теперь горькая брюква именуется турнепсом и считается в чистом виде непригодной для кормления даже скотины. А в 1916 году в Ивацевичах работала на полную мощность цукатная фабрика с филиалом в Святой Воле: сушёные корнеплоды и фрукты транспортировались в фатэрлянд (родину – нем.) полным ходом. Кто ел брюкву (репу), знает – в чистом виде вызывает урчание в животе и икоту. Переход на брюквенную похлёбку берлинского бургера побудил не только урчание живота, но и революцию. Чуть раньше похожее сотворил и простой «работяга» Путиловского завода, способный до этого на одну зарплату содержать большую семью, включая жену-домохозяйку. Перебои в лавках с поставками белого хлеба (чёрный был в достатке) в Петербурге послужили поводом массовых волнений и двух революций за 1 год. Кстати, какой хлеб (желудковый) приходилось есть в Выгонощах, показано в упомянутой в начале книги [2]. И какой едой «баловали» себя немецкие солдаты там же к 1917 г. тоже известно [3]. Так что не смогли идеи «с нами бог» или «за веру, царя, отечество» компенсировать даже незначительное снижение уровня жизни.

Выгонощанская фортеция – документальное подтверждение в необходимом деле реабилитации Западного фронта и, в частности, 3-й Армии русских войск. До сих пор упрекают, что именно эта часть русских фронтов не поддержала наступление Юго-Западного фронта летом 1916 г. и не обеспечила успех Брусиловского прорыва на всём восточном театре войны [1]. Забывают, что на линии прорыва Юго-Западного фронта не было и 5% оборонительных сооружений, которыми к тому времени успел ошетиниться противник напротив русского Западного фронта.

И необходимая поддержка была. Чего стоит одна только Барановичская битва, где на маленьком десятикилометровом участке Западного фронта за несколько дней полегли под пулемётным огнём немецких ДОТов сотни русских солдат.

С учётом тактических особенностей местности немецкая оборона на Выгонощанском плацдарме, под Телеханами или Логишином, для пехоты или кавалерии была попросту непробиваема. Особенно в начале Брусиловского прорыва. Но и здесь со стороны 3-й Армии были демонстрационные удары отвлекающего характера, не позволившие немцам немедленно кинуться по хорошей железной дороге на юг, на помощь австро-венграм. Что они успели под Барановичами и закрыть прорыв русской армии.

Но как только немецкие сапёры, переброшенные в расположение австро-венгерского фронта, организовали возведение за несколько дней сплошной линии заграждений, защитных противоартиллерийских сооружений и огневых точек под Ковелем остановился и Брусиловский прорыв. Пулемёты, ДОТы, колючая проволока одинаково эффективно сводили на нет наступательный порыв и на восточном и на западном театрах войны.

Выгонощанская фортеция примечательна своим стратегическим фронтовым расположением. Она находилась на острие своеобразного выступа в сторону русских, севернее похожего выступа в сторону немцев возле Пинска, почти на *середине гигантской по протяжённости относительно ровной линии фронта. Подобные выступы всегда бесплодят стратегов и с той и с другой воюющих стороны. Они коварны. Из них, как выпущенная стрела, противник может прорвать фронт. Или наоборот, противоположный противник такой выступ внезапно двумя сходящимися*

ударами может взять в клещи и срезать в свою пользу. Забрать назад в свои руки Пинск и Логишин русские могли только охватными ударами с Выгонощ и Телехан. Но здесь диктатором стратегии выступил Огинский канал с первых дней образования фронта на восточно-европейском театре военных действий. И пока русская и немецкая кавалерия гоняли друг дружку по Радзяловичской и Руднянской дорогам, да по хуторам возле Валищ и Логишина, 35-я резервная дивизия немцев в сентябре 1915 года окопалась на канале. Как оказалось, надолго на линии очень необычного фронта. Уже в 1915 году между Балтийским (Рижский залив) и Чёрным (устье Дуная) морями установился «фронт времён и народов». Эта линия фронта, не имеющая себе равных в мировой истории ни до, ни после, отличалась по впечатляющей совокупности показателей ведения войны и её последствий.

1. Долговременность фронтового противостояния (1915-1918 годы).
2. Стабильность фронтовой линии (на Огинском канале в 1915-1918 годы) без изменений.
3. Значительная протяжённость сухопутной части общего фронта (более 2000 км).
4. Совмещенность флангов фронта с зонами активных боевых действий на море.
5. Большое число участвующих стран и народов.
6. Добровольное (беженство) и принудительное (депортация) перемещение большого количества гражданского населения на большие расстояния (до 4 тыс. км).
7. Появление статуса беженцев, временно перемещённых лиц, что повлекло и крупные демографические процессы, актуальные и в современной политике.
8. Политическая, национальная и социальная разнородность интересов участников боевых действий и населения прифронтовой полосы.
9. Участие и одновременное крушение 4-х крупнейших империй на карте мира.
10. Линия радикального государственно-территориального переустройства (после войны здесь вместо 3-х прежних появилось 7 государств, в т.ч. – 6 новых).
11. Привлечение наёмной рабочей силы из нейтральных стран для строительства оборонительных фронтовых сооружений («китайский стройбат» возле Огинского канала и др.).
12. Возврат Европы к рабскому статусу и труду военнопленных в массовых масштабах.
13. Массовое появление торгово-культурных взаимоотношений воюющих сторон на фронте (братание).
14. Использование практики замены уставного (командного) управления войсками демократическим самоуправлением в условиях боевых действий.
15. Появление большого числа военных кладбищ и интернациональных объектов воинской мемориализации.
16. Большое число погибших и военнопленных на единицу фронтовой площади.
17. Появление масштабных заболеваний людей (пандемий и эпидемий) от новой группы возбудителей – вирусов.
18. Использование в составе наступательных войск женских подразделений (под Молодечно).
19. Высокая плотность огня (по числу использованных боеприпасов на фронтовую полосу за весь период войны и на локальных участках).
20. Большое разнообразие новых боевых средств, применённых в ходе одной войны, включая оружие массового поражения (в т.ч. поражающее не только людей, но и животных).
21. Использование разнообразных видов артиллерии и способов ведения боя (кочующие батареи, огневой вал, стрельба не разрывающимися снарядами и т.д.).
22. Большое число новых и старинных средств связи (оптика, радиосвязи, голуби, собаки и др.).
23. Использование боевых и защитных средств древнего происхождения (пики у кавалеристов, металлические латы и шлемы у пехотинцев, засеки из сучьев и кольев и др.).
24. Появление новых средств разведки и управления (аэрофотосъёмка, аэростаты, топографические карты на геодезической основе и др.).
25. Появление новых средств обороны (электропроволочные заграждения, ДОТы, бронепоезда, пулемётные поезда на узкоколейках и др.).
26. Большие площади и разнообразие видов фортификационных сооружений.
27. Большое число сохранившихся фортификационных сооружений, построенных в условиях боевых действий на фронтовой линии.
28. Появление новых видов и родов войск (противовоздушная и противохимическая оборона, новые классы кораблей и др.).
29. Применение новых приёмов атаки (штурмовые группы, ночные и дневные бомбардировки и др.).
30. Появление многих новых оперативно-тактических и стратегических способов планирования и управления войсками.

Некоторые из этих показателей уникальны или пионерны для всемирной военной и политической истории. Почти все они имеют отношение и к фронту в Телеханской зоне, включая Выгонощанскую фортецию. Слово «почти» относится к танкам и военно-морским силам. Да и это, в некоторой мере, может относиться к Огинскому каналу и Выгонощанскому озеру. Караваны немецких лодок, под покровом ночи осенью 1915 года возившие

провиант и боеприпасы на 10-й шлюз, оснащались противопульной бронёй. Эти прототипы «бронекатеров» – вынужденное изобретение для защиты от русских снайперов. Но спасла столь критическое положение «дорога жизни» после строительства наката, проходившего в 5 км к западу параллельно Огинскому каналу.

В наиболее общем виде в контексте мировой истории сохранившиеся объекты фортификации по всей линии Огинского канала можно определить как часть «Линии последних императоров» в Европе. Эта линия подобно объекту мирового наследия – Дуге Струве, кстати, совпадающей по расположению, знаменует собой эпохальный излом мировой истории и заслуживает материального сохранения и нового осмысления.

Рисунок 1 – ДОТ времен Первой мировой войны на берегу Огинского канала

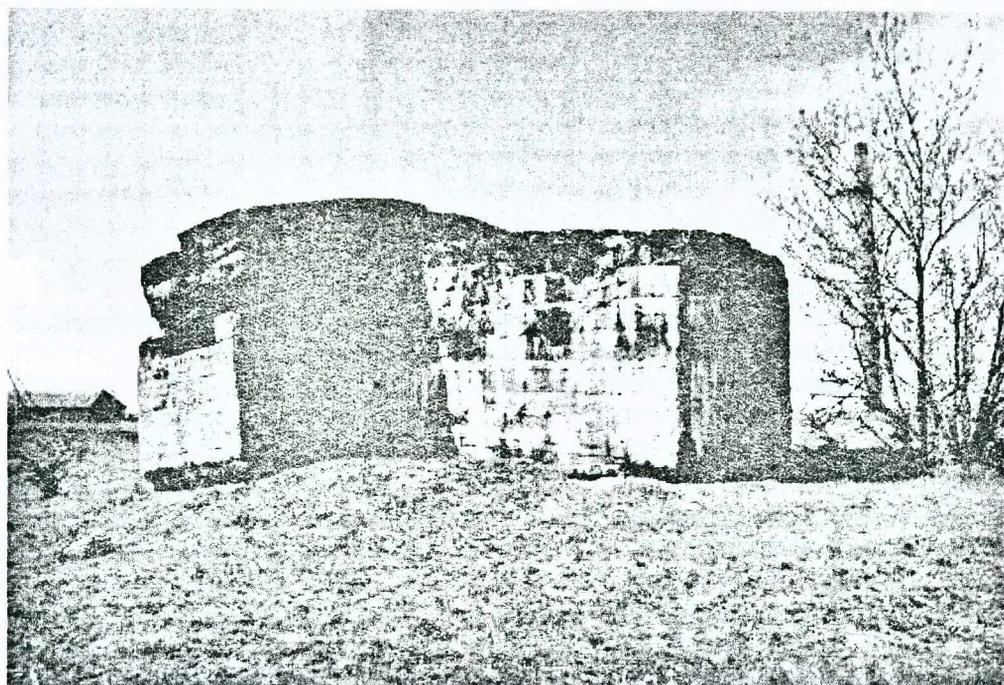

Рисунок 2 – ДОТ времен Первой мировой войны на северо-западной окраине д. Выгонощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Советская военная энциклопедия : в 8 т. / редкол.: А. А. Гречко [и др.] – М.: Воениздат, 1976–1980. – Т. 8.
2. Лукашевич, Г. К. Пока мы живы / Г. К. Лукашевич, Т. Г. Циркунова. – Минск: Мон Литера, 2010. – 236 с.
3. Gross, F. Das 1. Württ. Landsturm-Infanterie-Regiment Nr. 13 im Weltkrieg 1915–1918 / F. Gross. – Stuttgart : C. Belser, 1920.

ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Первая мировая война, либо Великая война, как её называли до Второй мировой войны, оставила неизгладимый след в мировой истории. В военные действия были вовлечены 38 из 59 существовавших в то время независимых государств. Убито и умерло от ран около 10 миллионов солдат и около 12 миллионов мирных жителей. Первая мировая, являясь причиной ряда революций, распада четырёх империй (Австро-Венгерской, Российской, Германской и Османской) и появления новых государств (Австрия, Венгрия, Югославия, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия), определила современную геополитическую обстановку. Впервые использованы такие виды оружия, как танки и боевые отравляющие вещества, существенное развитие получили авиация, артиллерия, кораблестроение, подводный флот и др. Заключение мира и ряд конгрессов по итогам войны вывели международные правовые отношения на новый уровень развития. Сегодня эта война обогнана и незаслуженно, но очень старательно забыта.

Великая война имела большое значение и для истории Беларуси. С самого начала вступления в войну Российской империи тяготы и лишения войны начали ощущаться на белорусских землях: во всех крупных городах размещались запасные и резервные части, госпитали, ремонтные мастерские и пр., колоннами шли беженцы, была объявлена всеобщая мобилизация. С 3 августа 1914 года в Барановичах разместилась Ставка Верховного Главнокомандующего. Непосредственно на территории Беларуси военные действия начались с начала августа 1915 года. После остановки русскими войсками, так называемого Свенцянского прорыва, с октября фронт более чем на 2 года стабилизировался по линии Двинск – оз. Нарочь – Барановичи – Пинск. Оккупированной немцами осталась ¼ часть территории современной Беларуси. Две огромные армии фактически закопались в землю. Военных манёвров больше не производилось. Затяжные артобстрелы, порою по несколько суток, и атаки пехоты «в лоб» приносили небольшой результат, но приводили к огромным неоправданным потерям. Вся линия фронта превратилась в колоссальную стройку, протянувшуюся почти на 400 километров: сооружались фортификации, восстанавливались и строились коммуникации, обустроивались лагеря, создавалась инфраструктура. Позиционная война на территории Беларуси продолжалась вплоть до 15 декабря 1917 года, а оккупация до 3 марта 1918 года и закончилась подписанием Брест-Литовского мирного договора.

В 2014 году весь мир отмечает 100-летие начала Великой войны. Интерес к трагическим событиям тех далёких лет ежегодно возрастает и в нашей стране: издаётся литература, проводятся выставки, научные конференции, военно-исторические реконструкции, благоустраиваются воинские захоронения. Утверждена Государственная программа по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн на 2011-2014 гг. Однако большинство мероприятий носит локальный, несистемный характер и реализуются зачастую силами отдельных энтузиастов. Большинство сохранившихся объектов наследия Первой мировой войны никак не используется и находится в заброшенном состоянии. Ни один из памятников немаловажных для истории нашей страны событий не включён в Список материального историко-культурного наследия Республики Беларусь, а значит, не имеет охранного статуса.

К объектам военного наследия относятся:

1. Фортификационные сооружения, возведённые в период Первой мировой войны либо принимавшие участие в военных действиях.
2. Объекты жилого, хозяйственного и производственного назначения, построенные для нужд противоборствующих армий.
3. Воинские захоронения.
4. Места крупных сражений.
5. Памятники, часовни, установленные в военное и послевоенное время.

Следует отметить равнозначность в культурном и историческом отношении ценности военных сооружений и захоронений, как Русской императорской армии, так и частей противника.

Фортификационные сооружения. На момент начала войны фортификация западной части Российской империи представляла собой систему сухопутных крепостей: Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Иван-город, Варшава, Ковно, Осовец, Гродно. На территории современной Беларуси из них находились крепости Брест-Литовск и Гродно. Крепость в Бобруйске к началу XX века была уже устаревшей в фортификационном отношении и использовалась для размещения гарнизона. В крепости Брест-Литовск проходила очередная модернизация, крепость Гродно не была достроена. Во время войны активно строилась и использовалась полевая фортификация. Стоит отметить, что строительство с немецкой стороны велось гораздо активнее (мощная фортификация компенсировала нехватку живой силы). С немецкой стороны сооружалась двухуровневая, а в отдельных местах и трёхуровневая система обороны, включающая проволочные заграждения, линии окопов, соединённые зигзагообразными переходами, наблюдательные пункты, укрытия для личного состава и орудий, огневые точки. Немецкие позиции были усилены многочисленными железобетонными сооружениями (ДОТы, блиндажи, наблюдательные пункты). Российская полевая фортификация была представлена в основном деревоземляными сооружениями.

На сегодняшний день сохранились сотни фортификационных сооружений времён Первой мировой войны. Остатки земляных окопов и железобетонные сооружения размещаются вдоль всей линии фронта. Большинство из них сконцентрировано в Барановичском, Ляховичском, Сморгонском, Мядельском, Вилейском районах. Ни одно из сооружений не используется, их посещают лишь стихийные туристы и «чёрные» археологи. Не редки случаи, когда железобетонные сооружения превращаются местным населением в основания фундаментов для своих домов, свалки бытовых отходов. Многие сооружения полностью засыпаны грунтом. За сто лет их существования не проводилось планомерной работы по изучению фортификации, инвентаризации сохранившихся сооружений, разминированию.

Объекты жилого, хозяйственного и производственного назначения. Для размещения многочисленных частей строились целые военные городки из барачных корпусов. Иногда военных расквартировывали в близлежащих к фронту населённых пунктах. Сооружались хозяйственные постройки: склады, пункты питания, командные пункты, штабы, лазареты, электростанции. Немецкая армия активно занималась строительством и возведением дорог и коммуникаций. На каждой узловой станции строились вокзалы. В немецких лагерях даже строились кинотеатры. Производственные здания в основном были представлены лесоперерабатывающими мастерскими. Большинство таких сооружений утрачено. Из сохранившихся объектов можно назвать дом Малина (г. Минск, ул. Володарского, 9), где в годы Первой мировой войны размещался «Стройзап» (строительно-технический отдел Западного фронта). В 1918 г. здесь была принята III Уставная грамота о независимости Беларуси. Также стоит вспомнить о зданиях военного городка в г. Барановичи, где размещалась в начале войны (до 8 августа 1915 года) Ставка Верховного Главнокомандующего русской армией. Деревянные здания простояли уже более 100 лет, и до сих пор в некоторых из них живут люди. Однако сегодня некоторые из них уже снесены (ноябрь 2013 года – 3 здания), остальные пойдут под снос в ближайшее время.

Воинские захоронения. Размещались вдоль всей линии фронта, как с русской, так и с немецкой стороны. Захоронения велись непосредственно у полей сражений, в прифронтовой полосе, при госпиталях, на городских (сельских) кладбищах. Отличительная особенность военных захоронений Первой мировой – это совместное захоронение солдат противоборствующих армий. Так, большинство из сохранившихся на территории Беларуси кладбищ являются смешанными. Сотни тысяч солдат погибли на территории нашей страны, и все они похоронены на белорусской земле. Сегодня на территории Беларуси выявлено более 200 захоронений, часть остаётся неизвестной, многие утрачены навсегда. На самых крупных покоятся тысячи солдат и офицеров. Более чем на 60 кладбищах сохранились общие памятники, поставленные во время войны или в послевоенные годы. Имеются и многочисленные индивидуальные памятники (известно более 90 кладбищ с индивидуальными надгробиями). Основная масса памятников находится на немецких и смешанных памятниках. Это происходит из-за того, что работа по перезахоронению и обустройству воинских кладбищ на территории СССР (тыловая территория русской армии) не проводилась. В послевоенное время (до 1939 года) благоустройством кладбищ, перезахоронением останков занималось польское государство в рамках международной компании. Сегодня работу по восстановлению и обустройству воинских захоронений проводит Управление по увековечиванию памяти защитников Отечества и жертв воинов Вооружённых сил Республики Беларусь. Также этой работой занимается Народный союз Германии по уходу за военными могилами. Их усилиями обустроено более 30 кладбищ Первой Мировой войны.

Места крупных сражений. На территории Беларуси прошло несколько крупных сражений, повлиявших на весь ход военных событий. Среди них можно выделить Свентянский прорыв немцев и его ликвидацию осенью 1915 г. (территория Молодеченского, Сморгонского, Вилейского районов); героическую 810-дневную оборону российскими войсками городка Сморгонь; кровопролитную Нарочанскую операцию в марте 1916 г. (Мядельский, Вилейский, Поставский районы); наступление российских войск летом того же года под Барановичами; масштабные бои летом 1917-го под Сморгонью и Крево. Часть территорий оказалось застроенной или занятой под хозяйственную деятельность человека. Но ряд мест сохранились почти в неизменном виде, имеют следы окопов, остатки колючей проволоки. Мемориализованные поля крупных сражений во всём мире являются местами притяжения большого количества туристов. Примером может служить Буйничское поле (г. Могилёв, Беларусь), Бородинское поле (Московская обл., Россия), место Куликовской битвы (Тульская обл., Россия), поле Альминского сражения (Бахчисарай, Украина).

Памятники и памятные знаки. В д. Боруны (Ошмянский р-н, Гродненская обл.) установлен памятник экипажу самолёта «Илья Муромец». Мемориалы создаются в Вилейке и Сморгони. С 2010 г. Мемориал открыт на месте воинского захоронения в г. Минске. Ряд проектов по возведению памятников и памятных знаков, посвящённых событиям Первой мировой войны, находится в разработке в различных организациях.

Многие из объектов военного наследия обладают высоким туристским потенциалом и могут стать объектами развития туризма. Памятники и памятные места Первой мировой могут стать основой для создания специализированных тематических туристских маршрутов и дополнить общие краеведческие маршруты. На их основе могут создаваться как крупные туристские комплексы с развитой инфраструктурой и широким спектром предоставляемых услуг, так и небольшие мемориалы и памятные знаки. Создавая туристские объекты на основе памятников и памятных мест войны, следует руководствоваться следующими принципами:

1. Использование военных объектов должно быть этичным по отношению к их функциональной принадлежности и историческим событиям, связанным с ними. Туристские комплексы развлекательного характера не могут

создаваться там, где гибли тысячи солдат или покоятся их останки. Приемлемо создание познавательно-развлекательной функции в зданиях штабов, складов и пр.

2. Все существующие исторические сооружения должны быть полностью сохранены. Возможно восстановление утраченных фрагментов или сооружений методами современной реставрации с учётом требований международных документов по сохранению и восстановлению историко-культурного наследия, нормативно-правовых актов, действующих на территории Беларуси. Сохраняться (воссоздаваться) должны не только сами сооружения – их внешний облик и внутренняя планировка, но и сама историческая среда. Также важно сохранить все элементы инженерно-технического оснащения и наружного благоустройства, дошедшие до наших дней. Даже при невозможности использования данных элементов, они могут стать достойным экспонатами.

3. Объекты военного наследия, используемые в целях туризма, должны быть максимально доступны для посетителей. Со всех близлежащих магистралей к ним должны вести подъездные пути, позволяющие подъехать не только легковым автомобилям, но и туристским автобусам. Автостоянки должны проектироваться из расчётной вместимости туристского комплекса. На стоянках необходимо предусматривать места для инвалидов (4% от общей вместимости) не далее 50 м от входа. Все объекты историко-культурного наследия и туристской инфраструктуры должны быть связаны удобными пешеходными связями. Ко всем зданиям и сооружениям обеспечивается проезд для спецтехники по внутренним проездам либо по пешеходным дорожкам (шириной не менее 3 м).

Все исторические здания и сооружения, а также объекты туристской инфраструктуры должны быть доступны для категории физически ослабленных лиц (пандусы, подъёмники, ширина проходов, с/у). В крупных туристских комплексах желательно предусматривать прокат велосипедов, сигвеев, электрокаров и пр. Стоянки для них должны быть не только при въезде, но и у основных объектов, посещаемых туристами.

4. Вдоль всех туристских маршрутов необходимо создание эффективной информационной среды, включающей указательные знаки, информационные табло с указанием направления движения и расстояний до объектов историко-культурного наследия и туристской инфраструктуры, схемы туристских маршрутов. На подъездах (подходах) к памятникам фортификации необходимо размещать стенды с информацией об этих объектах – их истории, значении в общей системе фортификации в стране, участии в боевых действиях, связи с известными людьми и т.п.

Создание объектов туризма на основе памятников и памятных мест Первой мировой войны позволит сохранить эти объекты, повысить туристский потенциал нашей страны и, что самое важное, привлечь внимание к историческим событиям, героическим личностям и инженерным сооружениям этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусь в годы Первой мировой войны / В.Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 398 с. : ил.
2. Белорусские земли в системе фортификационного строительства Российской империи и СССР (1772-1941) / С.А. Пивоварчик – Мн.: ГрГУ, 2006
3. Основы стратегического планирования развития инфраструктуры регионального туристского комплекса / М.В. Виноградова и др. М.: Маркетинг, 2006. 98 с.
4. Германские позиции 1915-1918 г.г. на Восточном фронте // Н. Шелавин. Война и Революция. – 1920. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.fortress.by
5. Потаев, Г.А. Преобразование и развитие городов – центров туризма / Г.А. Потаев. – Минск: БНТУ, 2010. – 227 с.

ГЛАДЫЩУК А.А.

Доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой физики Брестского государственного технического университета, г. Брест, Беларусь

БЕРЕСТЕЙСКИЙ ЗАМОК – ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРТЕЦИЯ БЕЛАРУСИ

В работе на основании исторических сведений и анализа результатов археологических раскопок Берестья и других документов впервые сделана попытка реконструкции основных этапов строительства древнейшего замка Беларуси – Берестейского замка. Выделен термин «Малый замок», относившийся к замку на первом этапе его существования. Впервые приводится текст так называемых «Accords-Puncta» - «Соглашения-пунктов» передачи города и замка шведам и венграм в 1657 году. Сообщаются свидетельства разрушения Берестейского замка и уничтожения города в 1660 году. Приводится инвентарь замка 1668 года.

Предисловие

Во второй половине XII столетия Берестье в летописях древней Руси [1] часто упоминается в связи с именем князя Владимира Андреевича, сына Переяславльского князя Андрея Владимировича (Мономахича) Доброго, который был посажен на княжение во Владимире Изяславом Мстиславичем при переходе на киевский великокняжеский престол в том же 1146 году. В 1153 году после своих военных неудач Изяслав Мстиславич бежит обратно во Владимир, а Владимира Андреевича переводит в Берестье и Дорогичин на Буге. Хотя вскоре тот, видимо, лишается Берестья, потому что летописи сообщают о присоединении к его дорогужским владениям

Берестья вновь уже в 1157 году вместе с Пересопницей и Бужском шестым сыном Владимира Мономаха великим князем киевским Юрием Владимировичем Долгоруким, который в 1147 году основал Москву. Другими словами, к моменту основания Москвы, так сильно впоследствии влиявшей на судьбу нашего города, Берестье являлось укрепленным городом на порубежье земель древней Руси, на что указывают частые упоминания города в древнерусских летописях и сообщение о смерти в Берестье в 1173 году князя Святослава Мстиславича, брата галицко-волинского князя Романа Мстиславича.

Именно на это время приходится ослабление великокняжеской власти и раздробленность Киевской Руси, в то время как начинает крепнуть Галицко-Волинская земля, а Берестейская земля, практически готовая к выделению в самостоятельное княжество, попадает в сферу влияния теперь уже владимирово-волинских князей. Не остаётся в стороне от своих постоянных притязаний на Берестейскую землю и Польша. Это обстоятельство хорошо подчёркнуто известным польским историком, хронистом и поэтом Матеем Стрийковским в его главном труде «Хроника польская, литовская, жемойтская и всей Руси» [2] – первой печатной истории ВКЛ, изданной в 1582 году в Крелевце (Кёнигсберге).

В короткой главе «O wojnie polskiej z Rusią» М. Стрийковский пишет: «После 1179 года, Казимир Второй, названный Справедливым, сын Болеслава Кривоустого, князь польский, видя погоду [хорошие условия] для похода на князей русских, когда они сами с собой лбами бились, наехал на их земли, смежные с Польшей, которыми частью подчинением, частью силой овладел, как Берестьем, которое сегодня зовётся Литовским, Владимиром, Дрогичином и Пшемыслом, как пишут об этом Длугош и Меховиус. Но Винцентий Кадлубек, первый польский хронист, при жизни которого эти события происходили, не упоминает, чтобы Казимир в то время завладел такими обширными землями Русского государства, разве что только Берестьем Литовским, которое от Польши к Руси перешло, этот Казимир, собравшись с войском, возвратил земель не больше, чем показывает Кромер. А князья русские, помирившись, согласно летописцам руским и литовским, также не дали долго полякам владеть землями своими, и поэтому, будучи в согласии (при котором государства увеличиваются), своё отобрали и несколько замков польских урвали» [2].

Первое письменное упоминание Берестейского замка

После краткого, но вполне понятного вступления Матей Стрийковский делает очень важное для нашей темы сообщение, которое приведём вначале на языке источника [2]: «Zatym też Brzeście Litewskie, roku od narodzenia Christosa Pana 1182, z posluszenstwa się Polskiego wybiło i wszystek on kraj do Ruskiego przelożenstwa znowu przystąpił. Co słyszac Kazimirz, xiąże Polskie, obległ Brzeście, i dobywszy go za 12 dni sturmem ustaniecznym, winniejshych na gardle skarał, i zamek nad miastem zbudował, który Polskimi żołnierzami przeciw Rusakow osadził, jako Długosz, Miechovius fol. 103, Wapowski, Bielski fol. 248, świadczą».

Перевод на русский язык приведенного сообщения звучит следующим образом: «Вскоре также и Берестье Литовское, в год от Рождения Христа Господа 1182, из-под подчинения польского отбилось, и весь этот край снова перешёл в русское подчинение. Это услышав, Казимир, князь польский, обложил Берестье, и взял его за 12 дней непрерывного штурма, виновных покарал смертью [то ли повесил, то ли обезглавил], и замок над городом построил, который польскими воинами против русаков осадил, как Длугош, Меховиус, Вавовский, Бельский свидетельствуют».

Так как это событие ещё раньше описал Ян Длугош [3], польский историк и дипломат, секретарь краковского кардинала З. Олесьницкого, в своей многотомной «Истории Польши», которую написал в 1460-1480 гг. и на которого ссылается М. Стрийковский, то следует заглянуть и в этот источник. Я. Длугош сообщает [3]: «Лета Господня 1182. Казимир, князь и монарх польский, узнав о выходе из-под послушания Берестейской земли и её столицы, расположенной над рекой Буг, сразу же взялся за оружие и, собрав войско как конное, так и пешее, быстрым маршем прибыл под Берестье (Brześć), обложил его и через двенадцать дней взял его силой. После чего главных виновников мятежа (rokjoszu) покаравши смертью, и замок над городом (grodek nad miastem) поставивши, обеспечил его сильным отрядом, чтобы удержать народ в послушании под страхом наказания».

Не обсуждая политическую составляющую события, заметим, что хорошо вооружённое польское войско 12(!) дней непрерывно штурмовало город и его наилучшим образом укрепленную часть. Сомнений нет, замок, хорошо укрепленный замок, к этому времени в Берестье уже существовал, как и сама Берестейская земля-княжество, на что указывает Я. Длугош, и полякам пришлось замок основательно разрушить, чтобы штурмом им овладеть и жестоко наказать защитников города. Напомним, шёл 1182 год. Это первая дошедшая до нас хроника беспримерной защиты своего города берестейцами от внешнего посягательства, впереди их будет ещё много. Заметим, никто из маститых польских хронистов не называет Берестье того времени польским городом, так как таковым он никогда не являлся.

Не лишним будет отметить, что в «Великой хронике о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв.» [4] Берестье упоминается только один раз и как раз в связи с вышеизложенными событиями, где в главе 39 «Каким образом Казимир побеждает русских» отмечено: «Случилось так, что город Руси Берестье, отказавшись от повиновения Казимиру, перестал выплачивать обычные подати и стал готовить оружие для сопротивления Казимиру. Последний, собрав отряд храбрых воинов, в году от Р. Х. 1182 пошёл против него и его князя и внезапно мужественно его [город] атаковал и захватил».

Польская, заметим, а не хроника Руси однозначно утверждает, что Берестье являлось городом Руси и даже имело собственного князя, который заведомо укрепил город и подготовил его к защите. Другими словами, город к тому моменту без сомнения имел хорошо укрепленный замок, иначе не объяснить 12-дневной упорной обороны. Приведенная выше фраза из польской хроники также проясняет, что Берестейская земля находилась в то время не во владении Казимира, а в его повиновении, т. е. вассальной зависимости, что далеко не одно и то же. Конечно, чтобы город подчинить себе, Казимиру пришлось разрушенный штурмом замок заново отстроить и оставить в нём польский гарнизон, о чём в хрониках и сообщается. Но как бы там ни было, Берестейский замок именно с 1182 года именуется замком и отсчитывает уже собственную хронику своих дальнейших событий.

Исследователь белорусских замков М.А.Ткачѳв [5] по непонятной причине сведений польских хроник в отношении Берестья не приводит, а относит строительство укреплений Берестья к 1259 году. Но, тем не менее, будет не безынтересно взглянуть в указанных монографиях М.А.Ткачѳва на даты первых письменных упоминаний других белорусских замков: Новогрудский замок – вторая половина XIII в., 1274 г.; Каменецкая вежа – между 1276 и 1288 гг.; Городненский замок – XIII в., 1277 г.; Лидский замок – 1323 г.; Крѳвский замок – 30-е годы XIV в., с 1338 по 1345 гг. в замке жил Ольгерд Гедиминович; Менск – XIII в., но письменное упоминание только в 1434 г.; Орша – 1397 г.; Полоцкие замки – в середине XI в. возведѳн Софийский собор, никаких описаний укреплений XIV- XV вв. не сохранилось, сообщается только о «Волковой башне» в документах XIV в.; Гольшанский замок – с XIII в.; Витебск – первая половина XIV в. «3 стены камены», 1351 г.; Мстиславль – 1358 г.; Кричев – 1358 г.; Слуцк – 1409 г.; Гомель – XIV в., 1406- 1419 гг.; замок в Геранѳнах – предположительно в 1493 г.; Бобруйск – 1502 г.; Мирский замок – 1506- 1510 гг.; Борисов – 1514 г.; Могилѳв – 1526 г.; Мозырь – 1528 г.; замок в Любче – 1580-е гг.; Заславский замок – XVI в.; Несвижский замок – XVI в.; Быхов – 1590 г.; замок в Смольянах – 20-е гг. XVII в.; Гайтуньшкы – 1613 г. и т. д.

Отсюда следует, что если Софийский собор в Полоцке считать всё же собором, а не замком, то Берестейский замок имеет все шансы возглавить список белорусских замков. Осталось заглянуть только в монографию П.Ф. Лысенко «Города Туровской земли» [6]. О самом Турове, как известно, летопись сообщает под 980 годом, но, как заметил П.Ф. Лысенко, отголоски сведений о замке Туровском имеют пометку лишь 1725 годом. Кстати, П.Ф. Лысенко, ссылаясь на хронику М. Стрийковского, первое упоминание о замке в Берестье под 1182 годом, как последнее упоминание Берестья в XII веке, называет. Всё сказанное указывает на то, что Берестейский замок является действительно древнейшим, если не самым древним замком Беларуси. К сожалению, даже «Энциклапедыя ВКЛ» это обстоятельство игнорирует [7].

Малый замок князя Владимира Васильковича

Следующий этап строительства Берестейского замка летописи Руси [1] связывают с именем выдающегося владимирово-волинского князя Владимира Васильковича, куда относилась в то время и Берестейская земля. Подробное перечисление добрых дел князя Владимира Васильковича в летописи, которое является весьма ценным как для науки, так и для исторической памяти, помещено на нескольких страницах. Для нашего повествования важно, что летописец начинает его с Берестья [1]: **«Князь же Володимеръ, въ княженіи своемъ, многы города зруби, по отци своемъ: зруби Берестій и за Берестіем зруби городъ на пустомъ мѳстѳ, нарицаемѳмъ Лыстнѳ, и нарече имя ему Каменецъ, зане бысть камена земля. Създа же въ немъ столпъ камень, выотою 17 сажней, подобень удивленію всѳмъ зрящимъ на нь...»**.

П. Ф. Лысенко [8] обращает внимание, что вскоре после смерти своего отца Василько Романовича (1271) и в начале своего княжения (1272) Владимир Василькович мог заняться сооружением оборонительных укреплений Берестья. Сомнений в этом летописная запись не оставляет, к тому же она стоит первой в перечне важных деяний князя, а летописец, как подчѳркивают многие исследователи, был хорошо информирован о всех делах владимирского князя, поэтому перечисление своё он и мог начать с первого важного дела, которое князь оставил после себя. Несколько только смущает осторожность именитых учёных в отношении к употребленному в летописи словосочетанию **«зруби Берестій»**. Всё же что «зрубил», в смысле построил князь Владимир Василькович – город, городские укрепления или замок, употребив термин (вместо «замок») «город»? Принимая во внимание непримиримость князя к ятвягам, которые не давали ему покоя именно со стороны Берестья, можно также осторожно предположить, что в городе, который к тому времени несомненно существовал, князем Владимиром Васильковичем был заново отстроен замок – основная укрепленная часть города, что, безусловно, не могло не затронуть и прилегающие к замку строения мастеровых людей, исконно под замком проживающих. В любом случае из-за важного стратегического значения Берестья при Владимире Васильковиче становится одним из важнейших городов княжества, а замок, что очень важно для его дальнейшей истории, – его княжеской резиденцией.

В конце длинного списка добрых дел князя Владимира Васильковича, перечисленных весьма подробно, летописец снова возвращается к Берестью [1]: **«В Берестіи же създа стлпъ камень, выотою яко и каменецкый; постави же и церковь святого Петра, и еуангеліе да опракошьоковано сребромъ, и служебныє съсуды скованы сребрены, и кадилница сребрена, и крестъ въздвизалный туто положи; и инаа многаа добродѳянїа съдѳа въ животѳ своемъ, яже словуть по всѳмъ землямъ. Туто же положимъ конецъ Вѳлодимерову княженію»**.

Древняя летописная запись «в Берестіи же създа стлпль камень, выотою яко и каменецкый» однозначно повествует о возведении в Берестейском замке самой древней каменной вежи. Но и по сегодняшний день нет единого мнения ни о её форме, ни о её точной локализации, хотя, казалось бы, есть вежа-двойник в Каменце, которая к счастью сохранилась. Тем не менее, в 1270-х гг. Берестейский замок обретает не только каменную вежу, но и особый статус княжеской резиденции.

Задумывался ли кто из нас, стоя у ограждения открытого раскопа археологического музея «Берестье», куда это могли вести три уличные мостовые XIII в., имеющие примерную общую ориентировку запад-восток? Ведь, правда, не совсем логичным выглядит их направление, как-то в сторону от большого острова, который несомненно в то время уже был заселён и представлял собой околный город. Ответ находим у самого П. Ф. Лысенко [9]. У северной мостовой, это там, где вход в музей, при раскопках был обнаружен частокол с северной стороны улицы, сооружённый из дубовых колотых полукруглых плах шириной 28-37 см. Эти дубовые плахи имели плоские основания и установлены были плотно друг к другу, образуя мощнейший частокол. Задумаемся, для чего это вдруг понадобился мощный частокол вдоль улицы?

Чтобы понять это, приведём полный текст, относящийся к данной теме, из книги «Открытие Берестья» [9]: «После завершения раскопа 1975 г. были начаты работы на новом участке, примыкающем к раскопу 1974 г. с восточной стороны. Здесь также продолжала вскрываться северная улица, но в раскопе 1976 г. она отклонилась к югу, навстречу центральной улице, с которой она, возможно, и сливалась за пределами раскопа». Отметим, значит, по мнению археолога, улицы вдруг, это за восточной стеной музея, могут сливаться, значит, имелась веская причина для этого. Продолжим следить за текстом книги «Открытие Берестья» [9]: «Мы выяснили, что вдоль её северной стороны уже после того, как улица перестала существовать, был установлен мощный частокол из толстых (до 40 см) дубовых плах, образующих сплошную стену». Так это же укрепление, скорее всего, замковое укрепление! Вполне логично предположить, что оно могло относиться к замку XIII столетия, который отстраивал Владимир Васильевич. Тогда выходит, что П.Ф. Лысенко нашёл не только город XIII в., а «зацепил» и его главное укрепление – замок!

Продолжим следить за текстом книги [9]: «Плахи в сечении имели Т-образную форму. Нижними концами они были вкопаны в землю и прорезали первый и второй ярусы уличной мостовой (деревянные спилы – дендрохронологический анализ – северной мостовой 1-го яруса датируются 1335 годом, а спилы из 2-го яруса – 1300 годом; ярусы отсчитываются сверху вниз). Подобный частокол был вскрыт и в более ранних пластах, где он вплотную примыкал с северной стороны к третьему ярусу уличной мостовой». Т.е. дендрохронологический анализ прямым образом подтверждает высказанное выше предположение.

Читаем далее [9]: «За частоколом располагались остатки какой-то постройки, рубленной в «простой угол» из толстых (около 40 см) сосновых брёвен (вскрыт только угол). Сочетание мощного частокола и мощной постройки наводит на мысль, что это были остатки какого-то внутреннего оборонительного сооружения, может быть башни-донжона».

Заключает П.Ф. Лысенко свои рассуждения следующими словами [9]: «В этом же направлении заметно всплывает культурный слой, как будто подымаясь на склон возвышенности, на которой могла быть возведена башня. Восточный участок северной улицы также круто поднимается на эту возвышенность. Однако и возвышенность, и башня остались за пределами раскопа», – с некоторой грустью расстанется П.Ф. Лысенко со своим, явно недоведенным до конца, открытием.

Нет сомнения в том, что замок XIII – начала XIV столетий мог выглядеть значительно скромнее изображенного на широко известной гравюре Э. Дальберга 1657 года, и на это без намёков указывает очень важная и единственная пока фраза в реестре Берестейского замка 1566 года [10]: «На доле в стене жадного будования, вешнему подобного нет, одно коморъ посполитых с засчипками и без зацепокъ всих ест в личбе 75, межи которыми за малимъ замком в правой руке оброни, у пяти коморъ двери з ланцухами, а в одное замокъ нутрний». Этой ключевой связки слов «за малимъ замком» с фразы реестра не выбросить, и она очень многое может разъяснить. Сомнений быть не может: все три берестейские улицы вскрытого подзамкового квартала древнего Берестья XIII века, где в основном проживал ремесленный люд, имеющий к замку самое прямое отношение, могли вести именно в **Малый замок**.

Замок князя Кейстута Гедиминовича

Упоминание Берестейского замка в столь значимой хронике, как хроника Анонима Гнезненского [11], изложенной пером ровесника событий, не может не обратить на себя внимания, что, наряду с такими сильными, как замки Владимира и Белза, называется Берестейский, как укреплённый – *castraque fortiori scilicet Wladimiriam, Byetz, Brescze*. Правда, вызывает некоторое сомнение латинское написание Берестья – *Brescze*, что, видимо, как и написание Белза – *Byetz*, следует отнести к издержкам издателя Соммерсберга. Весьма важное для нашего рассуждения наличие *de facto* укреплённого Берестейского замка в середине XIV столетия наталкивает на вполне законную мысль: Берестейский замок по-прежнему оставался важным стратегическим пунктом Берестейской земли, а значит, его состояние, как оборонного объекта, должно было соответствовать требованиям того времени.

Это подталкивает, в свою очередь, к следующему допустимому мнению, что, начиная с 1340-х годов, а может быть и ранее, замок начинает претерпевать серьёзные изменения в сторону его увеличения и укрепления, к чему могли побудить князя Кейстута Гедиминовича, который к этому времени уже правил Берестейской землёй, также сложившиеся внешние и внутренние военно-политические условия после насильственной смерти последнего правителя Галицко-Волынского княжества Болеслава-Юрия II.

Ремесленный подзамковый квартал, вскрытый П. Ф. Лысенко в 1970-х годах, который примыкал к так называемому **Малому замку** Берестья – сегодняшний археологический музей «Берестье», – как раз на это обстоятельство и может однозначно указывать. Прекрасно сохранившийся в археологическом смысле культурный слой XIII столетия с необычно большим насыщением деревянными артефактами той эпохи, несомненно, свидетельствует, что в первой половине XIV века эта территория могла быть нивелирована для дальнейшего расширения строительства и укрепления замка, похоронив в себе ещё хорошо сохранившиеся остатки жилого квартала, но уже не пригодные для переноса их на новое место. Заметим, сохранившихся деревянных построек XIV века при археологических раскопках не обнаружено, как и не сохранились они в хорошем состоянии в более древних пластах культурного слоя.

Но самый удивительно точный ответ на это предположение даёт замечательный белорусский археолог П.Ф. Лысенко в своём фундаментальном труде «Берестье», повествуя о самых древних берестейских деревянных уличных мостовых, вскрытых им при раскопках[8]:

– Они [уличные мостовые] имеют надёжную датировку вещевым материалом, подтвержденную дендрохронологическим анализом спилов с самой мостовой и с прилегающих построек. Очень хорошо датируются ярусы северной уличной мостовой. Спилов из конструкции 1-го яруса уличной мостовой датируются 1335 г., спилов из 2-го яруса – 1300 г. Одновременные 4-му ярусу уличной мостовой постройки датируются 1284-1297 гг., а постройки, существовавшие ранее 6-го яруса уличной мостовой – 1212 г. Можно предположить, что строительство северной уличной мостовой в Берестье началось в первой четверти XIII в., к 1240 г. были построены два нижних ее яруса, во второй половине XIII в. – очередные два яруса, в 1300 г. – предпоследний, а в 1335 году – последний ярус. Таким образом, смена всех шести ярусов северной уличной мостовой происходила на протяжении более чем одного столетия, а время бытования одного яруса уличной мостовой исчисляется в среднем 16 годами. Подобная частота смены настилов довольно обычна для Древней Руси.

Как не восхититься (!) такой точной датировкой, которая не всегда отыщется и в древних рукописях, так удачно коррелирующей с возможным временем расширения древнего Берестейского замка, построенного князем Руси Владимиром Васильковичем во второй половине XIII столетия. Произнесём ещё раз вслух это предположение:

– Мог ли эту работу по реконструкции и расширению Берестейского замка начать вести литовский князь Кейстут Гедиминович?

– Без сомнения, мог! У него для этого были все предпосылки, так как после присоединения в 1321 году Берестейской земли к Литовскому государству она стала частью удельного Троцкого княжества, которым Гедимин наделил своего способного и сильного сына Кейстута.

Троцкое удельное княжество Кейстута действительно простиралось вытянутой длинной полосой, включая Жемойтскую землю на севере и Берестейскую на юге, таким образом, что создавало укрепленную буферную зону всему государству на западе от агрессивных соседей. Гедимин далеко смотрел вперёд и точно выбрал для управления этими землями одного из своих сыновей, доверяя ему этот форпост защиты своего расширяющегося государства, которое надо было постоянно укреплять. Ведь после того, как Гедимин свою столицу из Троков перенёс в Вильню, Троки остаются за его сыном Кейстутом и становятся столицей его удельного княжества. Но строительство Троцкого замка или замков как раз и относят к XIV столетию, т. е. ко времени Кейстута. Тогда и корни расширения и укрепления Берестейского замка нужно искать здесь в Троках, а не в другом месте. Кейстуту при сложившихся обстоятельствах после смерти Болеслава-Юрия II в 1340 году укрепленное Берестье необходимо было как воздух. Так как Берестье замыкало вместе с Городней, Новгородком и другими линией укрепленных замков на западных рубежах нового государства. Смысл укрепления Берестья на самом деле был очень актуальным и важным для Кейстута.

Датировка и положение построек в культурном слое раскопанного Берестья на основании дендрохронологического анализа показывает, что только верхние яруса мостовых и некоторых построек попадают в первую четверть XIV века.

Такая случайность совпадений, как и смелость самого предположения, конечно, не могут претендовать на исключительную правдивость, но могут явиться рабочей гипотезой для поиска более точных фактов и обоснований, несомненно, последовавшего на каком-то этапе расширения и реконструкции Берестейского замка, каким мы его видим на известной гравюре 1657 года Э. Дальберга.

Башня с часами князя Миколая Радзивилла Чёрного

Сведения о завершающем формировании Берестейского замка находим в «Описании старства Берестейского 1566 года» [10], где на стр. 253 указанного источника с удивлением обнаруживаем «Повѣнност тихъ конюховъ»:

– Тимъ конюхомъ на службу конюскую водле листу е.к.м. дано по две волоце волнихъ от плату всякихъ иннихъ повинностей визволенихъ до воли и ласки е.к.м., которыхъ всѣхъ волокъ оселихъ сто и чотири, то ест службъ петдесят две, съ которыхъ они водле стародавнего звичаю и повинности своей службу конюскую в Коруне Полской и великомъ князствѣ Литовскомъ [л. 57 об.] при дворе е.к.м. и королевой ей милости, также и в Берести при битности ихъ к.м. уставичне полнити и вежу одну замку Берестейского в пят стаень замковыхъ будовати повинни...

Подсказка А.Д. Никитчика оказалась как никогда здесь своевременной, который, рассматривая один из возвращённых к новой жизни белорусских раритетов «РАДЗІВІЛЫ. Альбом партрэтаў XVIII-XIX стагоддзяў «Icones Familiae Ducalis Radivilianae» [12], на 66-м развороте альбома под портретом Миколая Радзивилла Чёрного в длинном перечне его регалий прочитал: «... Arcis Bresten. Restaurator...». Таким образом, есть все основания предположить, что последний «камень» в формировании Берестейского замка остался за берестейским старостой князем Миколаем Радзивиллом Чёрным [12]:

– **МИКОЛАЙ VI РАДЗИВИЛЛ ИЗ МУСНИКОВ, НАЗВАННЫЙ ЧЕРНЫМ. КНЯЗЬ НА ОЛЫКЕ, НЕСВИЖЕ, КЛЕЦКЕ. КАРЛ V, РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР, КАК ПОСЛУ РЕСПУБЛИКИ ВРУЧИЛ ЕМУ ТИТУЛ КНЯЗЯ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В 1547, ПОДТВЕРЖДЕННЫЙ СИГИЗМУНДОМ АВГУСТОМ, КОРОЛЕМ ПОЛЬСКИМ. МАРШАЛОК ВКЛ – 1549. ВОЕВОДА ТРОКСКИЙ, СТАРОСТА ОТ 22 ДЕКАБРЯ 1550. КАНЦЛЕР ВЕЛИКИЙ ЛИТОВСКИЙ – 1551, ВОЕВОДА ВИЛЕНСКИЙ – 1553. ОТ ИМПЕРАТОРА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ КАРЛА V, ВНУКА ФЕРДИНАНДА I, ПОЛУЧИЛ ТИТУЛ ГРАФА В ШИДЛОВЦЕ, СТАРОСТА БЕРЕСТЕЙСКИЙ, БОРИСОВСКИЙ, КОВЕНСКИЙ, ШАВЕЛЬСКИЙ. МНОГИХ ВОЕННЫХ БАТАЛИЙ ПОБЕДИТЕЛЬ. СЫН ИОАННА (ЯНА) II, УМЕРШЕГО В 1522, И АННЫ ИЗ ТЕХАНОВЦА КИШКИ, ГЕРБА ДОМБРОВА, ДОЧЕРИ ВОЕВОДЫ СМОЛЕНСКОГО, КНЯЗЕЙ РАДЗИВИЛЛОВ, КАШТЕЛЯНОВ ТРОКСКИХ, МАРШАЛКОВ ВКЛ. ФУНДАТОР ЗАМКА ОЛЫКСКОГО И КАПЕЛЛЫ ВИЛЕНСКОЙ И РЕСТАВРАТОР ТВЕРДЫНИ БЕРЕСТЕЙСКОЙ. РОДИЛСЯ В НЕСВИЖЕ 4 ФЕВРАЛЯ 1515. УМЕР В ЛУКИШКАХ 28 МАЯ 1565. ПЕРЕВЕЗЕН В ДУБИНКИ ЖЕНОЙ ЕЛИЗАВЕТОЙ (ЭЛЬЖБЕТОЙ) ШИДЛОВЕЦКОЙ.**

Берестейская твердыня (Arcis) это и есть Берестейский замок, реставратором которого, скажем более определенно, последним реставратором которого – был князь Миколай Радзивилл Чёрный, староста Берестейский. Строительство в Берестейском замке Зекгаревой вежи с башенными часами, первыми в Беларуси, становится совершенно понятным и логичным.

Таким образом, в реестре Берестейского замка, составленном королевским ревизором Дмитрием Сапегой в 1566 году, находим окончательно сформировавшиеся контуры Берестейского замка [10]: «**Вежь замковыхъ пять направныхъ: На одной зекгарь одъ места, (л. 292) который завжди бьетъ. Другая вежа од Мухавца на востодъ сонца; третей одъ Замуховечя наполь до полудне; четвертая от Буга на полудне летнее; пятая над броною старою зъ кганкомъ на верху, на которой на верху звонъ великий з Вол[ы]ни привезенихъ.**

Осада Берестья шведами в 1657 году

Э. Дальберг в своём дневнике напишет [13]: «Вернулся к Королевской Милости, который всё это сам видел. Немало мне досталось ругательств! Несмотря на то, что так хорошо мне удалось осмотреть местность и вернуться назад без вреда. Я убедил короля, что Мухавец в том месте не очень глубокий, а сами городские стены, кроме того естественного прикрытия, не очень укреплены. Так что, если бы Король Его Милость сосредоточился на этом самом месте, то мог бы без большого риска именно там ударить. Я владел немецким и предупреждал их на этом языке. Поняли и напугались, потому что мне сразу же отвечали. Это подтвердилось позже, потому что когда мы начали бить с орудий, они выслали послов для соглашения. Капитуляция состоялась ещё в тот самый день. Под вечер каштелян вышел из замка, чтобы поцеловать королевскую руку».

Берестейский замок сдался, сдался практически без сопротивления, посчитав последнее бесполезным. Судить об этом проще всего, поэтому судить сдавшихся не станем, наверное, в создавшейся ситуации это был не худший вариант, и, наверное, осаждённым совсем не было ведомо о вступлении Дании в войну против Швеции. Тем не менее, Берестейский замок сдался, и сегодня мы можем внимательно с этими условиями сдачи, замка и города, благодаря и с разрешения белорусского историка А. Котлярчука, работающего в Швеции, познакомиться. Как он сообщает, этот документ отыскан достаточно случайно и до этого белорусским историкам был неизвестен. Сам документ написан на старонемецком языке, его перевод на русский язык осуществил Михаил Венкович [14]:

Соглашения – пункты, передачи города и замка

БЕРЕСТЬЯ ЛИТОВСКОГО [BRESCHIE LITEVSKI]

**Их Королевскому Величеству Швеции и Их Княжеской Светлости Трансильвании,
заключённые в году 1657.**

I.

Город Берестье должен быть передан без промедления после принесения клятвы на верность Их Королевскому Величеству Швеции и Князю Трансильвании, однако каждому должна быть оставлена свобода, как духовной, так и светской жизни вышеназванным князем.

II.

Обеими сторонами решено, что все и каждый в том же городе, находящийся в составе гарнизона будь то польской или иной нации, так, прежде всего, распорядился Их Королевское Величество Швеции, служившие Курфюсту Брандебургскому, Князю Трансильвании или также Принцу Радзивиллу, без различия, взятые в плен или перешедшие с лошадьми, пешком, драгуны или артиллеристы, или бывшие до сих пор на других услугах в польских службах, кроме некоторых высших офицеров, захваченных по военному праву вместе с флагами, литаврами, оружием, без оговорок должны быть опять приведены в подчинение Их Королевскому Величеству Швеции и союзников.

III.

Другим польским солдатам, однако, не служившим Их Королевскому Величеству, Курфюсту и обоим другим Князьям, должно быть предоставлено право покинуть город с развёрнутыми флагами, мушкетами и готовыми к употреблению фитилями, а также собственной домашней утварью.

IV.

Орудия, порох, провиант, и всё, что имеет отношение к защите города и замка, а также для поддержания гарнизона, должно быть оставлено в городе и предоставлено в свободное распоряжение Их Королевскому Величеству и Князю Ракоцы, кроме 6-ти каштеляна и 2-х небольших полевых орудий.

V.

Тем из шляхты, которые хотят остаться верными Их Королевскому Величеству и Высокопочтенному Князю, должна быть предоставлена не только безопасность их домов и владений вне и внутри города, как также всем отсутствующим, но желающим вступить в такое повиновение, равно, как и той и другой шляхте, должны быть оставлены их старые свободы, права и привелегии, если начнут они только мирную жизнь и не будут предпринимать ничего враждебного.

VI.

Для пущей безопасности Их Королевскому Величеству и Ракоцы следует немедленно после подписания этого документа открыть ворота города в месте подписания этого трактата и эвакуировать польских солдат, вместе с тем передав близлежащие укрепления в сохранности.

VII.

Если затем по истечении 3-х дней со дня подписания польский гарнизон и солдаты уйдут, то для содержания города и замка Князь Трансильвании должен назначить коменданта вместе с подчинённым ему гарнизоном.

VIII.

Для большей безопасности уходящего польского гарнизона и чтобы никто не смог им отомстить, Их Королевское Величество вместе с Князем Трансильвании хотят предоставить 300 всадников, которые должны сопровождать их до Пружан.

Для пущего удостоверения вышеназванных статей &c.

Составлено в полевом лагере под Берестем 16 мая 1657 года.

Без сомнения, один из интереснейших документов нашей истории, который впервые публикуется с полным переводом на русский язык и который, заметим, нашёлся в зарубежном архиве, как, наверное, десятки или сотни других, которых мы ещё не прочитали. Только открыв для себя эти до сих пор неведомые исторические свидетельства, мы в той или иной степени сможем прояснить собственный путь в историческом пространстве без всяческих идеологических маскировок и сделать достойные выводы о принадлежности к той стране, в которой живём. Оставляя документ без комментариев, заметим, шёл военный 1657-й год, в котором и начался собственно постепенный упадок Берестейского замка.

Эпилог

Поставил последнюю точку в этом трагическом событии для нашего города и замка московский князь Иван Хованский по кличке Тараруй, род которого происходил от литовского князя Гедимина. Российский историк Олег Курбатов об этой трагедии сообщает следующее [15]:

– Обрадованные отходом неприятеля, «брестские сидельцы» стали праздновать: пехоте было выдано вино из гетманских запасов, а шляхта устроила бал и пир. В ночь на 3 января 1660 г. один из заключенных в замке русских пленных (Жалование за полное терпение получили в марте 1660 г. 26 «брестских сидельцев» [РГАДА. Ф. 396. Оп.2. Д. 313. Л.43, 44 об.]) сумел выбраться за стены и предупредить Хованского, «что все пьяны». Тот немедленно, «имея с собой лестницу», доскакал до Бреста, начал приступ и на сей раз взял город. Его «выжгли и высекли», не пощадив и многих мирных жителей: «женщин и мужчин, шляхту и не шляхту, взрослых и малых, даже грудных детей в том местечке и замке немилосердно поубивали». Тела убитых (от 1700 до 1900 человек) были брошены без погребения в ров крепости [Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów. Wrocław, 1961, s. 273, 274; Walewski A. Historia wyzwolenia Rzeczypospolitej. Krakow, 1872. T. II. S. 144, 145; Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamięci. Wrocław, 1968. S. 288]. Коменданта, ротмистров и ряд других пленников (всего 50 человек) Хованский отправил в Москву [РГАДА. Ф. 210.

Оп.17. Д. 73. Л.125-130]. Русские потери были невелики: М. Обухович справедливо записал, что Брест достался им малой кровью. Узнав о победе, Алексей Михайлович велел боярину построить и освятить в Бресте церковь во имя архистратига Михаила [РГАДА. Ф. 27. Оп.1. Д. 166. Л.5], вероятно, в память о событии 1655 г.

К этому сообщению следовало бы также добавить свидетельство австрийского офицера, которое приводит польский историк Кшиштоф Касажецкий [16]:

– Следы жудосной резни, устроенной в Берестейской фортеции, были хорошо видны ещё длительное время. В январе туда прибыл австрийский офицер, капитан Розенштейн, посланный генералом Готфридом Гайштером, одним из руководителей кейзеровских войск, которые квартировали в то время на Подлясье. Капитан сложил о своём посольстве детальный рапорт, в котором также большой кусок посвятил событиям, что произошли в добытом Берестье, тому, что там видел и своим размышлениям относительно способа ведения войны московцами.

Этот рапорт потом цитировал Гайштер, приводя, меж другими, следующие слова капитана Розенштейна: «Что касается поведения московцев, я убедился... почти своими глазами, что они против своих неприятелей, воюют убийствами, пожарами и огнищами. Последние сморкачи с московского войска не прощают ни городам, ни замкам, ни деревням, но всех жителей без разницы: женщин, мужчин, шляхту, ни шляхту, взрослых и малых, даже младенцев при грудях в этом городе [в Берестье] и в замке беспощадно поубивали, некоторым руки и ноги связали и живцом поджаривали, некоторых палками и корбами приказывали забивать на смерть. И действительно, около 1700 трупов, т. е. голов, вытянутых из замка, покрытых соломой и непогребённых ещё лежало перед нашим отъездом. Пожелай им, Боже, в последний день приблизить к спасению» [Walewski A. Historia wyzwolonej Rzeczypospolitej wpadajacej pod jarzmo domowe za panowania Jana Kazimierza (1665-1660). Krakow, 1872. Т. II. S. 145; Vorbek-Lettow M. Skarbnica pamieci. Wroclaw, 1968. S. 288].

«Ревизия с инвентарём Берестейской экономики, замка, городов, фольварков и всей волости, принадлежащей ей, выполненная в 1668 году»[17], которая удивительным образом отыскалась в Национальном государственном архиве Республики Беларусь, бесстрастно в 1668 году зафиксировала:

ЗАМОК БЕРЕСТЕЙСКИЙ [Brzeski] (перевод с польского).

В ТОМ [ЗАМКЕ] НЕ ИМЕЕТСЯ НИ ОДНОГО СООТВЕТСТВУЮЩЕГО СТРОЕНИЯ, ТОЛЬКО ДВЕ ХАТЫ, В КОТОРЫХ ПРОЖИВАЕТ ЧЕЛЯДЬ ПАНА ГОРОДНИЧЕГО И ШОПА, В КОТОРОЙ ЛЕЖИТ ПУШКА. ВАЛЫ, РОЦДЕЛИ [первоначальные формы каменных бастионов в виде многоугольника без задней стенки], ТАЙНИКИ И ВСЯ ФОРТИФИКАЦИЯ, ИЗ-ЗА НАШИХ ЖОЛНЕРОВ И ИЗ-ЗА МОСКВЫ СКОНЧИЛАСЬ, В ЦЕЛОМ ВСЕ ВАЛЫ В РУИНАХ.

Таким вот образом Берестейский замок подвёл итог своей многовековой истории и больше уже не сумел восстановить ни своего величия, ни своей значимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галицко-Волынская летопись / Под редакцией Н. Ф. Котляра. – Санкт-Петербург, 2005. – 424 с.
2. Kronika polska, litewska, žmódská i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. // Zbiór dziejepisów polskich, t. II, 1766. Warszawa, 1846. – Т. I. - S. 203.
3. Długosz, Jan. Dzieje Polski. – Krakow, 1868. – Т. II. – 367 s.
4. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. / Под редакцией В. Л. Янина. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – С. 122-123.
5. Ткачѳв, М. А.. Замки Белоруссии. – Минск, 1987. – 224 с.; М. А. Ткачѳв. Замки Беларуси. – Минск, 2005. – 200 с.
6. Лысенко, П.Ф. Туровская земля IX – XIII вв. – Минск, 2001. – 200 с.
7. Энцыклапедыя ВКЛ. – Мінск, 2005. – Т. 1. – С. 318-319.
8. Лысенко, П. Ф. Берестье. – Минск, 1985. – 400 с.
9. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья. – Минск, 2007. – 192 с.
10. Описание староства Берестейскаго 1566 года. – Из кн.: Документы Московского архива Министерства юстиции / Под ред. М. Довнара-Запольского. – М., 1897, – Т. 1. С. 205-448.
11. Анонимъ Гнезненский и Иоаннь Длугошь. Сочинение Дениса Зубрицкого. Львовъ, 1855.
12. Радзівілы. Альбом партрэтаў XVIII – XIX стагоддзяў. Icones Familiae Ducalis Radivilianae. – Мінск, 2010. – Ліст 71.
13. Алесь Белы. Невядомыя эпізоды “невядомай вайны”: Ваенныя дзеянні Швецыі супраць ВКЛ у 1656-1657 гг. вачыма Эрыка Дальберга // Спадчына, № 3. Менск, 1999.
14. ACCORDS – PUNCTA, so den Übergebung der Stadt und Schlosses BRESCIE LITEVSKI. An Ihr. Königl. Majest. zu Schweden und Ihr. Fürstl. Durchl. Siebenbürgen geschlossen. Im Jahr 1657 // National Library of Sweden (Kungliga bibliotekat). Перевѳл на русский язык М. Венскович (документ предоставлен и печатается с разрешения А. Котлярчука).
15. Курбатов, О.А. «Литовский поход 7168» кн. И.А. Хованского и битва при Полонке 18 июня 1660 г.// Славяноведение. – 2003. – № 4. – С. 25-40.
16. Касажэцкі, Кшыштаф. Кампанія 1660 году ў Літве. // ARCHE. – 2011. – С. 117-118.
17. Revisia z Inwentarzem Oekonomiey Brzeskiej: Zamku, Miast, Folwarkow u wszystkiey Wlosci do niey nalezacey, w Roku 1668 odprawiona. НГАБ. Мінск. Ф. 1928. Воп. 1. Спр. 36. Арк. 1-5. (Архіўная копія прадастаўлена Брэсцкай абласной бібліятэкай ім. А.М. Горкага).

БЕСПАНСКИЙ С.И.

Председатель поискового клуба «Виккру-Минск» Белорусского Республиканского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, г. Минск, Беларусь

ПОЛНЫЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ ВЕЛИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ - УРОЖЕНЦЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

У нас было принято относиться к Первой мировой как к «не нашей», не белорусской войне: суверенной Беларуси тогда не было, и Западный («Западный», как его называли местные крестьяне) край Российской империи к российско-германскому кровавому противостоянию и «тутэйшаму» населению имеет опосредованное отношение. Это глубокое заблуждение - результат тотального забвения своей истории. Достаточно вспомнить 7-й гусарский Белорусский императора Александра I полк с 115-летней боевой историей во славу русского оружия, 4-й гренадерский Несвижский генерал-фельдмаршала князя Баркляя де Толли полк, так же, как 25-й пехотный Смоленский генерала Раевского полк, 26-й Могилёвский, 27-й пехотный Витебский, 28-й пехотный Полоцкий полки 7-й пехотной дивизии 5 армейского корпуса, лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, 54-й пехотный Минский Его Величества Царя Болгарского полк, 171-й пехотный Кобринский полк, 172-й пехотный Лидский полк. Более 800 тысяч белорусов были призваны и сражались на всех фронтах Первой мировой за Веру, Царя и Отечество. Десятки уроженцев белорусских губерний в генеральских погонах воевали в Русской Императорской армии. Двое из них командовали фронтами, девять – армиями, тринадцать – корпусами. Из тридцати шести генералов, отдавших жизнь за Родину в бою, уроженцами Беларуси были шестеро. Многие в дальнейшем разделили трагедию русского офицерства.

Семнадцать летчиков - уроженцев Беларуси были удостоены ордена Святого Георгия. Это: полковник И.П. Степанов, подполковники С.А. Бойно-Родзевич и Н.А. Мульков, капитан И.И. Александрович, старший лейтенант С.А. Лишин, штабс-капитаны Н.А. Бафталовский, А.М. Констанчик, С.А. Лебедзь, Я.В. Окулич-Казарин, поручики Г.А. Борейша, В.А. Глинский, Б.И. Мейер, С. А. Ноздровский, Э.А. Рудович, К.Ф. Святогор, В.И. Стрижевский, лейтенант В.С. Наркович. Пятеро из них - Бойно-Родзевич, Лишин, Мейер, Мульков и Степанов - кроме ордена Святого Георгия были награждены также Георгиевским оружием

В список самых результативных авиаторов-истребителей Великой войны входят и трое наших земляков. Это уроженец деревни Рубилки Минской губернии Иван Лойко (1892-1936, сбил 10 самолетов), могилевчанин - Кавалер полного Георгиевского креста Владимир Стрижевский (1894-1940, сбил 9 самолетов) и уроженец деревни Дамбовка, что недалеко от Освеи, Донат Макиёнок (1890-1939, сбил 9 самолетов).

10 августа 1913 года Император Николай II утвердил новый Статут комплекса наград, которые официально стали называться Георгиевскими. В числе этих отличий был солдатский крест четырех степеней, названный также Георгиевским. Нумерация новых наград должна была вестись заново, отдельно по каждой степени. Выдача особых крестов для нехристиан была прекращена, так как само название «Георгиевский» предполагало изображение на кресте Св. Георгия. Причём до 1916 награды делались из золота и серебра, после из жёлтого и белого металлов. Из общего числа отчеканенных до начала 1917 года *Георгиевских крестов* (1573725 шт.) в Главный Штаб было отправлено 1186283 знака, в Главный Морской Штаб – 3871 и в Военно-походную канцелярию Императора Николая II – 289535 знаков, а всего 1479739 крестов всех степеней. Практически все они были вручены нижним чинам и унтер-офицерам за мужество и героизм, проявленный в боях на фронтах Первой мировой. Новый статут ввёл также пожизненные денежные поощрения кавалерам Георгиевского креста: за 4-ю степень — 36 рублей, за 3-ю степень — 60 рублей, за 2-ю степень — 96 рублей и за 1-ю степень — 120 рублей в год. Кавалерам нескольких степеней прибавка или пенсия платились только за высшую степень. На пенсию в 120 рублей можно было нормально жить, зарплата промышленных рабочих в 1913 году составляла около 200 рублей в год.

Царский смотр Георгиевских кавалеров в Ставке

Первым по времени заслужил **Георгиевский крест 4-й степени** приказной (ефрейтор) 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеевича полка Козьма Крючков. Встретив с четырьмя рядовыми казаками вражеский разъезд из 22 немецких кавалеристов, он лично убил офицера и нескольких всадников, всего 11 врагов, получив при этом 16 ран. Уже 11 августа 1914 года он был награжден *Георгиевским крестом 4-й ст. №5501*. Позднее, в годы Гражданской войны, произведенный в офицеры Крючков (бывший к тому времени уже полным Георгиевским кавалером) сражался с большевиками в рядах Донской армии и погиб в бою летом 1919 года.

Георгиевский крест 4-й степени № 1 20 сентября 1914 года Император Николай II лично вручил в Царском Селе рядовому 41-го пехотного Селенгинского Полка Петру Черному-Ковальчуку, захватившему в бою знамя австрийского гренадерского полка.

Георгиевский крест 3-й степени №1 получил вахмистр-подпрапорщик Лейб-Гвардии Конного полка Ананий Рушлица.

Крест 2-й степени №1 достался вахмистру-подпрапорщику Лейб-Гвардии Гусарского полка Егору Шестакову.

Крестом высшей степени с номером 1 был награжден фельдфебель-подпрапорщик 1-го пехотного Невского полка Никифор Климович Удалых. В середине августа 1914 года после неудачных боев в Восточной Пруссии полк отступил, а полковое знамя Никифор Удалых вынужден был зарыть при отходе. Через некоторое время Удалых вместе с поручиком того же полка Александром Ипатьевым отправились на занятую противником территорию, нашли знамя и доставили его к своим. При этом оба героя были обстреляны немцами, и Игнатъев получил ранение. За этот подвиг Никифор Удалых был представлен сразу к Георгиевскому кресту 1-й степени и получил знак с порядковым номером «1», а поручик Александр Игнатъев стал кавалером 4-й ст. ордена Св. Георгия.

Воин, получивший все четыре креста, считался полным кавалером. Полные кавалеры были двух степеней. Тот солдат, который имел четыре креста всех степеней, но не имел 4-х медалей, назывался Кавалер полного Георгиевского креста, а солдат, который имел четыре креста и четыре медали, назывался Кавалер полного Георгиевского банта. Это самое высокое звание. Крест и медаль не вручались в паре, каждый крест и каждая медаль вручались за отдельный подвиг. Это означало, что солдат с риском для жизни на поле брани совершил 8

подвигов. С 1914 до 1917 гг. было вручено (то есть в основном за подвиги в Первой мировой войне):

Георгиевских крестов 1-й ст. — ок. 33 тыс.

Георгиевских крестов 2-й ст. — ок. 65 тыс.

Георгиевских крестов 3-й ст. — ок. 289 тыс.

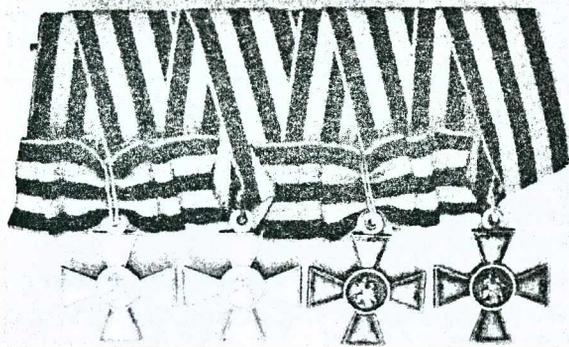
Георгиевских крестов 4-й ст. — ок. 1 миллиона 200 тыс.

За годы войны около 33 тысяч солдат и унтер-офицеров стали полными Георгиевскими кавалерами, среди них также были и уроженцы белорусских губерний. Всего на сегодня нам известно около 35 белорусских полных Георгиевских кавалеров, и это только начало: так как в среднем на губернию в империи их приходилось 50-70, но за столетие свод своих героев для белорусского пантеона так и не был создан.

А такими бойцами гордилась бы любая армия мира. Общероссийского архивного списка полных Георгиевских кавалеров тоже не существует. Поэтому стоит по крохам собирать данные по семейным архивам для создания в будущем белорусского музея Великой Европейской войны и для достойного увековечения памяти наших предков.

Поиск связан с определёнными трудностями, так как по политическим мотивам в советское время из семейных архивов фотографии времён Русской Императорской Армии в целях элементарной безопасности уничтожались. Кроме того, вот что писал в 1989 году А. В. Коротков, директор ЦГВИА СССР: «Нередко в архив, особенно в последние годы, приходят письма от потомков или родственников Георгиевских кавалеров, краеведов, следопытов, любителей военной старины с просьбой сообщить им сведения об их героическом предке или земляке, указать, когда и за какие заслуги он получил боевые награды и т. п. Часто обращаются коллекционеры, пытаюсь выяснить, кому принадлежали имеющиеся в их собрании воинские награды, просят, например, по номеру Георгиевского креста установить, кто, когда, за какие подвиги был им награжден. К сожалению, полных сводных списков награжденных Георгиевскими крестами не существует, и без указания фамилии военнослужащего, номера части, в которой он служил, и времени награждения такие сведения отыскать в сотнях тысяч документов не представляется возможным. Кроме того, много документов войсковых частей военного времени не сохранилось. Сведения о Георгиевских кавалерах, имеющиеся в фонде Трофейной комиссии, также не являются полными и систематизированными, они представляют собой всего лишь отдельные эпизоды и страницы документальной летописи Первой мировой войны».

Особую сложность представляет собой работа со списками награжденных солдатскими Георгиевскими крестами после 1913 года. Всех Георгиевских кавалеров должны были вносить в общий Вечный список. В ходе 1-й мировой войны офицеры, отмеченные орденом Св. Георгия, в этот список заносились. Но фамилии кавалеров солдатских Георгиевских крестов и медалей, по причине многочисленности награждений, предполагалось туда

поместить под соответствующими номерами по окончании военных действий. Война же для России, как известно, окончилась революцией, и в Вечном списке остались лишь нижние чины, получившие награды до 1913 года. Но сохранившиеся в архивных документах, пусть подчас скудные и отрывочные, сведения о награждениях солдатским «Егорием», являются наглядным свидетельством мужества и героизма воинов Российской Императорской Армии в годы 1-й мировой войны.

Из-за ограниченности обозначенных объёмов статьи приведём выдержки из впервые публикуемого списка Георгиевских кавалеров уроженцев белорусских губерний для его уточнения и дополнения всеми заинтересованными лицами. Автор будет признателен за любую информацию по данной теме.

1 Авдейкин Алексей Федорович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1887 г.р., с. Половчино, Зельдинской вол., Волковского уезда, Гродненской губ. с 1909 г в 189-м пех. Измаильском полку. Подпрапорщик сверхсрочной службы.

2 Артемьев Леонтий Артемьевич - Полный георг. кавалер. Пехотные части. Из крестьян Узковской вол., Велижского уезда, Витебской губ. По мобилизации из запаса призван 20.07.1914 г. в 99-й пех. Ивангородский полк. Фельдфебель.

3 Бондарь Хрисанф Григорьевич - уроженец Минской губернии, Игуменского уезда, Могилынской волости, деревни Костеши (1889), Полный георг. кавалер. Военная специальность – флотский комендор. Комендор пулеметной команды при Кавказской туземной конной дивизии («Дикая дивизия»), прикомандирован к Дагестанскому конному полку. Награжден Георгиевскими крестами 4-й ст. № 273441, 3-й ст. № 15573, 2-й ст. № 5781 и 1-й ст. № 4620.

4 Бляхер Яков Аронович родился в г.Вильно. Участник Первой мировой войны. После боя, где был ранен в руку, награжден Георгиевской медалью 4-й степени. Под сильным артиллерийским огнем спас на поле боя командира полка, за что был награжден Крестом 4-й степени. За спасение командира взвода - Крестом 3-й степени. Во время отступления, под угрозой попасть в плен, спас свой пулемет. Был награжден Крестом 2-й степени. После возвращения из госпиталя, за героизм на поле боя, награжден Крестом 1-й степени.

5 Богдан Степан Петрович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1880 г.р., из крестьян Чаплинской вол., Слуцкого уезда Минской губ. На сверхсрочной службе в 99-м пех. Ивангородском полку. Окончил школу подпрапорщиков, 27.12.1914 г. Произведен в подпрапорщики.

6 Васильев Демьян Михайлович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. Из крестьян д. Котенева, Горской вол., Чаусского уезда, Могилёвской губ. На военную службу поступил рядовым в 99-й пех. Ивангородский полк. С 02.11.1915 г. прапорщик.

7 Вышников Кирилл Антонович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1880 г.р., м. Ветка Гомельского уезда, Могилёвской губ. На военной службе с 1902 г. в пехотном Лифляндском полку. Подпрапорщик сверхсрочной службы «за боевые отличия» произведен в прапорщики. Убит 29.12.1914 г.

8 Говязо Семён Антонович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1883 г.р., д. Вязки, Дерновической вол., Дрисенского уезда, Витебской губ. На военной службе с 1904 г., подпрапорщик 97-го пехотного Лифляндского полка. Умер от ран 16.11.1916 г.

9 Гончарик Никита (1890-?). Подпрапорщик 2-го Лейб-Уланского Курляндского Императора Александра II полка. Из крестьян Минской губернии, Слуцкого уезда, Чаплинской волости, деревни Садовичи. Награжден Георгиевскими кр. 4-й ст. № 8270, 3-й ст. № 410, 2-й ст. № 3393, 1-й ст. № 3752, медалями «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года» и «В память 300-летия Дома Романовых».

10 Гудков Иван Яковлевич - Полный георг. кавалер. Пехотные части. Из крестьян д. Махалово, Вышедской вол., Городокского уезда, Витебской губ. На военной службе в 99-м пехотном Ивангородском полку. «За боевые отличия» произведен в мл., ст. унтер-офицеры 11.01.1915 г., 12.02.1916 г. – в подпрапорщики.

11 Дзеркач Владимир Павлович (08.03.1893-?). Подпрапорщик 12-го Кавказского стрелкового полка. Уроженец города Игумена, Минской губернии, Игуменского уезда, Верхминской волости. Окончил 2-классное приходское училище в г. Игумене. На службу призван в октябре 1913 года в 172-й пехотный Лидский полк. После ранения в июле 1915 года проходил службу в 197-м пехотном Лесном полку, а с 1 октября 1915 года, после ранения, в 12-м Кавказском стрелковом полку. Награды: Георгиевский крест 3-й ст. (именной) с производством в младшие унтер-офицеры за 27 августа 1914 года, Георгиевский крест 2-й ст. за 20 октября 1914 года, Георгиевский крест 1-й ст. № 6968 за 16 октября 1915 года (приказ по 3-й Кавказской дивизии № 143) с производством в подпрапорщики.

12 Ерёмин Назарий Никитич - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1879 г.р. д. Красная Буда, Гомельского уезда, Могилёвской губ. В 1902 г. зачислен молодым солдатом в 1-ю роту 99-го пехотного Ивангородского полка (Кресты: 1 ст. № 241; 2 ст. № 5124; 3 ст. №872).

13 Жук Осип Матвеевич (02.07.1869-?). Старший унтер-офицер 14-го Сибирского стрелкового полка (?). Из крестьян Виленской губернии, Святыянского уезда, Вишневской области, деревни Шляпа. Окончил Спягельское народное училище. На службу призван в 118-й пехотный Шуйский полк. Занимался обучением новобранцев. В составе 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (впоследствии 14-й Сибирский стрелковый полк) принимал участие в Русско-японской войне, оборонял крепость Порт-Артур. Награжден знаками отличия Военного ордена: 4-й ст. № 202938 «За мужество и храбрость, оказанные им в бою на позиции у г. Хуинсан 21 июня 1904 г.»; 3-й ст. № 10172 «В боях 13 и 14 июля 1904 г. оказал примерное мужество и храбрость, а когда был ранен в роту фельдфебель, принял исполнение обязанностей фельдфебеля»; 2-й ст. № 3795 «Исполняя должность фельдфебеля и командуя полуротой, отбил штурм японцев на Куропаткинский редут, хотя часть редута была ими уже взята»; 1-й ст. № 1143 «В бою 15 ноября 1904 г. на Высокой горе, когда был убит командир роты, принял роту и командовал ею до прибытия вновь назначенного ротного командира, держась на месте до конца боя, несмотря на ранение осколком гранаты в ногу». В Великую войну награжден Георгиевской медалью 4-й ст.

14 Жук Роман Михайлович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1885 г.р., Греская вол., Слуцкого уезда, Минской губ. В 1907 г. зачислен в 18-й пехотный Вологодский полк. Окончил курс учебной команды, в 1910 году – ст. унтер - офицер, остался на сверхсрочную службу. После окончания школы в 1912 г. произведён в подпрапорщики. «За боевые отличия» произведён в прапорщики (П. А. Зап. ф. № 87, от 31.07.1916 г.). Ранен 19.06.1916 г. (Кресты: 1 ст. № 12134; 2 ст. № 30277; 3 ст. № 24529; 4 ст. № 56400).

15 Зданович Михаил Иванович из деревни Залесский Бор., Свислочской волости, Минской губернии. Полный георгиевский кавалер (награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней).

16 Зайцев Семен Петрович. Прапорщик 5-го Финляндского стрелкового полка. Из крестьян Витебской губернии, Витебского уезда, Яновиченской волости, деревни Онуфренко. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. № 668487 и Георгиевскими крестами 4-й ст. № 74621, 3-й ст. № 124748, 2-й ст. № 9328 и 1-й ст. № 6924.

17 Козюля Алексей Ермолаевич - Полный георг. кавалер. Пехотные части. Мещанин г. Витебска. Подпрапорщик 100-го пехотного Островского полка.

18 Катковский Афанасий Тимофеевич (18.01.1881-?). прапорщик 8-го Финляндского стрелкового полка. Из крестьян Могилевской губернии, Горецкого уезда, Пуглеевской волости, деревни Гопоковщина. Награжден Георгиевской медалью 4-й ст. № 63854, Имеет Георгиевские кресты 4-й ст. № 53462, 3-й ст. № 38917, 2-й ст. № 8165, 1-й ст. № 3542, медали «За усердие» (на Станиславской ленте) и «В память 300-летия Дома Романовых».

19 Козятников Петр Иванович (01.02.1882-22.09.1917). Прапорщик 99 -го пехотного Ивангородского полка. Из крестьян Могилевской губернии, Рогачевского уезда, Стрешинской волости, села Малые Рогос. На службу призван в 1903 году в 99-й пехотный Ивангородский полк. В звании рядового участвовал в Русско-японской войне 1904-1905 годов, затем был произведен в унтер-офицеры. Прослужив действительную службу, в 1907 году остался на сверхсрочную службу. Окончил школу подпрапорщиков и в 1909 году произведен в подпрапорщики. Награжден Георгиевскими медалями 4-й ст. № 3723, 3-й ст., Кавалер Георгиевского креста 4-й ст. № 8578, 3-й ст. № 35884, 2-й ст. № 5106 и 1-й ст. № 886. В марте 1915 года произведен в прапорщики, затем в подпоручики со старшинством с 06.09.15 г. Награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Умер от ран 22.09.17 г.

20 Кортянович Владимир Иосифович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1887г.р., м. Переброды Диснинского уезда, Виленской губ. На военной службе с 1908 г. подпрапорщик 97-го пехотного Лифляндского полка. Ранен 29.12.1914 г. осколком снаряда в левую часть лица.

21 Лебедев Федот Иванович - Полный георг. кавалер. Кавалерийские войска. Из крестьян Режицкого уезда Витебской губернии. Призван на военную службу и зачислен в 16-й гусарский Иркутский полк. Участник Русско-японской войны 1904-1905 гг. В октябре 1910 года определен на 4-й год сверхсрочной службы. В 1917 году "за боевые отличия" произведен в прапорщики (Кресты: 1 ст. №4858; 2 ст. №32827; 3 ст. №58015).

22 Лукашун Феликс Доменикович - Полный георг. кавалер. Пехотные части. 1876 г.р., крестьянин Жирмунской вол., Лидского уезда, Виленской губ. 01.01.1901 г. зачислен в 52-й драгунский Нежинский полк.

Похабный Брест-Литовский мир 1918 г. и разгоревшаяся в последствии Гражданская война раскололи корпус белорусских Георгиевских кавалеров на «Белых» и «Красных», «поляков» и «большевиков». Однако ратный подвиг, совершённый ими на полях сражений Великой войны, как и доброе имя в глазах потомков, безусловно, должны быть возвращены в программы по истории учебных заведений и почётные списки личного состава воинских подразделений ныне суверенной Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Георгиевский архив. Екатеринбург. 2004. – Часть 1, Часть 2 и Часть 3.
2. Дуров, В.А. Русские награды XVIII - начала XX века. – Москва: Просвещение, 2008.
3. Дуров, В. А. Георгиевский крест в годы Первой мировой войны. // Военная быль.– 1993. – № 4.
4. Патрикеев, С.Б Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914 – 1922 гг. IV степень. №№ 1 - 100000.
5. <http://medalirus.ru/georgievskie-kavalery/lazarev/polnye-georgievskie-kavalery.php>

БИЛЕВИЧ О.И.

Старший преподаватель Брестского государственного технического университета, г. Брест, Беларусь

НИКОЛАЙ ЮДЕНИЧ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ВОЕНАЧАЛЬНИК ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Видный русский военачальник, генерал от инфантерии, один из лучших генералов России периода Первой мировой войны. В гражданскую войну руководил силами белых на Северо-Западном направлении. Герой русско-японской войны, в годы Первой мировой он снискал себе славу «нового Суворова», не проиграв ни одного крупного сражения. Несмотря на столь блистательные военные успехи, генерал Юденич известен широкому кругу обывателей, в первую очередь, как организатор двух неудачных походов на Петроград в годы гражданской войны.

Родился Николай Николаевич Юденич 18 июля 1862 года в Москве в семье дворянина, коллежского советника, происходившего из Минской губернии, типичного представителя столичного чиновничества, но человека достаточно образованного для своего времени. Сын коллежского советника, казалось, должен был пойти по гражданской линии. Он даже поступил в Межевой институт, однако вскоре бросил его и пошел в Александровское военное училище, по окончании которого в 1881 году получил распределение в «варшавскую гвардию» – лейб-гвардии Литовский полк. Уже в 1884 году Юденич выдержал экзамены в элитную Николаевскую академию Генерального штаба, из которой был выпущен «по первому разряду» (и со званием штабс-капитана), что давало серьезные карьерные преимущества. Затем была служба на штабных должностях в Варшавском и Туркестанском военных округах, а в 1896 году – производство в чин полковника. Как вспоминал сослуживец Д.В. Филатьев, Николай Николаевич отличался «прямотой и даже резкостью суждений, определенностью решений, твердостью в отстаивании своего мнения и полным отсутствием склонности к каким-либо компромиссам». С таким характером (да при отсутствии серьезных связей в самых «верхах») делать карьеру было тяжело, однако война устанавливает собственные критерии, отличные от мирного времени [1].

Русско-японскую войну Юденич встретил командиром 18-го стрелкового полка (5-я стрелковая бригада). Полковник Юденич считал, что личный пример начальника – лучший способ воспитания подчиненных. В сражении при Сандепу, несмотря на начавшееся отступление русских войск, Юденич на свой страх и риск лично повел в штыковую контратаку вверенную ему 5-ю стрелковую бригаду и отбросил противника. Скупой на похвалу командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин особо выделил этот поступок Юденича, как пример смелости и инициативы старшего командира. В штыки поднял свой полк Юденич и в сражении под Мукденом. Здесь также, несмотря на безнадежность положения, он попытался прорвать фронт в несколько раз превосходящих его японских частей. После серьезного ранения в грудь навывлет, его отправили в госпиталь. За героизм, проявленный в сражениях, его наградили Георгиевским оружием с надписью «За храбрость». В июне 1905 года Николай Николаевич Юденич был назначен командиром 2-й бригады 5-й стрелковой дивизии. Генеральские погоны не заставили себя долго ждать – производство в генерал-майоры произошло быстро. Однако уже на следующий год строевая служба для Юденича временно закончилась. Он стал генерал-квартирмейстером штаба Кавказского военного округа, и с этого момента Кавказ стал для Юденича главным местом его военной карьеры. Прибывший к месту назначения боевой генерал быстро приобрел симпатии со стороны сослуживцев. Вот как вспоминал о Юдениче генерал Б.П. Веселозеров: «От него никто не слышал, как он командовал полком, так как генерал не отличался словоохотливостью; георгиевский темляк да пришедшие слухи о тяжком ранении красноречиво говорили, что новый генерал-квартирмейстер прошел серьезную боевую страду. Скоро все окружающие убедились, что этот начальник не похож на генералов, которых присылал Петербург на далекую окраину, приезжавших подтягивать, учить свысока и смотревших на службу на Кавказе, как на временное пребывание... В самый краткий срок он стал и близким, и понятным для кавказцев. Точно всегда он был с нами. Удивительно простой, в котором отсутствовал яд под названием «генералин», снисходительный, он быстро завоевал сердца» [2].

Генерал Н. Н. Юденич был из числа тех военных руководителей, которые интересовались, помимо служебных дел, еще и обстановкой в регионе, где квартировались подчиненные ему войска. Дружеские отношения между генерал-квартирмейстером и его сослуживцами стали привычны. «Работая с таким начальником, – писал Веселозеров, – каждый был уверен, что в случае какой-либо порухи он не выдаст с головой подчиненного, защитит, а потом сам расправится как строгий, но справедливый отец-начальник... С таким генералом можно было идти безоглядно и делать дела. И война это доказала: Кавказская армия одержала громоносные победы, достойные подвигов славных предков» [2]. Юденич учитывал сложность национального вопроса на Кавказе, один из немногих

полностью поддерживал проект создания дружин – хумбов из армянского населения. С началом Первой мировой Турция занимала выжидательную позицию, окончательно выступив на стороне Германии 17 октября 1914 года, предварив это вероломным рейдом германо-турецкой эскадры по российским черноморским портам. 20 октября 1914 года Россия объявила войну Османской империи. Кавказская армия, сформированная на базе Кавказского военного округа, приняла на себя основную тяжесть боевых действий. Кавказский наместник генерал от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков принял на себя власть главнокомандующего, его помощником и фактическим командующим стал генерал А.З. Мышлаевский, начальником штаба – Н.Н. Юденич.

Все силы России были отвлечены тяжелой борьбой против немецких войск. Кавказ оставался почти что без защиты. Турецкое правительство решило воспользоваться выгодной ситуацией. Турции предоставлялась возможность вернуть все утерянные ею территории по условиям Кучук-Кайнарджийского мира и до Берлинского трактата. Турецкая армия под командованием Энвер-паши, молодого и талантливого военачальника, прошедшего школу немецкого генштаба, рассчитывала захватить центры Армении – Карс и Эривань, надеясь после этого подойти к Грузии и Азербайджану. Турецкая разведка активно использовала контакты с горскими сепаратистами. Перешедшие в декабре 1914 года границу турецкие дивизии быстро вышли на линию Карс – Ардаган. Кавказская армия оказалась в сложном положении под Сарыкамышем. Воронцов-Дашков приказал Мышлаевскому и Юденичу взять под контроль обстановку вокруг Сарыкамышского отряда. Прибыв на место, Юденич высказался против намерения начальника отряда генерала Г.Э. Берхмана, поддержанного Мышлаевским, отступить к Карсу, считая необходимым действовать во фланг наступавшей турецкой группировке. Возник конфликт с Мышлаевским, который также настаивал на отступлении. Мышлаевский приказал отступить и уехал обратно в Тифлис [2]. Для войны с Россией Османская империя располагала на Кавказе 12 пехотными и 6 конными (регулярными либо курдскими) дивизиями, составившими 3-ю армию Гассан-Изета-паши, начальником штаба которого был немецкий майор Гюзе. Турецкие дивизии были 3-полкового состава, насчитывая 9 батальонов и 6 батарей – 8000 бойцов и 24 орудия. В корпусе насчиталось 3 дивизии пехоты, 1 конный полк, дивизион гаубиц и батальон сапер – 25 000 бойцов при 84 орудиях. Турецкая дивизия равнялась примерно российской бригаде, но турецкий корпус был значительно сильнее российской дивизии. Реорганизованная в 1913 году после неудачной Балканской войны немцами турецкая армия первая применила «тройственную систему»: по 3 полка на дивизию.

Две трети русских войск Кавказского округа были еще в августе отправлены на Запад, где проходили упорные бои. В Закавказье оставался один лишь 1-й Кавказский корпус генерала Берхмана (20-я и 39-я пехотные дивизии), усиленный единственной второочередной дивизией округа — 66-й пехотной. В Персии находилась 2-я Кавказская стрелковая бригада. К этим силам надо было прибавить 2 бригады пластунов, 31/2 дивизии конницы и пограничные части. В сентябре на Кавказ был переведен малочисленный 2-й Туркестанский корпус (4-я и 5-я Туркестанские стрелковые бригады), штаб которого с командиром корпуса генералом Лешем при мобилизации отправлен был на Юго-Западный фронт. К началу военных действий — в середине октября — части Кавказской армии образовали пять групп на 600-километровом фронте от Черного моря до Персии. План военных действий предусматривал активную оборону Кавказа от неприятельского нашествия. При численной слабости Кавказской армии думать о широких наступательных операциях не приходилось [3].

В конце ноября в Эрзерум прибыли Энвер-паша и начальник турецкого Генерального штаба полковник Бронсар фон Шеллендорф. Турецкий военачальник задумал грандиозный план. Пользуясь всем своим превосходством в силах, он решил уничтожить Кавказскую армию, вторгнуться в пределы России и поднять против русских все мусульманское население Кавказа, Поволжья и Средней Азии. Это должно было привести к созданию великого «Туранского царства» – от Казани до Суэца и от Самарканда до Адрианополя под главенством Энвера. Свой план Энвер стал проводить с большой решительностью, не смущаясь наступлением холодов. Против наступления протестовал Гассан-Изет, командующий 3-й армией, видя в нем авантюру, подал в отставку в знак протеста. Энвер сам стал во главе 3-й армии. Приказав сильному 11-му корпусу сковать русских фронтальным ударом на Караурган, он двинулся с главными силами — 9-м и 10-м корпусами — в обход правого фланга русских главных сил — на Сарыкамыш. Генерал Мышлаевский, посчитав 2-й Туркестанский корпус разгромленным, предписал всеобщее отступление для того, чтобы спасти хоть часть войск 1-го Кавказского корпуса. Одновременно с этим он приказал отступить в глубь Кавказа даже не атакованным войскам – 4-му Кавказскому корпусу в Алашкертской долине и Азербайджанскому отряду в Персии. Отдав 15 декабря эти губительные распоряжения, он бросил войска на произвол судьбы и поспешно выехал, никого не предупредив [3]. Вечером 15 декабря генерал-лейтенант Н. Юденич получил от командующего Кавказской армией графа И. И. Воронцова-Дашкова приказ, который круто изменил фронтовую судьбу военачальника. Телеграмма гласила: «Ввиду прорыва турок предлагаю вам вступить в командование войсками 1-го Кавказского и 2-го Туркестанского корпусов...Вы должны разбить турок у Сарыкамыша и открыть себе выход на Каре вдоль железной дороги, а при невозможности — на Каракурт и даже по обходным путям в направлении к Карсу, уничтожая турок, которые перебросились с Ольгинского направления на пути между Сарыкамышем и Карсом» [4]. Волей судьбы генералу Н. Н. Юденичу вверялась судьба главных сил Кавказской армии, атакованных корпусами 3-й турецкой армии. Для того чтобы отразить турецкое наступление, требовалось проявить полководческое дарование.

Взятие Сарыкамыша для турок, удержание его для русских сделалось вопросом жизни и смерти для бойцов: отступление в дикие, занесенные снегом горы в 20-градусную стужу было равносильно гибели, как для русских, так и для турок. Сверхчеловеческая выдержка защитников Сарыкамыша сломила ярость турецких атак. 16 декабря турки ворвались было в город, но были выбиты. В то время как военное руководство в Тифлисе считало Кавказскую армию погибшей у Сарыкамыша, генерал Юденич сам решил нанести смертельный удар 3-й турецкой армии. «Нам мало отбросить турок от Сарыкамыша, — сообщал генерал Юденич 17 декабря генералу Берхману, ведущему упорный бой с 11-м турецким корпусом у Караурган. — Мы можем и должны их совершенно уничтожить. Настоящим случаем должно воспользоваться, другой раз он не повторится» [4]. Юденич, оценив ситуацию, понял, что сдержать натиск турок и разбить их можно только активными действиями. Жаркие схватки на узких сарыкамышских улочках и ближайших предгорьях продолжались всю ночь. Лишь к утру 17 декабря серией настойчивых контратак, проведенных по приказу генерала Юденича, удалось сдержать продвижение вперед турецкой пехоты. Обе стороны понесли большие потери. Бои под Сарыкамышем шли с переменным успехом. Буквально за несколько суток командующему русской армией удалось в самом пекле вооруженного противостояния главных сил сторон наладить надежное полевое управление.

Генерал-лейтенант Н.Н. Юденич прекрасно понимал и другое – требовалось тщательное планирование предстоящего наступления армии, особенно с точки зрения согласования усилий привлекаемых сил и средств, осуществление маскировки на маршрутах выдвижения войск. Срочные меры были предприняты в отношении организации надежной связи, без которой оперативность управления армейскими войсками резко снижалась. Генерал Юденич видел, что атакующие усилия 3-й турецкой армии находились на исходе. Он чувствовал это по оперативным донесениям с мест боев. 22 декабря Юденич отдал приказ по Кавказской армии о переходе в общее контр наступление. Оно велось в горах на широком фронте и всюду увенчалось успехом. Результат атаки на прорыв превзошел все возможные ожидания. Рота русской пехоты захватила корпусной штаб во главе с командиром корпуса и всех трех командиров дивизий с их штабами. Новый 1915 год русская Кавказская армия встретила в наступлении. К 5 января она вышла, перейдя государственную границу, на рубеж селений Ит, Арди, Даяр. С этой линии перед ней открывались благоприятные возможности для развития наступления в глубь Турции. Продолжавшаяся почти месяц на фронте более 100 километров и в глубину на 100–150 километров Сарыкамышская операция завершилась убедительной победой русского оружия. Урон, нанесенный 3-й турецкой армии, исчислялся в 90 тысяч человек убитыми и замерзшими. Турки оставили в руках победителей около 70 горных и полевых орудий [4].

Победа далась Кавказской армии дорогой ценой, хотя и гораздо меньшими потерями – она лишилась около 26 тысяч убитыми, ранеными и обмороженными. Сарыкамышская победа имела сильный резонанс в начавшейся полгода назад Первой мировой войне. За проявленное на поле боя мужество более тысячи солдат и офицеров Кавказской армии были представлены к наградам Российской империи. Самой почетной наградой для низших чинов традиционно был Георгиевский крест 4-й степеней. Николай Николаевич Юденич, только став командующим отдельной Кавказской армии, сумел продемонстрировать истинное полководческое искусство. Оно было оценено императором Николаем II по самой высшей мерке. Кавказский полководец произведен в чин полного генерала русской армии – генерала от инфантерии. Одновременно его наградили самой прославленной командирской наградой России – орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени. Отныне генерал Н.Н. Юденич именовался Георгиевским кавалером [4].

Зенитом полководческого таланта Юденича на Кавказе стал штурм крепости Эрзерум. С началом 1916 года Кавказская армия вплотную подошла к этой, казавшейся неприступной, «кавказской твердыне». Ее взятие позволило бы развить наступление, выйдя на равнины Анатолии, в центр Османской империи. Юденич решает взять крепость без длительной осады, что называется, «с ходу». Верховный главнокомандующий Николай II, и сменивший Воронцова-Дашкова на посту главнокомандующего Кавказским фронтом великий князь Николай Николаевич, не желавшие рисковать, были категорически против этой операции. Штурмовать крепость собирались зимой, двигаясь по обледеневшим горным дорогам и непроходимым перевалам. Но ничто не могло заставить Юденича отказаться от принятого, стратегически просчитанного и оправданного, в чем у него не возникало никаких сомнений, решения. Свою роль сыграли дошедшие до него известия, что после поражения десанта союзников в Галлиполийской операции, освободившиеся турецкие войска перебрасываются на Кавказ. Высоко оценил решение Юденича генерал-майор Б.А. Штейфон, участник Эрзерумского штурма, будущий деятель белого движения: «В действительности каждый смелый маневр генерала Юденича являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И, главным образом, духовной обстановки. Риск генерала Юденича – это смелость творческой фантазии, та смелость, которая присуща только большим полководцам» [2]. Ему вторил генерал-квартирмейстер Кавказской армии Е.В. Масловский: «Генерал Юденич обладал необычайным гражданским мужеством, хладнокровием в самые тяжелые минуты и решительностью. Он всегда находил в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как то было в Сарыкамышских боях, и при штурме Эрзерума. Обладал несокрушимой волей. Решительностью победить, во что бы то ни стало, волей к победе весь проникнут был генерал Юденич, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являли в нем истинные черты полководца» [2].

Взяв на себя всю ответственность за операцию, Юденич в полной мере учитывал обстановку, сложившуюся на Кавказском фронте. Не испытывая на себе пагубных последствий «окопного сидения», Кавказская армия готова была идти на прорыв и штурмовать крепость. В течение 20 дней тщательно подбирали силы. Для взятия крепости сосредоточили 2/3 личного состава Кавказской армии и большую часть артиллерии. Подготовка велась в глубочайшей тайне. Вечером 29 января начался приступ турецкого оплота. Неистовые атаки кавказских и туркестанских полков

встречали яростное сопротивление. 1 февраля 10-й неприятельский корпус повел наступление на 2-й Туркестанский, но 4-я Кавказская дивизия преодолела Каргабазарское плато, прорвала весь турецкий фронт и открыла армии Эрзерумскую долину. Юденич приказывал вести атаку круглые сутки, без перерыва. Сам он с небольшим конвоем и штабными офицерами разместился в окопах, на передовой. Несмотря на тяжелые потери штурмующих, отчаянное сопротивление турок было сломлено, и уже к утру 3 февраля гарнизон Эрзерум выкинул белый флаг.

Великий князь Николай Николаевич, поздравляя войска с победой, снял папаху и, повернувшись к Юденичу, низко поклонился ему, провозгласив, обратившись к строю: «Герою Эрзерума, генералу Юденичу, ура!». За эту операцию Юденич был награжден Георгиевским крестом 2-й степени. За всю Первую мировую войну 2-ю степень получили только четыре человека, включая самого Юденича.

Русский Черноморский флот так и не сумел добиться полного господства над морем, несмотря на свое подавляющее превосходство в силах. Турки почти что беспрепятственно могли перебрасывать морским путем подкрепления, поэтому ближайшей задачей Кавказской армии генерал Юденич поставил овладение Трапезундом – важнейшим анатолийским портом и главной базой 3-ей турецкой армии. Трапезундская наступательная операция проводилась в тесном взаимодействии с Черноморским флотом. Поддержка с моря велась огнем корабельной артиллерии линкора, 2-х эсминцев, 2-х миноносцев и нескольких канонерских лодок. Наступление вдоль черноморского побережья велось успешно. К 1 апреля 1916 года русские войска вышли к укреплениям на западном берегу реки Карадера. Черноморские корабли высадили в Ризе и Хамургане десанты: две Кубанские пластунические бригады с приданной им артиллерией и их обозы. Прорвав оборону на реке Карадера, русский приморский отряд через четыре дня занял без боя портовый город Трапезунд. Трапезундский гарнизон без всякого сопротивления бежал в окрестные горы. Приобретение порта Трапезунд заметно улучшало снабжение правого фланга Кавказской армии — здесь стала закладываться крупная тыловая база [4]. Под влиянием этих побед между Россией, Великобританией и Францией было подписано соглашение «О целях войны России в Малой Азии», в частности, в нем разграничивались сферы влияния в Турции. Союзники окончательно признали, что проливы и север Турецкой Армении отходят России. Однако после Октябрьской революции 1917 года Россия вышла из войны, не получив никаких территорий.

После трагических событий отречения царя от престола генерал Юденич был назначен командующим войсками Кавказского фронта. Временное правительство требовало от нового командующего наступательных действий, однако положение на фронте не способствовало успеху в наступлении. Кроме того, революционное разложение коснулось и войск Кавказского фронта. Николай Николаевич отправил в Ставку глубоко аргументированный доклад на эту тему, и реакция последовала очень быстро. 7 мая 1917 года генерал Юденич был отстранен от командования фронтом «как сопротивляющийся указаниям Временного правительства» и был вынужден уйти в отставку [5].

Юденич в ноябре 1918 года эмигрировал в Финляндию. Здесь его ждала встреча с генералом Маннергеймом – товарищем по академии Генерального штаба. Частые беседы с ним и те события, свидетелем которых пришлось быть самому, подтолкнули Николая Николаевича к мысли об организации борьбы против большевиков здесь – за границей. Его опорой стали русские эмигранты, в частности около 2,5 тысяч офицеров. Из представителей промышленных, финансовых и политических кругов русской эмиграции был образован Русский политический комитет, который обязал Юденича стать лидером антисоветского движения на Северо-Западе. При посредничестве «Национального центра» Юденич в январе 1919 года обратился с письмом к адмиралу Колчаку, в котором признал для себя обязательной его политическую платформу и просил оказать посильную помощь. Верховный правитель поддержал Николая Николаевича и выделил первые средства для организации вооруженной силы. С согласия генерала Маннергейма, Юденич приступает к формированию армии на территории Финляндии. В дело начали вмешиваться и союзники – в мае 1919 года правительство Англии заявило о желании помочь. К Юденичу прибыла военная миссия. Англичане были очень озабочены формированием некоей политической власти, которая должна была именоваться «Северо-Западное русское правительство». Сама обстановка была крайне сложной. Кроме Юденича имелись части генерала Родзянко, Булак-Булаховича и другие, которые действовали вначале самостоятельно. В июле 1919 года генерал Юденич получил приказ адмирала Колчака о своем назначении Главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта.

Николай Николаевич, обладая огромным военным и организационным опытом, собрал под свое начало все, что было способно сражаться. 28 сентября 1919 года Северо-Западная армия прорвала фронт 7-й армии большевиков и устремилась на Петроград. Были взяты Ямбург, Красное Село, Гатчина. До Петрограда оставалось не более 20 километров. Однако не поддержанный союзниками и обладая слабыми силами (в момент наивысшего подъема – к началу октябрьского наступления на Петроград боевой состав армии насчитывал 17800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков, 2 броневедомоцикла и 6 самолетов), Юденич не смог отразить контрнаступления красных. Части армии были вынуждены отойти в Эстонию, где были интернированы. По договору властей Эстонии с большевиками, Северо-Западная армия подлежала расформированию и превращалась в массу беженцев [5].

Николай Николаевич окольными путями эмигрировал в Англию. Известно, что он внимательно наблюдал через лондонскую печать за жизнью в Советской России. Лидеры белоэмигрантских кругов настойчиво пытались привлечь заслуженного и авторитетного генерала к антисоветской деятельности. Однако Н. Н. Юденич, оказавшись в эмиграции, всегда отвечал на такие предложения отказом. Отказавшись впоследствии от политической деятельности, он скончался 5 октября 1933 года в Каннах в возрасте 71 года. Так завершилась судьба еще одного русского патриота и выдающегося полководца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пахалюк, К. Сто великих полководцев [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://100.histrf.ru/commanders/yudenich-nikolay-nikolaevich> – Дата доступа: 06.12.2013.
2. Цветков, В.Ж. Николай Николаевич Юденич [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.august-1914.ru/zvetkov1.html> – Дата доступа: 06.12.2013.
3. Керсновский, А. А. История Русской армии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/16.html> – Дата доступа: 18.11.2013.
4. Юденич / Белые генералы [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.xliby.ru/voennaja_istorija/belye_generaly/p7.php – Дата доступа: 26.11.2013.
5. Родин, И. В. Неизвестный Юденич [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://roves2.narod.ru/udenich.html> – Дата доступа: 26.11.2013.

КОЛЕСИНСКИЙ В.Ф.

Скульптор, член Союза художников Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

БУРЫЙ В.В.

Главный архитектор проектов УП «Минскпроект», член Союза архитекторов Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

ПОДВИГ РИММЫ ИВАНОВОЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Среди героев Первой мировой войны Римма Михайловна Иванова занимает особое место. Биография этой незаурядной сестры милосердия впечатляет, а подвиги ее должны найти отражение в книгах, фильмах, монументах и памятных знаках. Ее жизненный путь героически оборвался на белорусской земле.

Римма Иванова родилась в Ставрополе 15 июня 1894 года в семье казначея духовной консистории, которая представляла собой в те времена орган местного епархиального церковного управления. Окончив курс Ольгинской гимназии, она стала работать народной учительницей в земской школе села Петровское.

Самоотверженный характер Р. Ивановой проявился еще в гимназические годы. Подруги вспоминали, что как-то вечером молодые люди гуляли около пруда. Вдруг один из них поскользнулся и упал в воду. Пруд был глубокий, а молодой человек плавать не умел. Р. Иванова нырнула в воду в чем была, в платье и обуви – и спасла утопающего.

С началом Первой мировой войны вернулась в Ставрополь и, окончив курсы сестер милосердия, недолго работала в Епархиальном лазарете для раненых. 17 января 1915 года она коротко остриглась и, переодевшись мужчиной, ушла добровольцем на фронт сначала санитаром, а потом фельдшером. Служила в 83-м Самурском пехотном полку под вымышленным именем Ивана Михайловича Иванова. К лету 1915 года полк принимал участие во многих кровопролитных боях, в которых Римма уже под своим настоящим именем отличилась храбростью. Первую свою Георгиевскую медаль 4-ой степени она получила после того, как вынесла с поля боя раненого прапорщика Гаврилова. Вторую Гергиевскую медаль 3-ей степени ей присвоили за спасение прапорщика Соколова и восстановление поврежденной линии связи. Во второй половине лета Р. Иванова поехала на побывку к родителям, которые уговорили ее перевестись в 105-й пехотный Ориенбургский полк, где врачом служил ее старший брат Владимир, который также настаивал на переводе. 105-й пехотный Ориенбургский полк воевал на Полесском участке недавно созданного Западного фронта. Так Р. Иванова оказалась на земле Беларуси, где ей довелось шагнуть в бессмертие.

Немного поработав в полковом лазарете, Римма, несмотря на протесты брата, вновь оказалась в своей стихии – на передовой, где в первых же боях заслужила Георгиевский крест 4-ой степени за спасение раненого командира полка полковника А.А. Граубе.

9 сентября 1915 года у деревни Доброславка, которая находится севернее Пинска, Римма Иванова приняла свой последний бой. Этот день вошел в историю полка, историю русской армии. Когда командир и офицеры 10-й роты были убиты, а солдаты смешались и стали отходить, сестра милосердия с криком «Вперед! За мной!» первой бросилась в атаку. Солдаты опрокинули врага и взяли линию вражеских окопов, а Р. Иванова, смертельно раненая разрывной пулей в бедро, скончалась от потери крови на руках боевых товарищей. Последнее, что, по словам очевидцев, она произнесла: «Боже, спаси Россию». И перекрестила окружавших ее солдат.

Командование ходатайствовало о награждении ее посмертно орденом Святого Георгия. Фронтовая кавалерская дума ходатайство поддержала, но Р. Иванова не была военнослужащей, поэтому командующий фронтом не мог самостоятельно принять решение о награждении. Было доложено императору Николаю II.

Из телеграммы командира корпуса ставропольскому губернатору: «Государь Император 17 сентября соизволил почтить память покойной сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой орденом Святого Георгия 4-й степени...»

Из иллюстрированного журнала «Искры». Воскресенье 11 октября 1915 года. «9-го сентября во время боя на одном из участков фронта наша сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, невзирая на уговоры офицеров и брата, полкового врача, всё время перевязывала раненых под сильным ружейным и пулемётным огнём противника. Видя, что командир и офицеры десятой роты родного полка оказались убитыми, и сознавая важность наступившей решительной минуты боя, Римма Иванова, собрав вокруг себя нижних чинов роты, бросилась во

главе их, опрокинула части противника и захватила неприятельский окоп. К сожалению, вражеская пуля сразила женщину-героиню. Тяжело раненная, Иванова быстро скончалась на месте боя, горячо оплакиваемая всеми чинами полка. Государю Императору благоугодно было за беспримерный подвиг, увенчавшийся полным успехом, содеянной сестрой милосердия Риммой Михайловной Ивановой, запечатленный её смертью, наградить доблестно погибшую офицерским орденом святого великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени».

9 сентября брату Владимиру Иванову было разрешено вывезти тело погибшей сестры в Ставрополь для захоронения. Похоронили Р.Иванову возле храма Андрея Первозванного.

Подвиг Р. Ивановой вызвал международный резонанс. Председатель Германского Красного Креста генерал Пфуль попытался дискредитировать Р. Иванову, заявив в прессе, что сестры милосердия в бою должны следовать Конвенции о нейтралитете медицинского персонала, а не совершать подвиги. Однако Женевская штаб-квартира Международного комитета Красного Креста протест отклонила.

Р. Иванова стала третьей и последней женщиной, награжденной орденом Святого Георгия. Первой орденом первой степени возложила на себя в 1769 году его учредительница Екатерина II. Второй была награждена королева Обеих Сицилий Мария-Амалия в 1861 году орденом четвертой степени. Этим орденом отмечено ее мужество во время осады крепости Гаэта.

Даже без этого ордена послужной список Р. Ивановой впечатляет. Она вынесла с поля боя более 600 раненых и была награждена Георгиевским крестом IV степени и Георгиевскими медалями IV и III степеней.

Имя Р. Ивановой стало известно в Российской империи. В ноябре 1915 года по заказу военного ведомства был снят фильм «Героический подвиг сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой». Была выпущена граммофонная пластинка с песней «Подвиг Риммы Ивановой». Выпускались почтовые открытки с изображением Р. Ивановой. Были учреждены стипендии имени героини в Ольгинской гимназии, фельдшерской школе и земской школе села Покровское, где она работала. Предполагалась установка памятника в городе Ставрополе. На могиле было сооружено надгробие. Имя ее было высечено на памятнике героям Второй Отечественной войны в Вязьме, который сейчас не существует. После революции появились другие идеалы и другие герои. Надгробие было уничтожено, а на месте могилы сооружен общественный туалет.

Теперь имя Р. Ивановой вернулось и стало достоянием общественности. В ограде храма Андрея Первозванного в Ставрополе установлено скромное надгробие на предполагаемом месте захоронения. На здании Ольгинской гимназии (ныне школа-интернат для глухих детей) установлена мемориальная доска. Также в честь Риммы Ивановой названа улица в 204 квартале Ставрополя.

Ну а как чтят память Р. Ивановой на белорусской земле, где она была сестрой милосердия и совершала свои подвиги? Место последнего боя и гибели Р. Ивановой в Брестской области Пинского района около села Доброславка точно установить не представляется возможным. Было бы целесообразно установить монумент, бюст или мемориальный знак около церкви в деревне Доброславка или в районном центре Пинск (ил. 1). Есть планы установить мемориальную доску или бюст Р. Ивановой в одном из медицинских училищ г.Минска. Приближается 100-летняя годовщина героической гибели Р. Ивановой, и необходимо подумать об увековечивании ее памяти. Память о людях, погибших на войне, всегда священна. Это помогает воспитывать новые поколения любить и защищать свою Родину.

Авторское предложение памятника Римме Ивановой

БАЮРА А. Н.

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного университета, г. Брест, Беларусь

ОККУПАЦИОННЫЕ БАНКНОТЫ И МОНЕТЫ ГЕРМАНИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Начиная Первую мировую войну, Германия среди прочих целей преследовала экономически ослабить Российскую империю, аннексировать часть ее территории.

Начальный период войны сложился для стран германского блока на Восточном фронте неудачно. Русские войска провели успешную наступательную операцию в Восточной Пруссии, захватили Галицию и поставили Австро-Венгрию на грань краха. Однако весной и летом 1915 года противник нанес русской армии ряд тяжелых поражений. Были оставлены Галиция, Польша, часть Прибалтики и Беларуси. К октябрю 1915 года фронт стабилизировался на линии Двинск – Браслав – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск – Луцк, и война приняла позиционный характер.

На оккупированных территориях Гродненской, Сувалковской, Виленской, Ковенской, Курляндской и Лифляндской губерний немцами была создана военная административно-территориальная единица «Область главнокомандующего всеми германскими вооруженными силами на Востоке» (Das Gebiet des Oberbefehlshabers der gesamten deutschen Streikräfte im Osten), сокращенно «Обер Ост». Возглавил ее начальник Генерального штаба германской армии генерал Эрих Людендорф, а общее руководство всеми оккупированными восточными территориями в 1915-1916 годах осуществлял командующий Восточным фронтом фельдмаршал Пауль фон Гинденбург [1; 13] резиденция которого находилась на территории крепости в Брест-Литовске. Летом 1916 года командующим германским Восточным фронтом становится фельдмаршал принц Леопольд Баварский, который своей резиденцией избрал чудом уцелевшее в огне войны поместье Немцевичей в деревне Скоки Косичской волости Брестского уезда.

«Обер Ост» за время оккупации неоднократно менял свою внутреннюю административную структуру. К весне 1917 года он подразделялся на три округа – Литовский, Курляндский и Белостокско-Гродненский.

На территории ранее входившего до войны в состав Российской империи Царства Польского Германия в 1916 году создала Варшавское генерал-губернаторство (называвшееся также Королевством Польским), которое должно было сыграть роль буферного государства между Германией и Россией.

На захваченной кайзеровскими войсками территории Польши, Белоруссии и Прибалтики был введен жесткий оккупационный режим. Охватывал он и сферу денежного обращения и кредита. Все население обязано было выполнять различные работы для немецкой армии, а так же платить натуральный и денежный налоги. Подушный налог, размер которого постоянно возрастал, платило все население в возрасте от 16 до 60 лет. Если в 1916 году он составлял, по справкам управления «Обер Оста», 6 марок, то в 1917 – 8 марок [2; 99]. Оккупационные власти ввели также поземельный и арендный налоги, широко практиковали наложение различных денежных штрафов за малейшие провинности и контрибуций. Так, население Гродно немцы обложили контрибуцией в размере 10 тысяч рублей [3; 189].

В качестве законного платежного средства на оккупированных Германией восточных землях первоначально находились российские рубли и копейки, а также немецкие банкноты номиналом в 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100 и 1000 марок, выпускавшиеся в Германии с 1903 по 1918 год, и монеты в 1, 2, 5, 10 и 20 пфеннигов из меди, ½, 1, 2, 3, 5 марок из серебра, 10, 20 марок из золота, выпускавшиеся в Германии с 1903 по 1918 год. Первоначально немецкие деньги использовались только в оккупационных учреждениях, но с 15 ноября 1915 года их официально разрешили использовать в денежном обращении. Курс российской валюты был установлен следующий: кредитные билеты, серебряные и медные монеты обменивались один к полутора (1 рубль = 1,5 марки), за один рубль в золоте платили 2,16 германских марок [4; 241]. Однако золотые и серебряные монеты, как российские, так и немецкие, к этому времени были тезаврированы населением и в денежном обороте практически не встречались. Поэтому 27 апреля 1916 года оккупанты установили новый курс российского рубля: 1 рубль = 1,75 марки, при этом курс золотого рубля не был определен [4; 241].

С целью более эффективного экономического ограбления оккупированных территорий Российской империи в начале 1916 года в Познани был образован Остбанк (Восточный банк для торговли и промышленности) - Ostbank für Handel und Gewerbe. Одним из структурных подразделений Остбанка была кредитная (ссудная) касса «Darlehnskasse Ost», которая открыла свои представительства во всех бывших уездных и губернских городах на территории «Обер Оста». В их функции входили различные операции. Вот как об этом писала газета «Беларускі шлях» летом 1918 года: «Восточная Ссудная Касса – кредитное учреждение, представляющее собой вместе с тем сберегательную кассу, есть учреждение государственное, не имеющее цели наживы, а имеющее своей главной задачей налаживание хозяйственных отношений главным образом между Германией и Россией, а также регулирование банковской деятельности. Она выпускает кредитные билеты, принимает депозиты и осуществляет переводы денег, что для торгового сообщества имеет особое значение. Наконец обращаем внимание на то, что Восточная Ссудная касса представляет собой выгодное размещение капитала. Принимаются долгосрочные вклады и открываются текущие счета, деньги с которых можно в любое время получить по чекам» [7].

Одной из важнейших функций Кредитной кассы была эмиссия денежных знаков. Ею были выпущены специально для оккупированных восточных территорий военные деньги, так называемые «острубли». Бумажные деньги были выпущены следующих номиналов – 20 и 50 копеек, 1, 3, 10, 25 и 100 рублей. На лицевой стороне данных банкнот имелись надписи на немецком языке с названием этих денег – кредитный кассовый чек (Darlehnskassenschein), указанием места и времени выпуска - Познань, 17 апреля 1916, номинала цифрами, а так же название банка-эмитента с тремя факсимильными подписями его должностных лиц, внизу и сверху – серия и шестизначный номер. На оборотной стороне указывался номинал цифрами и прописью и надписи на трех языках (польском, литовском и латышском) с предупреждением об уголовной ответственности за изготовление фальшивых банкнот – тюремным заключением на срок до восьми лет. Для защиты от подделок банкноты имели водяной знак.

Первыми в обращение поступили банкноты номиналом в 50 коп.; 1; 3; 10 и 25 рублей. К концу 1916 года были введены в оборот самый мелкий и самый крупный номиналы – 20 копеек и 100 рублей, их появление свидетельствовало, с одной стороны, об исчезновении из оборота разменной монеты, с другой – о растущей инфляции.

Кроме бумажных денег, были отчеканены железные монеты (в отечественной нумизматической литературе их называют германские оккупационные боны) достоинством в 1, 2 и 3 копейки. На их аверсе обозначение номинала по-русски и год выпуска – (1916) на фоне креста, напоминающего немецкую военную награду – Железный крест. На реверсе легенда (надпись) GEBIET DES OBERBEFEHLSHABERS OST – Ведомство Верховного главнокомандующего Востока и знак Берлинского (A) или Гамбургского (J) монетного двора.

Данная эмиссия была осуществлена с целью выкачки финансовых средств из оккупированных территорий. Военные власти «Обер Оста» объявили о замене российской валюты на оккупационные деньги, преследуя как политические (подорвать российское влияние в регионе), так и экономические цели (создать запас полноценной российской валюты для спекуляций на международных биржах). При этом был установлен принудительный разменный курс: один острубль равнялся одному российскому рублю или двум германским маркам [4; 244].

Однако местные жители не желали совершать операции по такому обменному курсу и на имевшиеся у них острубли скупали и прятали полноценные российские рубли, вследствие чего германские оккупационные власти решили запретить использование в денежном обращении российской валюты с декабря 1916 года.

На территории Варшавского генерал-губернаторства в декабре 1916 года также были выведены из обращения российские деньги и осуществлен выпуск военных денег – польских марок. Эмитировались они от имени Польской краевой кредитной кассы в Варшаве (“Bilet Polskiej Krajowej Kasy pożyczkowej”), которая подчинялась Остбанку в Познани. Были выпущены банкноты номиналом в ½, 1, 2, 5, 10, 20, 50, 100 и 1000 марок. Все надписи на них были на польском языке. Эти деньги нередко использовались населением белорусских и литовских округов «Обер Оста».

В 1917 – 1918 гг. в Германии на монетном дворе в Штутгарте для Польши также были отчеканены разменные монеты из железа номиналом 1; 5; 10; 20 пфеннигов. На лицевой стороне имелась надпись «Королевство польское» (“Królestwo Polskie”).

Не совсем понятно, почему на банкнотах в качестве названия территории для обращения денег указывается “Zarząd General-Gubernatorstwa Warszawskiego”, то есть «Правительство Варшавского генерал-губернаторства», а на монетах – “Królestwo Polskie”, то есть «Королевство Польское». Вероятно, немецкие власти в Берлине до конца не определились со статусом польских земель после окончания войны.

Для более успешного выполнения поставленных перед «Darlehnskasse Ost» задач 30 марта 1917 года кредитная касса была отделена от учредившего ее Остбанка и напрямую подчинена военному командованию Восточного фронта. Месторасположение кредитной кассы было перенесено из Познани в Ковно (Каунас).

В апреле 1918 года в Ковно была осуществлена эмиссия еще одного вида военных денег – оккупационных марок достоинством в ½, 1, 2, 5, 20, 50, 100 и 1000 марок. В качестве эмитента уже не фигурировал Остбанк, но их внешний вид и оформление незначительно отличались от познанских выпусков, а на оборотной стороне уже были надписи на немецком, литовском и латышском языках. У населения они получили название «остмарки».

Острубли и остмарки имели хождение на оккупированных немецкими войсками территориях Российской империи – первые преимущественно в восточной Польше, западных частях Белоруссии и Прибалтики, вторые в Литве, западной части Латвии и Эстонии, хотя и те и другие нередко служили платежными средствами во всех указанных регионах. По мере разрастания гражданской войны этими деньгами немецкое командование оказывало финансовую помощь русским белогвардейским соединениям в Прибалтике и Северо-Западной России. В сложный период конца 1917 – начала 1918 годов курс оккупационных военных денег постоянно менялся. Газета «Минские новости» 5 марта 1918 года в заметке о курсе валют сообщала: «В связи с подписанием мирного договора, в финансовых кругах ожидают повышения курса рубля. По сведениям из Вильно, курс русского рубля был следующий: с введением перемирия на русском фронте виленские банки платили за 1 рубль – 2 марки 15 пфеннигов, после перерыва мирных переговоров – 1 марку 85 пфеннигов, за последние дни до подписания мирного договора – 1 марку 65 пфеннигов» [5].

После захвата в феврале 1918 года почти всей территории Белоруссии и Прибалтики немецкими войсками сложившаяся оккупационная денежная система просуществовала здесь до ноября 1918 года. Она состояла из российских денег (царских, так называемых «романовских» или «николаевских» и Временного правительства – «думок» и «керенок»), немецких оккупационных остмарок и острублей. В период с февраля до июля 1918 года основной платежной единицей считался царский рубль и был установлен следующий курс:

1 царский рубль = 1 остмарке;

1 думский рубль = 1 остмарке;

1 керенский рубль = 90 пфеннигам;

1 острубль = 2 остмаркам = 2 царским.

С 10 июля 1918 года было установлено новое соотношение различных валют: царский и думский рубль = 1,1 остмарки, «керенка» = 0,8 остмарки = 0,727 рубля, острубль = 2 марки = 1,82 рубля и основной платежной единицей стал считаться оккупационный рубль (острубль) [6; 319-320].

Немецкие военные (оккупационные) деньги находились в обращении некоторое время после окончания Первой мировой войны. В Польше – до 1919 года, когда их сменила марка польская. На территории Белоруссии они были действительны до 11 февраля 1919 года, когда вышло распоряжение правительства БССР обменять все немецкие деньги в местных Казначействах на деньги, признанные Советской властью. В Латвии – до 1919 года, когда была введена национальная валюта – латвийский рубль. В Литве ковенские остмарки были объявлены официальными деньгами Литовской Республики и находились в обращении до введения национальной валюты – лита – в 1922 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. / Пер. з польскай В. Ждановіч; каментарыі А.М. Літвіна. – Мн.: Беларусь, 1993. – 236 с., 8 л. іл.
2. Бабков, А.М. Аграрная политика немецких оккупационных властей в Западной Беларуси в годы Первой мировой войны // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі: матэрыялы Міжнароднай канферэнцыі. Брэст, 23-24 красавіка 1998 г.: у дзвух частках. – Брэст: Выдавецтва С. Лауроўа, 1998. – Ч. II. – 338 с.

3. История Беларуси: учебн. пособие / Е.Л. Абецедарская, П.И. Бригадин, Л.А. Жилунович [и др.]; под ред. А.Г. Кохановского [и др.] – Мн.: Экоперспектива, 1997. – 475 с.
4. Грималаускайте, Д. Денежное обращение в Литве в 1914-1922 гг. // Pieniądz – Symbol – Władza – Wojna. Wspólne dziedzictwo Europy. Białoruś – Estonia – Litwa – Łotwa – Polska – Rosja – Rumunia – Słowacja – Ukraina: materiały z IX Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. – Warszawa: Polskie Towarzystwo Numizmatyczne. Zarząd Główny. 2010 - 368 p.
5. Минские новости. 5 марта 1918.
6. Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси / художн. П.П. Казей. – Мн.: Польша, 1995. – 687 с.: ил.
7. Беларускі шлях. 23 ліпеня 1918.

СТАРОВОЙТОВ И.А.

Зам. директора НИИЭВМсервис, г. Минск, Беларусь

ОККУПАЦИОННЫЕ МОНЕТЫ СЕРБИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Введение

Прежде чем перейти к рассмотрению оккупационных монет, целесообразно определиться с терминологией. Предложенная ниже система определений базируется на различных источниках [1, 3-8], а также на длительном опыте общения в среде коллекционеров.

Военные денежные знаки – это специфические денежные знаки, которые эмитируются во время войны и в послевоенный период до момента стабилизации национального денежного обращения принимающими участие в войне государствами.

Оккупационные денежные знаки – особый вид военных денежных знаков, предназначенный для использования только на оккупированных территориях (в том числе и на территориях государств, созданных и существующих в результате оккупации). К оккупационным денежным знакам относятся:

- денежные знаки, эмитируемые оккупантом для использования только на оккупированной территории;
- денежные знаки, эмитируемые правительством или банками оккупированной территории;
- денежные знаки, эмитируемые государством, созданным и существующим в результате оккупации;
- денежные знаки, используемые в лагерях военнопленных, как правило, относятся к оккупационным денежным знакам.

Оккупационные монеты – оккупационные денежные знаки, изготовленные в виде монет.

Монета - денежный знак, изготовленный из металла либо другого материала - определенной формы, веса и достоинства, являющийся узаконенным средством платежа и определенный как "монета" в соответствующем документе компетентных органов.

Военная оккупация - в контексте рассматриваемой темы военной оккупацией будем считать занятие вооруженными силами одного государства территории (или ее части) другого государства без согласия (данного без принуждения и до начала вторжения) фактического суверена оккупируемой территории, действующего на момент вторжения.

Военно-экономическая политика в части оккупационных монет изложена на основе анализа исторической и справочной литературы [2, 4, 9-11] и материалов из коллекции автора.

При дальнейшем изложении в описаниях монет используются следующие соглашения: материал, из которого изготовлена монета, обозначен общепринятым латинским символом; диаметр монеты указан в миллиметрах; вес монеты указан в граммах.

Разновидности монет, возникшие в результате производственного брака или нарушений технологии изготовления, не рассматриваются.

Бонны и жетоны воинских частей, используемые для внутриармейских расчетов, не рассматриваются.

Сербия в Первой мировой войне

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Королевству Сербия и начала боевые действия. Однако в первый год войны сербам удавалось сдерживать противника - в сентябре 1914 года австро-венгерские войска были отброшены в Боснию, а в начале декабря вытеснены из Белграда.

23 сентября 1915 года в войну на стороне Австро-Венгрии и Германии вступила Болгария. В результате скоординированной атаки австро-венгерских, германских и болгарских войск в октябре 1915 года сербская армия была разбита на всех фронтах и с колоссальными потерями начала отступление через территорию Албании к Адриатике. Встал вопрос о полном ее физическом уничтожении. Англия и Франция, озабоченные своим собственным сложным положением, не предпринимали серьезных действий по спасению сербской армии.

Только жесткий ультиматум, выдвинутый Николаем II: «Если сербская армия не будет тотчас же эвакуирована из Албании, Россия разорвет свои связи с Антантой и заключит сепаратный мир с Германией» [12], заставил Союзников предпринять энергичные шаги по спасению сербской армии.

В качестве "территории спасения" был выбран остров Корфу, являющийся частью нейтральной Греции. В октябре 1915 года в Салониках был высажен англо-французский десант, а 5 января 1916 года французское правительство приняло решение оккупировать остров Корфу элитными частями французской армии - что было обосновано тем, что это единственный способ собрать, снабдить, оздоровить и по-новому организовать сербскую армию. В течение января-февраля 1916 года остатки сербской армии силами флота Англии, Франции и Италии были эвакуированы на остров, а территория Сербии была полностью оккупирована австро-венгерскими, германскими и болгарскими войсками.

Осенью 1916-го восстановленные сербская и черногорская армия были переведены на фронт вблизи Влоры, Охридского, Дойранского озер и Салоник. В составе Салоникского фронта они вели тяжелые оборонительные бои с болгарской армией и впоследствии участвовали в наступлении на территорию будущего Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев.

Осенью 1918 года произошёл коренной перелом в войне: в серии сражений франко-сербские войска разгромили болгарские и австро-венгерские армии и двинулись на север, Болгария вышла из войны. 10 ноября 1918 года был форсирован Дунай. Сербия была освобождена.

Военно-экономическая политика для оккупированной Сербии

Во время оккупации Сербия была поделена на две оккупационные зоны - австро-венгерскую и болгарскую. К Австро-Венгрии отошли земли к западу от реки Моравы, а к Болгарии - от Моравы на восток. Австро-венгерская оккупационная зона 7 января 1916 году была объявлена военным генерал-губернаторством с главным городом Белградом, а Болгария аннексировала оккупированную территорию Сербии.

В своей зоне оккупации Австро-Венгрия не практиковала выпуск оккупационных денежных знаков, а внедряла в денежный оборот свою собственную валюту. Кроме этого, широко использовались сербские денежные знаки довоенного периода, с отметкой военного командования в виде штемпеля с наименованием городов, в котором они вводились в оборот. Учитывая, что были захвачены запасы банкнот Национального банка Сербии, такая политика была достаточно эффективной.

Болгария, аннексировав оккупированную территорию Сербии, ввела в обращение собственную валюту, и с 1 марта 1917 года запретила использование сербских денежных знаков.

Монеты оккупационными властями Австро-Венгрии и Болгарии для оккупированной Сербии не чеканились.

Правительством Сербии в 1915 году в Париже (первоначально планировалось в Вене) был размещен заказ на чеканку монет номиналом 50 пара, 1 и 2 динара. К моменту завершения выполнения заказа Сербия была полностью оккупирована.

В период оккупации на греческом острове Корфу сербское правительство в эмиграции обеспечило чеканку сербских монет номиналом 5, 10, 20 пара в Провиденсе (США).

		<p>Номинал: 5 пара Металл: Cu/Ni Год: 1904, 1912, 1917 Тираж: 1917 - 5 000 000 Диаметр: 17 Вес: 3,0 Номер по Краузе: KM#18</p>
--	--	---

Примечание: В каталоге Краузе сообщается о существовании однотипной пробной монеты Au, 1917, Pn6. По другим источникам существование такой монеты не подтверждается.

		<p>Номинал: 10 пара Металл: Cu/Ni Год: 1904, 1912, 1917 Тираж: 1917 - 5 000 000 Диаметр: 20 Вес: 4,0 Номер по Краузе: KM#19</p>
---	---	--

Примечание: В каталоге Краузе сообщается о существовании однотипной пробной монеты Au, 1917, Pn7. По другим источникам существование такой монеты не подтверждается.

		<p>Номинал: 20 пара Металл: Cu/Ni Год: 1904, 1912, 1917 Тираж: 1917 - 5 000 000 Диаметр: 22 Вес: 5,6 Номер по Краузе: KM#20</p>
---	---	--

Примечание: В каталоге Краузе сообщается о существовании однотипной пробной монеты Au, 1917, Pn8. По другим источникам существование такой монеты не подтверждается.

		Номинал: 50 пара Металл: Ag Год: 1904, 1912, 1915 Тираж: 1915 - 12 138 000 Диаметр: 18 Вес: 2,5 Номер по Краузе: KM#24.1
--	--	---

Примечание: А - существует разновидность без клейма медальера, тираж 1 862 000, KM#24.2

		Номинал: 1 динар Металл: Ag Год: 1904, 1912, 1915 Тираж: 1915 - 10 688 000 Диаметр: 22,5 Вес: 5,0 Номер по Краузе: KM#25.1
---	---	---

Примечание: А - существует разновидность монеты без клейма медальера, медальное расположение, тираж 2 322 000, KM#25.2

		Номинал: 2 динар Металл: Ag Год: 1904, 1912, 1915 Тираж: 1915 - 4 174 000 Диаметр: 28 Вес: 10,0 Номер по Краузе: KM#26.1
--	--	---

Примечание: А - существует разновидность монеты без клейма медальера, медальное расположение, тираж 826 000, KM#26.2,

В - существует разновидность монеты без клейма медальера, монетное расположение, KM#26.3

В каталоге Краузе сообщается о существовании пробной монеты 20 динар, Au, 1917, Pn9. По другим источникам существование такой монеты не подтверждается.

Заклучение

Итак, перед нами совершенно уникальная ситуация:

Сербия полностью оккупирована Центральными державами, но в свою очередь при поддержке армий Антанты оккупирует остров Корфу, являющийся территорией нейтральной (на тот момент) Греции. При этом чеканятся монеты для оккупированной Сербии, но используются они на территории оккупированной Греции.

Оккупационные монеты полностью оккупированного государства для использования на оккупированной территории третьего государства - другие такие случаи (по крайней мере в XX веке) автору не известны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладкий, В. Д. Словарь нумизмата. – М.: Центрполиграф, 2010.
2. История Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. / Под редакцией И. И. Ростунова: в 2-х томах. – М.: Наука, 1975.
3. Сенилов, Б. В. Военные деньги Второй мировой войны. – Москва: Финансы и статистика, 1991.
4. Сенилов, Б. В. Военные деньги Мировой войны 1914-1918 гг. // Коллекционер. – 1997. – № 33.
5. Сенилов, Б. В. Военные деньги Гражданской войны в России 1918-1922 гг. // Коллекционер. – 2001. – № 36,37.
6. Соколов, Б.И. Военные денежные знаки. // Реформы и право. – 2010. – №2.
7. Тхоржевский, Р.И. "Военные деньги" и "оккупационные деньги"// Нумбон. – 1998. – №3.
8. Щелоков А. А. Деньги оккупации, «НВО», №1, 2009.
9. George S. Cuhaj. Standard Catalog of World Paper Money, General Issues 1368-1960, 12th Edition, Krause publications, 2008.
10. Michael, Thomas. Standard Catalog of World Coins, 1901-2000, 40th Edition, Krause Publications, 2013.
11. Schon Gunter, Schon Gerhard. Welt Munzkatalog bis heute, 2003.
12. Сарамандић, Љ. Ходочашће на Крфу. Београд: Тетратон, 2004.

МАНЕТЫ І МАНЕТАВІДНЫЯ ЖЭТОНЫ ЧАСОЎ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ І ГРАМАДЗЯНСКАЙ ВАЙНЫ НА ТЭРЫТОРЫІ РАСІЙСКАЙ ІМПЕРЫІ

Канец Першай сусветнай вайны ў Расійскай імперыі, Аўстра-Венгрыі і Нямецкай імперыі ў эканамічным плане атрымаўся даволі складаны – краіны перажывалі крызіс, які прывёў да інфляцыі і дэфіцыту грашовых сродкаў. Апошняя выклікала масавы выпуск гарадскіх (нотгельды), прыватных, армейскіх, кааператывных грошаў – на тэрыторыі Расійскай Імперыі на кан. 90-х гадоў XX ст. даследчыкі вылучалі да 1,5 тыс. грашовых суратаў. У адрозненне ад краін Траістага саюза, большасць грашовых знакаў былі папяровымі, іх мы закранаць не будзем – паспрабуем асветліць тыя грашовыя сродкі, якія былі манетамі ці манетавіднымі жэтонамі.

Праблематыка даследвання акрэслена тым, што большасць манет была адчаканена адзінкавымі экзэмплярамі, ці яны засталіся ў праекце – таму я выношу толькі тыя асобнікі, існаванне якіх дакладна вядома. Да таго ж на тэму накладваецца праблема сучасных шматлікіх падробак, зробленых з мэтай нажывы, для продажу калекцыянерам. Асноўны сэнс артыкула – не раскрыць цалкам ўсю тэму, а толькі крата азнаёміць з ёй.

Падробкі. З 30-х гадоў XX ст. на нумізматычным рынку масава з'яўляюцца срэбраныя палцінкі і рублі Мікалая II з контрмаркай 8-кутнай формы « Низложене Дома Романовых * Мартъ 1917 ». Памер контрмаркі вагаецца каля 15-16 мм (ілюстр. №1). Першай ўзгадкай пра дадзеныя манеты можна лічыць з'яўленне іх ў аўкцыённай каталозе 1931 года Адольфа Хесса ў Франкфурце на Майне. Каталог быў прысвечаны рэдкім рускім манетам XIX пач. XX ст, за склад былі адказны маскоўскія нумізматы А. Сасноўскі і А. Талмачоў-Сасноўскі. Потым манеты з дадзенай контрмаркай зацікавілі калекцыянераў толькі пасля 2-й сусветнай вайны – ў асобе Івана Георгіевіча Спасскага, які прыйшоў да вывадаў што, дадзеныя манеты з'яўляюцца антыкварнымі падробкамі, якія з'явіліся на прыканцы 20-х гадоў, магчыма, на тэрыторыі Днепрапетраўска. Верагодна лічыць, што на пачатку 30-х гадоў была зроблена яшчэ адна партыя манет з контрмаркамі. На дадзены момант існуе падрабязная стацыя Н. С. Маісеенка «О монетах с надчеканкой «Низложение Дома Романовых * Мартъ 1917», якая надрукавана ў 2-м нумары часопіса «Нумизмат» за 2012 год і падрабязна раскрывае гісторыю з'яўлення і вывучэння дадзеных контрмарак.

Гарадскія грошы. Армавір.

Армавір – невялікі горад на поўначы Каўказа, побач з Кіславодскам і Пяцігорскам. На пачатку 1918 года ў горадзе ўзнікае задумка выпуску ўласных грошаў. 7 студзеня ўлада ў горадзе пераходзіць да рэвалюцыйнага камітэта. Праз месяц адбываецца выпуск папяровых бон наміналам 500, 200, 100 і 50 рублёў, на сумму 4 млн. рублёў. Але гэтай эмісіі было мала, таму ў красавіку былі надрукаваны боны наміналам 300, 150, 40, 25, 10, 5 і 3 рублі. Папяровыя банкноты з-за дрэннай якасці паперы вельмі хутка зношваліся, і летам 1918 года па загаду камісара фінансаў армавірскага савета дэпутатаў П. С. Трыфанова пачаліся спробы па рэалізацыі металічных бон. Манеты спачатку думалі рабіць з срэбра, але ў выніку адсутнасці такой колькасці метала, была абрана медзь. З дапамогай двух лепшых інжэнераў на заводзе “Армалі” былі адліты пробнікі – яны аказаліся някаснымі з-за дрэннай тэхналогіі апрацоўкі штэмпеляў і складанасцей з ліццем. Тады да справы далучылі пленнага аўстрыйскага гравёра Іосіфа Задлера, які зрабіў стальныя матрыцы. Пробнікі былі атрыманы на ўсё тым жа заводзе “Армалі”. Пасля манетны двор перанеслі ў памяшканне сядзібы купца Баронава. Сыравіну для манет звелі з ўсей акругі. Насельніцтва з ахвотай брала металічныя манеты. Праз пэўны час, з-за палітычнай і вайсковай нестабільнасці ў рэгіёне, манетны двор быў эвакуяваны і больш да сваёй дзейнасці не павяртаўся.

Знешне манеты выглядаюць так:

AV: выява двухглавага арла без карон і гербоў, вакол яго кругавая легенда “АРМАВИРСКОЕ ОТД. ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА”

RV: ў венку з раслін легенда РАЗМЕННОЙ ЗНАКЪ/5 РУБЛЕЙ (3 РУБЛЯ/ 1 РУБЛЬ) / 1918” (малюнак 2). Гурт рубчаты.

На дадзены момант ў літаратуры сустракаецца інфармацыя пра дзве серыі выпуска – першая – манеты наміналам 1, 3(з медзі), 5(з алюмінія) рублей, якая была пробнай і чаканілася на больш вялікіх манетных кружках.

Другі выпуск быў цалкам з медзі і меншых памераў, бліскіх да памера царскіх 3,2,1 капейкі. Выдзяляюць і тып 1-рублёвікаў без века, але з арнамантам і плоскім гуртам, які не сустракаецца ў літаратуры. У літаратуры ёсць ўзгадка і пра 3-рублёвікі адчаканеныя з срэбра, але без наяўнасці саміх манет іх пакуль можна лічыць фантастычнымі, як і пробную серыю. Агулам было адчаканена каля 60 тысяч рублёў.

Адэскія 5 капеек

Адным з самых цікавых і малавядомых выпускаў з'яўляюцца адэскія металічныя боны наміналам ў 5 капеек. На прыканцы 1917 года Адэская гарадская дума выпусціла серыю папяровых грошаў наміналам 50, 25, 19, 5, 3 рублі і маркі наміналам 50, 20, 15 капеек. Таксама была адчаканена і пробная металічная манета наміналам ў 5 капеек, з латуні (малюнак 3).

AV: выява тарчы з гербам Адэсы (ўверсе фігура двухглавага арла, ўнізе – выява якара) і колавай легендай “РАЗМЕННАЯ МАРКА г. ОДЕССА”.

RV: у ценры намінал “5 КОП.”, вакол яго легенда “ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ 1917 г.”

З-за цяжкасцей, ўзнікшых пад час чаканкі манеты, і яе нізкага кошту, абумоўленым інфляцыяй, манета ў абарот не трапіла. Па неафіцыйнай інфармацыі, на дадзены момант вядома 4 экз. манеты.

Манеты непрызнаных і часовых дзяржаўных утварэнняў. Паўночна-Каўказкі эмірат.

Пад час вайсковага хаосу на Каўказе быў створаны т. з. Паўночна-Каўказкі эмірат – ісламская дзяржава, якая існавала ў перыяд з верасня 1919 па сакавік 1920 г. Асновай, якая аб'яднала аварцаў, інгушаў, кабардзінаў і чэчэнцаў, стала постаць Узун-Хаджы, пасля смерці якога эмірат перастаў існаваць. Узун-Хаджы кіраваў краінай як духоўны лідар – імам пад пратэктаратам Асманскай імперыі, але ў той жа самы момант і ў саюзе з бальшавікамі, якія нават трапілі ва ўрад эмірата. Сталіцай Узун-Хаджы сабе абраў аул Ведзена – былую сталіцу легендарнага Шаміля. Там былі надрукаваны і грашовыя знакі, спачатку восенню 1919 г. тры серыі наддруковак пячатак Дышнінскага (мін. замежных спраў) на грашовых знаках і болах, якія абарочваліся на тэрыторыі Каўказа. На прыканцы 1919 года з дапамогай нямецкага афіцэра Паўля Маўрха пачаўся друк і паўнаважных грошай - 5, 25, 50, 100, 250, 500 і 1000 (засталіся ў праекце) рублёў/ туманаў – курс быў 1 рубль да 10 туманаў.

Якасць папяровых грошай была вельмі нізкая – часам немагчыма было знайсці добрую паперу для друка. Гэтыя боны былі ў абароце ад 7 месяцаў да 2-х гадоў. Але акрамя папяровых бон былі адчаканены і паўнаважныя манеты. У пачатку 1920 года па загаду міністра фінансаў Абдул-Азыма Абдуллаха пачалася распрацоўка манет наміналам ў 2/5, 5 і 10 туманаў. Манетнымі майстрамі выступілі фальшываманетчыкі, якія раней займаліся падробкай срэбраных рублёў Мікалая II. Як і пры чаканцы Армавірскіх манет, выкарыстоўвалі металалом, які набывалі ў мясцовага насельніцтва, здымалі медзяныя прыборы з цягнікоў, перацкачвалі мелкія наміналы Расійскай імперыі. На манетах выразаўся герб эмірата – вагі багіні правасуддзя, ў чашах якіх былі Каран і перакрываваныя караін і шабля. Пад гербам – традыцыйны паўмесяц з трыма зоркамі, над ім – выява цюбана. Акрамя герба, прысутнічала арабская графічная легенда. Была адчаканена невялікая партыя манет, пасля чаго эмір прызнаў эканамічную немэтазгоднасць чаканкі. На аўкцыёнах рэальна сустракаюцца манеты наміналам ў 10 туманаў, больш дробныя наміналы не сустракаюцца – іх выпуск не быў наладжаны, а самі манеты можна лічыць фантастычнымі.

Харэзмская Народная Савецкая Рэспубліка. На тэрыторыі Цэнтральнай Азіі пад час рэвалюцыі і грамадзянскай вайны усталяваліся ўласныя дзяржаўныя інстытуты – гэтаму спрыяла і далекае знаходжанне ад асноўных палітычных групавак, і тое, што гэтыя тэрыторыі да захопу іх расейскімі ўладамі мелі шматгадовую дзяржаўнасць. Існуючае тады Хівінскае ханства знаходзілася ў напоўзалежным стане ад Расійскай імперыі – было аўтаномнай часткай, але з сваім кіраўніком – Асфандыяр-ханам. Апошні негатыўна прыняў лютаўскую рэвалюцыю, чым выклікаў паўстанне супраць сабе на чале з Джунайд-ханам. Створаны ў Харэзме ЦК партыі (меньш за 600 чалавек) быў вельмі слабым. У лістападзе 1919 года паспрабаваў з'арганізаваць рэвалюцыйны пераварот, але няўдала. Савецкая ўлада ў Харэзме ўсталявалася толькі пасля інтэрвенцыі Чырвонай Арміі ў лютым 1920 года. На першым Харэзмскім Курултае (26 красавіка 1920 г.) была створана т. з. Харэзмская Народная Савецкая Рэспубліка. 2 кастрычніка 1924, “выражаючы волю народаў”, ХНСР была ліквідавана, а яе тэрыторыя ўвайшла ў склад Узбецкай ССР, Туркменскай ССР і Каракалпацкага Аўтаномнага округа.

ХНСР была адзінай сацыялістычнай рэспублікай ў складзе СССР, якая чаканіла ўласныя манеты. У 30-е гады была адчаканена партыя манет для сацыялістычнай Манголіі і Тувінскай Народнай Рэспублікай, але яны фармальна былі незалежнымі дзяржавамі.

Манеты чаканіліся ў перыяд з 1920 па 1921 год, з медзі і латуні, наміналам 20, 25, 100, 500 рублёў. Прыкладныя тыражы складаюцца так (цыфры акругленыя):

100 рублёў – 40 тыс. экз.

20 рублёў – 80 тыс. экз.

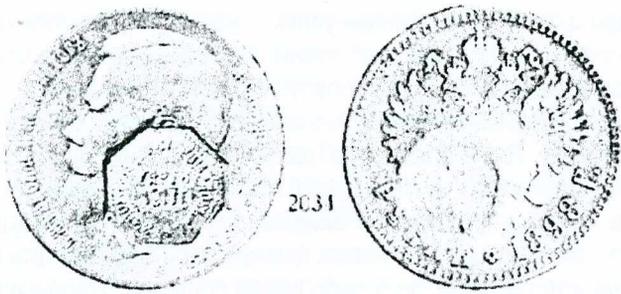
25 рублёў – 160 тыс. экз.

500 рублёў – 320 тыс. экз.

На аверсе манеты знаходзілася арабамоўная легенда, з адзначэннем назвы рэспублікі. На рэверсе манеты знаходзілася расейскамоўная легенда з адзначэннем намінала, выява сімвалічнага герба ў выглядзе шматкутнай зоркі і паўмесяца ці серпа, матыкі і вінаграднай лазы. Дзякуючы масавым тыражам, большасць манет ХНСР даступна для калекцыянераў.

ЛІТАРАТУРА

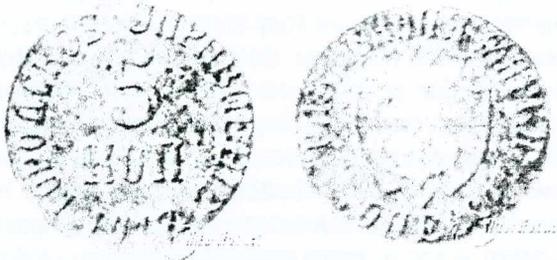
1. Веровенко, О. В. Боны Армавира // Советский коллекционер. — 1965. — № 3. — С. 91—94.
2. Моисеенко, Н. С. О монетах с надчеканкой «Низложение Дома Романовых * Мартъ 1917» // Нумизматика – 2012. - №2 (32). С.130-146.
3. Кузнецов, А.Ю. Люди, пьющие воду из Аму-Дарьи // Альманах Общества РОИ. – М., 2012. – Книга I.
4. Пахомов, Ю. Д. Денежное обращение и эмиссии Северо-Кавказского эмирата в 1919—1920 гг. // Нумизматический сборник ГИМ. — 1971. — Вып. IV. — С 34-46.
5. Погорельский, И.В. История Хивинской революции и Хорезмской народной советской республики 1917-1924 гг. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984.
6. Рябцевич, В. Н. Нумизматика Беларуси. – Минск: Беларусь, 1995.
7. Янина, С. А. Металлические денежные знаки Хорезмской Советской Народной Республики 1920-1922 гг. // Ежегодник ГИМ за 1961 год. — 1962. — С. 55—62.
8. Katalog 204. Russische Munzen des 19. und 20. Jahrhunderts. Dubletten russischer Museen. Adolph Hess Nachf. – Frankfurt A.M. – S. 51. – № 2034

Малюнак 1

Малюнак 2 – фота Армавірскага краязнаўчага музея

Малюнак 3

Малюнак 4

БАСОВ С.В.

Заведуючы кафедрой інженернай хіміі і экалогіі Брэстскага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта, г. Брэст, Беларусь

БОСАК В.Н.

Сотрудник кафедры инженерной химии и экологии Брестского государственного технического университета, г. Брест, Беларусь

ГНАТЮК С.П.

Кандидат химических наук, доцент кафедры научной и прикладной фотографии института медиатехнологий Санкт-Петербургского Государственного университета кино и телевидения, г. Санкт-Петербург, Россия.

РОЛЬ ЯНА БУЛГАКА В РАЗВИТИИ ПЕЙЗАЖНОЙ ФОТОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ХХ ВЕКА

Фотография вошла в жизнь человека более полутора столетий тому назад. На вопрос: «сколько лет фотографии?» - легко ответить любому, кто интересовался ее историей. Вычтите из даты текущего дня 7 января 1839 г. – и вы знаете ответ на вопрос! За 170-летний период фотография пребывала в постоянном развитии, самоопределении, утверждении в правах самостоятельного вида искусства и, что бесспорно, оказала огромное влияние на развитие цивилизованного общества.

В современной жизни в фотографии утвердились следующие популярные жанры: пейзаж, натюрморт, портрет, архитектурные снимки, интерьер, жанровая фотография, фоторепортаж, панорамная фотография, репродукция.

В данной статье речь пойдет о пейзажной фотографии и, в частности, о выдающемся представителе этого жанра – нашем земляке Яне Булгаке, имя которого известно далеко за пределами нашей страны.

Ян Булгак родился 6 (18) октября 1876 г. в д. Осташин на Новогрудчине (ныне – Кареличский район) в шляхетской семье Валерия Булгака и Юзефы Хотисской. В 1905 г. впервые взял в руки фотоаппарат, который его жена Анна получила в подарок. Помогая жене постигать азы фотографии, Ян сам увлекся настолько, что уже не расставался с фотоаппаратом никогда. Фотография стала стержнем его взрослой жизни, сделав одним из самых известных фотомастеров, а его работы приобрели огромное влияние на культуру Беларуси, Литвы и Польши [1].

Уже первые, ранние работы принесли автору успех и признание. Так, более 270 его снимков периода 1905–1911 гг. вышли в виде альбомного издания «Литва в фотоснимках Яна Булгака», в шести томах, где в форме оригинальных фотографических планшетов были представлены виды и пейзажные исследования литовского (белорусского) села, деревенские усадьбы и их интерьеры, а также памятные и живописные места Новогрудка, Свитязи, Мира, Несвижа, Крева, Тракая, Вилейки. В этот же период состоялось знакомство Яна Булгака с выдающимся виленским художником Фердинандом Рущицем, который дал фотографу уроки польской живописи и стимул к использованию художественной эстетики в фотографии [3].

Итак, уже будучи известным фотографом, в 1912 г. Булгак переезжает в Вильно и по рекомендации Рущица занимает пост городского фотографа. В целях повышения мастерства в этом же году он на несколько месяцев отправляется учиться к дрезденскому мастеру, одному из выдающихся немецких фотографов, Хуго Эрфурту. Булгак изучал не только фундаментальную фотографию, но и передовые эстетические направления европейской фотографии того времени. Впитывая новые знания, пропуская их сквозь призму собственного «я», этот традиционалист, воспитанный в духе Мицкевичевской усадьбы, генерирует собственные фотографические идеи. Начинается весьма плодотворный, насыщенный период его деятельности. В своей работе он стремился к тому, чтобы фотография перестала быть только ремеслом, а стала одной из ветвей искусства, равной в правах с живописью. Он прежде всего обрабатывал пейзажную фотографию, которую стали называть пикториальной. Для достижения эффекта живописи использовал темы, стилистику и подходы, которыми до этого времени пользовались художники-импрессионисты. В его фотографических работах, важной составляющей которых являлась «репродукция» окружающего света, действительность, сотворенная талантом мастера, явилась новым неповторимым творческим образом, который был интерпретацией, а не запечатлением пейзажа. Многие его работы этого периода носили характер «исследования формы», для которых происхождение мотива имело второстепенное значение. Он много раз возвращался к одной и той же теме, показывая ее с измененной с помощью света фактурой и преобразованного с помощью объектива фотографического пространства [2].

Будучи в Вильно, Булгак осуществляет фотографическую инвентаризацию архитектурных памятников Вильно и соседних районов. В результате, появляются 15 томов виленской архитектуры «Виленская элегия», «Вандройкі фатографа», «Віленскі краявід». С 1919 по 1939 г. Булгак руководит лабораторией художественной фотографии Виленского университета, периодически совершает экспедиции и много снимает.

С середины 20-х гг. Булгак интенсивно посылает свои произведения на отечественные и международные выставки художественной фотографии, получая многочисленные награды, в том числе на наиважнейших парижских и лондонских салонах, а также в Брюсселе, Амстердаме, Нью-Вестминстере, Кобе, Токио, Осаке, Дюссельдорфе, Нью-Йорке и многих других местах. Показательные цифры активности Булгака приводит американский ежегодник 1927/28 годов «Кто есть кто в художественной фотографии»: автор принял участие в 68 международных выставках с 261 работой (для сравнения: в них участвовало 26 польских авторов, представивших 722 работы) [4].

Еще одно знаковое событие, повлиявшее на развитие фотографии восточно-европейского региона – создание Булгаком в 1927 году знаменитого Виленского фотоклуба – элитарной организации, объединившей самых известных фотографов, стремившихся к совершенству своего художественного творчества. Их работы вышли в «Альманахе виленской фотографии», который стал примером для «Альманаха польской фотографии», изданного позже, органа Польского фотоклуба, одним из инициаторов его также был Булгак, руководивший обоими объединениями. Кстати, термин «фотографика» был введен в обиход именно Булгаком и обозначал художественную фотографию.

Его работоспособность была просто поразительной. Несмотря на значительные потери (во время бомбежки Вильнюса в июле 1944 г. сгорела фотографическая мастерская и архив с 10 тысячами снимков – большая часть его фотографического наследия), оригинальные работы и негативы сохранились в архивах Польши и Литвы. На Международной Булгаковской конференции в Вильнюсе в сентябре 2007 г. экспонировалась его выставка – 450 работ в 10 залах Национального художественного музея Литвы. Всего из Польши было привезено 700 работ мастера. Национальный архив Литвы сохраняет более чем 1900 стеклянных негативов Булгака. Отдельные работы мастера имеются в университете и Национальной библиотеке [4].

Но, что, безусловно, отличает Булгака от многих его коллег-современников – это его просветительская деятельность в области фотографии. В 20-х гг. он читал доклады, посвященные фотографии, в т.ч. на Виленском радио, был преподавателем на многочисленных курсах по художественной фотографии. В 30-х появились его фундаментальные труды, такие, как «Фотографика. Описание художественной фотографии» (1931), «Бромовая техника» (1933), «Эстетика света. Основы фотографии» (1936).

По окончании 2-й Мировой войны, с лета 1945 г. мастер поселился и продолжил свой творческий путь в Варшаве. Последние годы жизни он провел, освещая картину разрухи, а также красоту польской столицы, того, что уцелело. Отправляясь в тяжелых послевоенных условиях на открытом автомобиле в многочисленные поездки, он сохранил на своих снимках образ западных и северных земель Польши. На протяжении неполных шести лет вместе с сыном Янушем он выполнил около 8 тысяч снимков. В 1946 г. участвовал в организации Союза польских художников-фотографов и какое-то время был его первым президентом и председателем квалификационной комиссии.

4 февраля 1950 г. Яна Булгака не стало. Его наследие – это легенда, ученики и достижения в искусстве, немного забытые и вновь открываемые на протяжении последующих лет.

С 1971 по 1989 г. в Минске проводилась серия выставок фотографий под названием «Фотографика». Шесть выставок «Фотографики», на которых экспонировались только художественные работы (для Советского Союза случай небывалый!), выдержали испытание временем и определили, по крайней мере, минский вектор в развитии фотографии. Целое поколение белорусских фотографов из Минска, Могилева, Витебска, Гродно, Борисова, Лиды, Гомеля прошло через эти выставки. Для многих выставки «Фотографики» послужили толчком для увлечения фотографией [2].

В советской Белоруссии имя Булгака не было под запретом. Его гуманизм, фотографический романтизм его работ, его неполитизированная публицистика, прекрасная семья не давали поводов для этого. Но и полного умолчания было достаточно, чтобы о нем никто и ничего не знал. Еще в 1993 г. в Национальной библиотеке Беларуси о Булгаке можно было прочитать только в польской энциклопедии, что он – фотограф-этнограф, что у него много работ, в том числе о белорусах, и много медалей за эти работы.

К счастью, сегодня творческое наследие Яна Булгака знакомо многим белорусским деятелям культуры, науки, фотографам как профессиональным, так и любителям. Этому способствовал ряд мероприятий, предпринятых совместно государственными структурами и общественными организациями. Так, осенью 2001 г. в Гродненской области прошел Международный фотопленэр «Беларускі шлях Яна Булгака», приуроченный к его 125-летию. В нем приняли участие польские, литовские и белорусские фотографы. Он прошел на Новогрудчине: в Новогрудке, Валевке, поглотившей очень родные Булгаку Миратичи, на Свитязи, в Мире, Несвиже, Заосье, Щорсах. Организатором фотопленэра стала администрация Гродненской области, а движущей силой – фотоклубы Гродно и Минска. По результатам пленэра состоялась большая выставка, которая была показана в Гродно, Минске, Варшаве, Кельцах, Новогрудке. В честь юбилея мастера были изготовлены памятная именная медаль и конверт с маркой и спецгашением Белпочты. Был издан каталог выставки.

В 2004 году издательство «Беларусь» выпустило книгу «Край дзіцячых гадоў». Книга открыла для белорусов второй талант Булгака – талант литератора. Издание щедро иллюстрировано фотографиями автора (около ста работ).

Каждая новая находка, новое открытие возвращают Яна Булгака из забвения в белорусскую фотографию, в белорусскую культуру. Из несколько упрощенного статуса фотографа-этнографа он занял более соответствующее ему место фотографа-романтика, яростного проповедника творческой фотографии.

В заключение, приводим выдержку из автобиографической книги Яна Булгака «Край дзіцячых гадоў», которая может стать лейтмотивом работ любого художника, фотографа: «Самые красивые картины природы кажутся холодными и сухими, пока мы не установим с ними некую чувственную близость... ибо никогда природа не бывает такой прекрасной, как ее отражение в человеческой душе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгак, Я. Край дзіцячых гадоў / Пераклад з польскай мовы Т. Г. Вяршыцкай. — Мінск: Беларусь, 2004. — 415 с.
2. Казюля, Я. Дарогамі Яна Булгака // Голас Радзімы. 2000. 13 снеж. (№ 50). С. 5; 20 снеж. (№ 51). С. 5.
3. Парфянок, У. Ян Булгак, легенда трох краін // Мастацтва. 2001. № 9. С. 37—44.
4. <http://nsys.by/newtown/bulhak>.

ВАВРЕНЮК И.И.

Преподаватель кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ГОРОДЕ БРЕСТЕ В 1921 - 1939 ГГ.

В истории Западной Беларуси малоизучен вопрос исторической застройки городов в межвоенный период. В 1921 – 1939 гг. согласно условиям Рижского мирного договора город Брест (Брест – над – Бугом) находился в составе Польского государства. Историческая застройка и архитектура города были обусловлены политическими, социально-экономическими, культурными факторами. В этот период сохранились тенденции строительства в общероссийском направлении, существовавшие в довоенный период, но в то же время проявились тенденции следования общим направлениям архитектуры Польши. Объективной причиной этого явления была необходимость решения в первую очередь проблем восстановления города, налаживания коммуникаций и инфраструктуры, устройства жилого фонда.

К 1921 г. в Бресте было уничтожено около 2 500 домов из 3 670 и 1 500 изб из 1 700 (общей площадью 900 000 м.кв.), а также все фабрики и заводы, находящиеся на территории города [1]. Польские власти, войдя в город, получили руины, примитивные строения без коммуникативных артерий, являющихся необходимой составной частью большого города, которым, без сомнения, являлся Брест [2]. Первоочередной задачей являлось восстановление города. Её решением власти занимались на протяжении 1921-1927 гг. Была создана специальная комиссия по восстановлению города во главе с президентом Бреста-над-Бугом Т. Калуном. Особое внимание польские власти уделяли строительству жилых домов, на что магистрат Бреста – над - Бугом выделял по заявлениям жителей ссуды. Так, в 1927 г. на восстановление жилого фонда магистрат Бреста – над - Бугом выделил 86 жителям деньги на общую сумму 1 049 040 злотых [3]. Начальник окружной дирекции общественных работ, выступая против застройки деревянными домами города, объявил одной из задач дирекции создание красивого и благоустроенного центра города. По его мнению, застройка центра должна была быть каменной (2-х и более этажной), а все дома должны были иметь «культуральные приспособления» [4]. Если у застройщика не было средств на строительство такого дома и он не хотел брать ссуду, то он мог строить деревянный дом на каменном фундаменте, а со временем обложить его кирпичом. Кроме этого, глава окружной дирекции общественных работ подчеркнул, что в городе есть необходимость построить районы блочных домов для интеллигенции и чиновников. С 1925 г. преимущественно получением ссуд пользовались именно такие застройщики [5]. В целом по городу предпочтение отдавалось строительству 1-, 2- этажных каменных домов [6].

К 1926 г. в Бресте – над - Бугом было построено 4 жилых комплекса (колонии) (служебная колония «Тартак» (3 деревянных дома), служебная колония «Тартак» (20 деревянных зданий), служебная колония «Каменная» (21 каменное здание), служебная колония «Схрониско» (2 каменных и 12 деревянных зданий)⁷. Дома строились по типовым проектам польских архитекторов. При застройке ул. Пулавского использовались проекты знаменитого архитектора Ю. Лисецкого. Застройка была представлена домами с мансардными этажами на одну или две семьи в «народовом» стиле. Все здания колоний для чиновников строились за государственные деньги. В оформлении зданий использовалась художественнаяковка (решётки, ограждения, декоративные элементы и др.). В архитектурном облике также использовались стилизованные элементы готики и барокко.

Фасады жилых зданий центральной части города были декорированы металлическим кружевом козырьков, балконов и ограждений. Жилые здания зачастую были экономически ориентированы (использовались для ремесла, торговли и т.п.), отличались следующими особенностями: имели подвалы (они служили складскими помещениями, погребями), полуподземный цокольный этаж (где находились лавки, магазины, ремесленные мастерские и т.п.), жилые помещения (зачастую делились по цели использования на две части – для владельца и для сдачи внаём).

Если в центре города преобладали 1-, 2-х этажные кирпичные здания, то на окраинах строились в основном деревянные одноэтажные дома сельского типа. Частным застройщикам предместий выделяли по необходимости ссуды в размере 1 000 злотых. Если дом у них уже был, а необходимо было только построить печь, накрыть дом крышей и т.п. – дополнительно выделяли 500 злотых [8].

За средства мецената И. Вайнберга при поддержке «Джойнта» в 1920 – 1925 гг. для еврейских малоимущих семей была построена деревянная колония им. Ф.М. Варбурга на Киевском предместье [9]. Согласно проекту, колония состояла из 12 деревянных 2-х этажных домов и синагоги. Каждый дом делился на 6 - 8 квартир с отдельными входами, кухнями и верандами [10]. Колония представляла собой уникальный комплекс деревянного наследия.

В 1925 г. городские власти в санитарно-гигиенических, противопожарных целях разработали «Условия ремонта и строительства различных объектов». В документе оговаривались вопросы наклона крыш различных построек, материалы различных конструкций и т.п. В связи с тем, что застройка города была преимущественно деревянной и скученной, то были введены многие ограничения. Например, в противопожарных целях двери жилых домов с двух сторон должны были обиваться жостью [11]. Кроме вышеупомянутого документа, были разработаны «Санитарно-гигиенические правила устройства зданий». По мнению авторов документа, здание с точки зрения гигиены должно быть тёплым зимой и прохладным летом, достаточно осветлённым, сухим и чистым. Для того, чтобы проживание в доме не пошло во вред здоровью человека, строителям рекомендовали к использованию целый ряд строительных материалов [12]. Таким образом, можно сказать, что польские власти стремились не только обеспечить население жильём, но и сделать его комфортным и надёжным.

С 1924 г. было введено требование согласовывать проекты строительства любых зданий у городских властей, но это не всегда выполнялось. На значительной части города и к 1939 г. имелись большие пустоши, а районы города Киевка и Граевка застраивались зачастую стихийно. Планомерной застройки всех районов города не велось. В 1928 г. была создана комиссия по определению границ города, которая очертила границы города и сделала план. Согласно плану, к городу относились территории, ограниченные улицами Граевской, Мещанской, Госпитальной, Набережной, двумя улицами Граевского предместья (без названия) [13].

Финансирование решения жилищного вопроса в Бресте-над-Бугом проходило за счёт государственного бюджета, частных средств, благотворительных фондов и организаций. К 1927 г. в центре города было построено 730 каменных домов и 2530 деревянных изб. Планировалось ещё построить 1 770 домов к 1929 г. [14], но и к 1939 г. жилищный вопрос в городе не был решён.

Для нужд администрации города было приспособлено или построено 38 каменных зданий преимущественно в центральной части города [15] полесского воеводского управления, поветового староства, две биржи труда (государственная и окружная), пожарная станция, управления государственных акциз и монополий, охотничья станция, польский банк в стиле классицизма и др. На углу улиц Листовского и Переца располагалось здание Городского суда в стиле модерн. В городе находились и две тюрьмы – женская и мужская.

С целью благоустройства города польские власти предприняли следующие меры: упорядочили нумерацию домов и названия улиц; часть улиц заасфальтировали, уложили брусчатку, озеленили центр города; в центральной части города устроили сети ливневой и хозяйственно-бытовой канализации, а также центрального водоснабжения; построили электростанцию и др. Только в 1930 – 1932 гг. на улицах города по распоряжению магистрата было высажено 12 346 деревьев [16]. Город постепенно преображался.

Благодаря своему благоприятному геополитическому положению, полиэтничности и поликонфессиональности населения в городе были представлены различные культовые здания, которые являлись архитектурными доминантами Бреста над Бугом (более 30 зданий различных конфессий).

Наибольшее количество культовых зданий было у иудеев в силу их урбанизированности (в 1921 – 1931гг. - 44 - 72,3% от общего числа жителей города) [17]. Особенностью архитектурного облика города было наличие в центральной части планировочной структуры города Большой (Главной) синагоги. Она являлась уникальным сооружением: внутри – прямоугольный объём, минимальный декор фасадов, шатровая крыша. Данные о планировке неоднозначны: одни исследователи считают, что это было восьмигранное в плане здание [18], другие – шестигранное [19]. Большая синагога в Бресте над Бугом была лишь одним из множества молитвенных иудейских домов и синагог города. В 1926 г. в городе насчитывалось 47 синагог и иудейских молитвенных домов (божниц) [20], в 1934 г. - Большая синагога и 29 божниц – «Зелёная», «Фишель», «Кобринская», «Новая», «Хайе - Одом», «Карлинер», «Слонимер», «Братство святое» и др [21]. Количество синагог и иудейских молитвенных домов изменялось под воздействием государственной политики Польского государства, пауперизации еврейского населения, антисемитизма и др. Располагались божницы преимущественно в центральной части города - по улицам Домбровской, Длинной, Листовского, Широкой, Тополёвой, Петровской, Николаевской, Госпитальной. Размещение божниц и синагог определялось расселением иудеев в определённых районах города, сложившееся исторически по мере переноса города с территории Старого города на 2 форштадта, диктовалось ритуальными традициями, определялось требованиями военных и гражданских властей, диктовалось материальными возможностями и духовными потребностями еврейской религиозной гмины города, демографическим развитием иудеев региона, наличием различных течений иудаизма. Территориальное обособление евреев диктовалось глубоко традиционным жизненным укладом евреев, их представлением о комфортности жизненного пространства и субботными законами зрува, не позволявшими преодолевать большие расстояния в праздник шаббат [22].

Архитектура божниц была разнообразной, что обуславливалось многими причинами: во-первых, влиянием различных культурных наследий, художественных стилей, получивших распространение на территории региона; во-вторых, влиянием различных религиозных течений; в-третьих, материальным достатком общины. Согласно ограничениям, которые налагались властями, синагоги и божницы не могли быть выше жилых домов и иметь богатый декор; они по большей части занимали «островное» положение в окружении значительно более низкой и бедной застройки. Согласно сохранившимся данным Государственного архива Брестской области [23] можно охарактеризовать их архитектуру следующим образом. Основную эстетическую нагрузку несли главные фасады зданий, боковые оставались аскетически простыми, практически без каких - бы то ни было элементов декора. Для архитектуры брестских божниц были характерны безбашенные постройки просторного объёма с высокой крышей сложной конфигурации. В божницах наблюдалось сочетание традиционных элементов синагогиального строительства с чертами гражданской архитектуры. Все божницы города принадлежали к так называемому общегражданскому типу. Они были практически растворены в рядовой застройке города. И только специфическая иудейская символика являлась композиционным акцентом здания, выделявшим его на фоне преобладавшей одно-, двух-, реже – трёхэтажной застройки города. Опознавательными знаками божниц стали каменные скрижали, венчающие главный фасад синагоги и ассоциирующиеся с образом горы Синай, на которой Моисей получил эти каменные таблички с десятью заповедями, а также шестиугольная звезда - Маген-Давид, которую часто водружали на шпиль купола или включали в оконный переплет витража, или как элемент портика [24].

В силу политики колонизации в межвоенный период в городе новых православных храмов не было возведено, но действовали ранее построенные. В Соборном переулке, на углу улиц Белостокской и Зигмунтовской, находилась православная церковь св. Симеона, которой принадлежало здание непосредственно церкви, построенное в XIX веке, и 10 жилых зданий. Православная церковь св. Николая находилась на пересечении Братского переулка и улиц Домбровского, Мицкевича и Длинной [25].

Несколько зданий в городе принадлежало римско – католической парафии: 1) каменные костёл с плебанией на пересечении улиц Люблинской унии, 3 Мая, Сенкевича, Зигмунтовской; 2) каменные костёл и плебания по ул. Мещанской, 9; 3) каменные костёл и каплица по ул. Стецкевича, 20. Католические каплички (в основном, деревянные) были и при больницах, госпиталях города: городской по ул. Ягеллонской, 80; железнодорожной по ул. Мещанской, 76 [26].

Христиане – евангелисты построили себе деревянный молитвенный дом по ул. Собесского, 42 на 250 человек. На углу улиц Костюшки и Стецкевича, 64/28 работал на первом этаже двухэтажного дома молитвенный дом евангелистов – августинцев. Рада их костёла находилась по ул. Костюшки, 36 [27].

Благодаря особому геополитическому положению и культурным связям архитектура культовых построек 1921 – 1939 гг. города впитала черты различных архитектурных стилей: готики, неоготики, барокко, классицизма, неоклассицизма, эклектики, неорусского стиля и др.

Преимущественно в центральной части города располагались и промышленные предприятия города, что определялось расположением транспортных артерий и торгово-складских объектов. Они были сравнительно небольшими, что обуславливалось государственной политикой Польши [28]. Их количество постоянно изменялось: в 1923 г. – 13 (предприятие Государственной монополии спиртового производства по ул. Домбровского, 1; паровая мельница Ковартовских по ул. Собесского, 99; пивоваренный паровой завод «Корона» на железнодорожной станции Брест IV; лесопильный завод и паровая мельница по ул. Люблинской, 106 Михельсона Песаха; лесопильный паровой завод фирмы «Ласков» по ул. Зигмунтовской, 5; механизированная пекарня «Варшавянка» по ул. Собесского, 93; пекарня «Хубена» Станислава Хубена по ул. Стецкевича, 17; пекарня «Ленцкого» по ул. Мещанской, 8; пекарня «Каминского» по ул. Домбровского, 142 Соломона Каминского; пекарня «Рашкеса» Ёселя Рашкеса на пл. Пилсудского, 15; пекарня Глузмана Файвела Глузмана по ул. Белостокской, 4; масляной завод Лейбы Зайдмана по ул. Листовского, 64) [29]. В 1924 г. в городе было построено 2 бетонных завода (всего по Полесскому воеводству таких заводов было 9) [30]. В 1926 г. стали работать: в Церковном (Братском) переулке - фабрика «Медия», по ул. Мицкевича, 34 – фабрика «Рекорд», на ул. Николаевской, 27 – фабрика гильз для папирос, по ул. Люблинской унии – лесопилка «Возрождение Полесья» [31]. Кроме названной лесопилки, в городе в том же году работали ещё 5 аналогичных предприятий [32]. В «Списках промышленных предприятий на территории Брестского повета» за 1927 г. числится 25 промышленных предприятий (паровые мельницы, масляные фабрики, моторные мельницы, мастерские свечей и др.) [33]. В аналогичном документе за 1930 г. по городу числится всего 10 предприятий [34], что было обусловлено экономическим кризисом и планомерной политикой польских властей. Кроме вышеназванных предприятий, в городе работали: ватно-войлочная фабрика фирмы «Гельват», цехи по переработке шерсти, около 9 небольших типографий, механические мастерские фирмы «Рамо», железнодорожные мастерские, государственные мастерские, арендованные фирмой «Продукт» [35]. Также была построена Городская электростанция по ул. Садовой, 39. Чуть позже стали действовать железнодорожная электростанция на станции Брест-Центральный и Речная электростанция по ул. Ягеллонской, 137 [36].

Самыми крупными в городе были лесопильные заводы (от 25 до 80 рабочих), выпускавшие часть продукции на экспорт [37], а самыми распространёнными были мелкие предприятия, на которых работали 3-5 человек (зачастую включая и хозяина предприятия). В 1925 г. одних только пекарен по городу насчитывалось 81, причём 12 из них - для выпечки мацы [38]. Обыкновенные пекарни выпекали различные кондитерские изделия и отправляли их в разветвлённую сеть лавок, кондитерских, кофейных, ресторанов, чайных и отелей, расположенных в центре города.

На рынок производили продукцию и ремесленники различных профессий (портные, швеи, пекари, художники, столяры, парикмахеры и др.). В 1926 г. их в городе насчитывалось 510 [39]. Ремесленные мастерские находились преимущественно в центральной части города по улицам Домбровского, Стецкевича, 3-го Мая, Длинной и др. Зачастую сама мастерская занимала первый этаж или часть жилого дома.

Для культурного времяпровождения в городе действовали 6 кинотеатров: «Адриа», «Мираж», «Сарвера», «Железнодорожный огонёк», «Коалиция», «Железнодорожное» [40]. По ул. Ягеллонской работали бильярдные Саски и Гетля, по ул. Стецкевича – клуб Глейзера, в районе Сои – стадион [41]. Желаящие могли приятно провести время в ряде ресторанов, баров, кофейных, пивных. В 1926 г. в городе таких заведений было 19 (7 ресторанов, 6 кофейных, 5 кондитерских, 1 пивная) [42]. В 1927 г. открылись ещё 5 ресторанов, 11 пивных и корчма. Кондитерскими изделиями население города и гостей города обеспечивали 69 пекарен [43].

Улицы 3 Мая, Домбровского, Ягеллонская были «царством Меркурия», где, поблескивая витринами, манили к себе магазины. По ул. Ягеллонской в стиле классицизма были Торговые ряды, являвшиеся одними из крупнейших сооружений города.

В 1928 г. на месте разрушенного во время военных действий был построен новый Центральный вокзал. Фасады вокзала были выполнены в так называемом «стиле народом». Это стиливое направление сочетало в себе черты ренессанса, барокко и традиционного польско-белорусско-литовского народного зодчества. Другая железнодорожная станция – Брест-Полесский – была намного скромнее [44]. Жители пользовались и услугами автобусной станции, которая была построена в 1931 г. [45]. Но большинство гостей в город приезжало по железной дороге. С Центрального вокзала в центр города можно было добраться через деревянный пешеходный мост, который соединял ул. Стецкевича и Граевское предместье, или на машине по ул. Люблинской унии. Приезжие останавливались в отелях либо меблированных комнатах, которых в городе в 1926 г. насчитывалось 13 [46].

Органично вписывались в застройку города медицинские здания. В 1921 г. в городе функционировали 3 больницы и 1 лечебница. Самая старейшая из них – Еврейская больница - была построена в 1860 г. на пожертвования еврейской

общественности [47]. Возглавляемая Иоффе И., больница отличалась своей оснащённостью: 19 палат для больных на 100 коек, операционная, родильный зал, 2 приёмных кабинета, врачебные кабинеты и единственный в городе кабинет рентгеноскопии [48]. Железнодорожная больница была построена в годы Первой мировой войны. Некоторое время она не работала и возобновила свою работу благодаря королеве Елизавете Бельгийской. В 1926 г. больница, включавшая 22 здания (3 больничных корпуса с хозяйственными помещениями, 2 дома для больничного персонала, склад, конюшня, прачечная, сторожка, морг с каплицей, оранжерея и др.), была отдана Полесскому управлению железной дороги [49]. В 1923 г. по Ягеллонской, 80 была открыта Городская больница, принадлежавшая Полесскому воеводскому отделу. В январе 1926 г. она была отдана в распоряжение магистрата. Больница включала 3 каменных и 4 деревянных постройки, 2 павильона для больных, отдельный корпус для инфекционных больных, здание для администрации больницы, хозяйственные постройки, сторожку, морг и капличку [50].

В 1926 г. была построена Полесская лечебница, которая была сравнительно небольшой и одновременно могла принять только 12 пациентов [51]. В городе также имелись и венерический, туберкулёзный, трахомный диспансеры [52], работали частные специалисты. Вторыми по значимости лечебными учреждениями являлись аптеки, которые не только продавали лекарства, но и оказывали медицинскую помощь. В 1921 – 1939 гг. в Бресте функционировало 8 аптек и 15 аптечных складов [53].

На территории города находились и кладбища: православное на Тришинском предместье, католическое по ул. 3 Мая, иудейское на Киевском предместье, военное.

Строительство жилых колоний и внедрение новых градостроительных концепций (планомерная застройка городского центра, присоединение новых районов, формирование нового административного центра и т.п.) привели к изменениям в планировочной структуре города. Город планомерно застраивался в юго-западном направлении. В целом развитие застройки центра Бреста проходило в достаточно разнообразных формах, что обусловило её некоторую бессистемность. В архитектуре Бреста этого периода были ярко выражены тенденции рационалистической направленности, что объяснялось влиянием западной художественной культуры. В 1920-е годы в постройках города преобладали элементы неоклассицизма, в основе которого лежали принципы симметрии, геометризма, уравновешенных объёмов, регулярности планировочных решений и традиционных декоративных форм. Образность и эмоциональность достигались за счёт выразительности и своеобразия пространственной композиции, оригинального декоративного насыщения.

Здания, возводимые в 1921-1939 гг., не имели общей архитектурной направленности. Доминировали стили неоклассицизма и модерна, а позднее - функционализма, существовали и различные эклектичные течения. Сосуществование различных архитектурных направлений разнообразило средства художественной выразительности зданий города. Однако существовал некоторый распад стилевого единства, что обуславливало существование различных эклектических течений. В 1930-е годы проявления этих тенденций выливаются в абсолютное доминирование в архитектуре жилых и общественных зданий конструктивизма (функционализма), который оказал существенное влияние и на принципы организации городского пространства. Польские архитекторы, опираясь на национальные традиции, использовали в своём творчестве новаторские идеи и опыт ведущих европейских теоретиков и проектировщиков (Говарда, Ле Корбюзье, Гропиуса и др.) [54].

Необходимо отметить, что сохранившиеся элементы исторической застройки города Бреста 1921-1939 гг. являются памятниками градостроительства и архитектуры первой половины XX в. и в случае их реставрации могут быть использованы в туристической, краеведческой, педагогической, научной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 864. – Л. 3.
2. Срока, Е. В Бресте – над - Бугом. С минувших лет / Е.В. Срока // Слово Подлесья. - 1993. - № 15. - С. 11.
3. Вавренюк, И.И. Восстановительные работы в Бресте –над -Бугом (1921-1939гг.) / И.И. Вавренюк // Актуальные проблемы современной науки и образования. Исторические науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. III.- Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. - С. 269 - 274.
4. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 5. – Д. 604. - Л. 2.
5. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 5. - Д. 616. - Л. 3.
6. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 1585. - Л. 16.
7. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 1. - Д. 89. - Л. 63-64.
8. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 5. – Д. 604. - Л.2.
9. ГАБО. – Ф. 5. - Оп. 1. - Д. 1927. - Л.1.
10. ГАБО. – Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 44. - Л. 24-26.
11. ГАБО. - Ф. 1. – Оп. 5.- Д. 604. - Л.18.
12. ГАБО. - Ф. 1. – Оп. 5. - Д. 604. - Л. 71.
13. Аліферук, І.І. Праблемы добраўпарадкавання г. Брэста ў міжваенны перыяд / І.І. Аліферук // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Брэста: У 2-х кн. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – Кн.1. - С. 241-243.

14. Вавренюк, И.И. Политика польских властей по вопросу исторической застройки Бреста -над -Бугом (1921-1939гг.) / И.И. Вавренюк // Содружество наук. Барановичи -2011: материалы VII Международной научно-исследовательской конференции молодых учёных, 19-20 мая 2011г., г. Барановичи: в 2-х ч. - Барановичи: РИО БарГУ, 2011.-Ч.2. – С. 9 – 10.
15. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1 – Д. 3079. – Л. 3 - 8.
16. ГАБО. Ф. 1. - Оп. 1. –Д.11. – Л. 10 - 11.
17. Вавренюк, И. Демографические процессы еврейского населения Полесского воеводства (1921-1939) / И. Вавренюк // Тирош - труды по иудаике. – М., 2011. – Вып. 11. – С. 135 -149.
18. Брест. Энциклопедический справочник. – Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки», 1987. – С. 80 – 81
19. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора / Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.:С.В. Марцелов (гл.ред.) [и др.] – Мн.: БелСЭ, 1990. – С. 71.
20. ГАБО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 2390. - Л. 2 - 2об.
21. ГАБО. – Ф. 93. – Оп. 1 – Д. 3079. - Л. 4 -5.
22. Po żydowsku: tradycje judaistyczne w kulturze i literaturze / pod red. Daniela Kalinowskiego; Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku. Adres wyd. Słupsk : Wydawnictwo Pomorskiej Akademii Pedagogicznej, 2005. – S. 61-71.
23. ГАБО. – Ф. 5. - Оп. 3. - Д. 3204. - Л. 2.; ГАБО. – Ф. 5. - Оп. 3. - Д. 3203. Л. 1.
24. Вавренюк, И.И. Архитектура иудейских молитвенных домов Бреста – над – Бугом (1921 – 1939 гг.) / И.И. Вавренюк // III Международная научно - практическая Интернет – конференция студентов и аспирантов «Энергия науки» (Ханты – Мансийск) / Отв. ред. А.С. Змановская, И.С. Балов [Электронный ресурс]. – Ханты-Мансийск: Изд. Югорского гос. университета, 2013.- 1 электрон. опт. диск – С. 36-39.
25. ГАБО. - Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 3079. – Л. 3.
26. ГАБО. – Ф. 93.- Оп.1. - Д. 3079.- Л. 8.
27. ГАБО. – Ф. 93.- Оп.1. - Д. 3079. – Л. 8.
28. Вавренюк, И.И. Развитие промышленности Полесского воеводства (1921 – 1939 гг.) / И.И. Вавренюк // IV межвузовская научно – методическая конференция молодых учёных, 15 – 17 мая 2002 г.: сб. материалов. – Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2002. - С. 53 – 54.
29. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1.-Д. 3079. - Л. 11.
30. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 895. - Л. 7.
31. ГАБО. - Ф. 93.- Оп. 1. - Д. 46. - Л. 22.
32. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 3. - Д. 895. - Л.45.
33. ГАБО. - Ф. 93. - Оп.1. - Д. 51. - Л. 24.
34. ГАБО. - Ф. 2. - Оп. 1. - Д. 2931. - Л. 1.
35. Науменко, В.Я. Брест. Историко - экономический очерк / В.Я. Науменко / . Минск, 1977. - С. 78.
36. ГАБО. Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 3079. - Л. 8.
37. Брест. Энциклопедический справочник. – Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки», 1987. - С. 21 – 22.
38. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 44. - Л. 42 - 44.
39. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 44. - Л. 13-46.
40. ГАБО. - Ф. 2. - Оп. 1. - Д. 193. - Л. 12.
41. Станция конечная - Бронная Гора // Вечерний Брест. – 1996. - №2. – С. 8.
42. ГАБО. – Ф. 93. –Оп. 1. – Д. 44. - Л. 45-50.
43. ГАБО. - Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 44. - Л. 50 – 52.
44. ГАБО. - Ф. 5. – Оп. 1. - Д. 859. - Л. 2.
45. ГАБО. - Ф. 5. – Оп. 1. - Д. 1298. - Л. 3.
46. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. – Д. 3079. - Л. 9-11.
47. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно.- Ф. 8. – Оп. 2. - Д. 404. - Л. 9.
48. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1.-Д. 3079. - Л. 11.
49. ГАБО. - Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 1217. - Л. 243.
50. ГАБО. - Ф. 93. - Оп. 1. - Д. 3079. - Л. 10.
51. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 1217. - Л. 243.
52. ГАБО. - Ф. 1.- Оп. 4. - Д. 1207. - Л. 74.
53. ГАБО. - Ф. 1. - Оп. 4. - Д. 1226. - Л. 4.
54. Воробей, А.В. Особенности архитектуры Бреста межвоенного периода / А.В. Воробей // Вестник Белорусской академии архитектуры.- 2003. - № 2. – С. 13.

КОРОЛЬ А.И.

Студентка Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь

Научный руководитель: Е.С. Розенблат, к. и. н., доцент

ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пресса – один из важнейших элементов жизни общества. В начале XX века её роль особенно возросла. Пресса стала доступной для широких масс населения и успешно внедрилась в только зарождавшуюся массовую культуру. Девиз этой новой массовой прессы «Обо всём и для всех» исключил какие-либо ограничения как в отношении обсуждаемых на страницах газет тем, так и в отношении целевой аудитории. Велико было её влияние и в возрождённой в 1918 году Польской Республике.

Восстановление независимости и объединение польских земель создали условия для быстрого развития прессы, которая стала средством интеграции польского общества. Развитию польской национальной прессы способствовали политические, социально-культурные, экономические факторы, законодательство и технические условия. Возобновили свою деятельность большинство изданий, публиковавшихся до 1914 года. Появились и новые виды печатных изданий - журналы популярные, иллюстрированные журналы и приложения к газетам, газеты о спорте, о фильмах, дешёвые издания (так называемые пятигрошники), бульварная пресса.

Ключевым фактором развития польской прессы было достаточно либеральное законодательство того периода. В Польской Республике существовала свобода прессы, что провозглашалось в 135 декрете Министерства внутренних дел о временном положении прессы от 7 февраля 1919 г. [1, С.135], а позже в Польской Конституции 22 марта 1921 г. [6, ст.105].

К издательскому делу мог быть причастен любой обыватель, соответствующий определённым требованиям и соблюдавший определённые условия, которые оговаривались в декретах Министерства Внутренних дел. В них определялись правила организации работы печатных издательств, оформления изданий. Там же оговаривалась и форма контроля со стороны властей. Категорически запрещалась публикация материалов порнографического характера и в целом противоречащих нормам права и морали, либо материалов, касающихся проституции и склонностей, противоречащих природе. Без позволения военных властей запрещалось оглашение информации, касающейся движения войск и средств охраны государства [1, С.2]. Однако превентивная цензура как таковая не существовала. Цензура носила казуальный репрессивный характер, причём наказания в Польской Республике осуществлялись по уголовному праву государств, в состав которых входили ранее те или иные земли Второй Речи Посполитой. Так, на территории Полесского воеводства, как и всех земель восточных, оставалось в силе Российское Уголовное Уложение 1903. г. Однако часть статей 15 главы («О нарушении постановления о надзоре за печатью») подлежали изменению и дополнению.

Непосредственно цензуру печатных изданий, а также театральную и кинематографическую цензуру, осуществлял 12 отдел Министерства внутренних дел – отдел по делам прессы. На местах пресса находилась под контролем Народного Комиссара (в Варшаве Главного Инспектора Полиции), а также специального чиновника по делам прессы, подчинённого 12 отделу. Первый экземпляр каждого печатного издания должен был быть бесплатно доставлен чиновнику по делам прессы, который анализировал его содержание. Если издание не проходило цензуру, оно подвергалось аресту. Однако окончательно дело об аресте в течение месяца решал суд, без согласия которого распоряжение об аресте теряло свою силу. Выполнение распоряжения об аресте возлагалось на местные полицейские власти. Аресту могли подвергаться и зарубежные издания. Так, на территории Полесского воеводства было запрещено распространение газеты «Новая Россия» [8, Л.87], издаваемой в Софии в 1922-1923 гг. русскими эмигрантами и известной своей просоветской ориентацией, а также литовская газета «Rigas Balsas» за «включение артикулов, содержащих заведомо фальшивые известия о Польше» [9, Л.92].

Однако арест печатных изданий в первые годы существования Второй Республики был скорее исключением, нежели правилом. Нетрудно проследить, что атаки властей была направлены, прежде всего, на прессу коммунистическую и прессу славянских меньшинств. Это подтверждают официальные данные МВД. Так, за 1924 г. отдел прессы министерства рассмотрел 99 парламентских запросов по делам прессы. Из них 56 принадлежат Клубу Украинскому, 18 Коммунистической Фракции, 8 Клубу Белорусскому, 6 Клубу Еврейскому, 4 Польской Крестьянской партии «Возрождение», 3 Польской Социалистической партии и по одной от Народной Национальной Ассоциации, Христианской Демократии, Крестьянской радикальной партии и Независимой Христианской партии [4, С.12].

Но, несмотря на рост за короткий срок числа новых газет и журналов (в частности, в восточных воеводствах число белорусских изданий выросло с 6 наименований в 1921 году до 14 в 1926 году) [3, С.116], неумолимо росло число закрывавшихся. И причины тому были не всегда экономические. Помимо конституционных запретов, появлялись элементы превентивного, т.е. предварительного контроля (к числу которых относится, например, конфискация газет до их распространения).

Такие меры в первую очередь касались политической печати, играющей важную роль в жизни любого государства. Она существует во взаимосвязи с политическими партиями, общественными и религиозными организациями, группами интересов и аппаратом власти. В Польской республике эти связи проявились в большом разнообразии.

Сильные и имевшие большое значение крестьянские партии, как правило, не имели отвечавшей их значению печати, что вытекало из низкого уровня культурного развития польской деревни. Из остальных крупных партий только социал-демократическая ППС создала в меру централизованную систему печати, в то время как другие партии – центристские и правые – опирались на симпатизировавших им частных издателей. Среди общественных организаций сильную и многочисленную печать имели профсоюзы, а в первую очередь католическая церковь, которая имела возможность влиять на многочисленные правые газеты и журналы. Однако сама она опиралась главным образом на еженедельные и ежемесячные журналы, которые в политической жизни не имели непосредственного значения. Промышленные и финансовые группы давали понимание значения печати для своих ближайших и перспективных интересов, но в их распоряжении находилось лишь несколько газет. Что касается взаимосвязи печать-аппарат, то стоит отметить, что перспективной политики по отношению к прессе в первые годы существования Второй Речи Посполитой не проводилось. Власть на тот момент ещё не имела возможности в полной мере использовать прессу в своей политической деятельности. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в политической жизни общества не установилось доминирования одной партии или политической группы. Это предопределило слабость государственного аппарата. Парламентские коалиционные правительства были недолговечны, существовали от недели до полугода. За это время они не успевали даже выработать правительственную программу по наиболее насущным вопросам экономической и политической жизни, не говоря уже о вопросах цензуры. Во-вторых, процесс создания административного аппарата, в том числе и органов цензуры, ещё не был до конца завершён. Как результат - нейтрализация враждебных изданий либо подкуп коммерческих газет осуществлялся лишь время от времени. С одной стороны, это показатель демократичности государства, но с другой - достаточно мягкая цензурная политика стала одним из факторов, обусловивших падение этой самой парламентской демократии и установление режима санации, определившего совсем иную ситуацию в общественной жизни Польской Республики вплоть до конца её существования.

Всё большее распространение после Первой мировой войны получает пресса, ориентированная на массового читателя. Это и женские журналы, и журналы, посвящённые кинематографу, бульварная пресса. Значительной популярностью среди них пользовались, к примеру, газеты издательства города Лодзь «Республика» («Республика», «Иллюстрированный Экспресс», «Вечерний иллюстрированный Экспресс»), а также «Варшавского дома Прессы Польской» («Информационный и телеграфный курьер», «Утренний Экспресс») и другие [2]. Также массово издаётся католическая пресса, как например газета «Непорочный рыцарь», «Католический проводник». Они издавались огромными тиражами (соответственно 700 тысяч и 250 тысяч экземпляров) и имели огромное влияние на население, чего не наблюдалось в странах развитого капитализма [3, С.197]. Примерами изданий, посвящённых экономической жизни страны, служат журналы «Экономический обозреватель», «Национальная экономика» [2]; общественно-культурной – «Литературные ведомости» М. Грыдзевского, просанационная «Вертикаль», «Прямо от моста» издательства «Культура» и сатирический журнал «Шпильки» [2].

Пару слов стоит сказать о журналистах, обозревателях и редакторах печатных изданий. Первыми журналистскими организациями были местные ассоциации журналистов (в том числе действующий до сих пор, основанный в 1912 году, Синдикат журналистов Кракове; основанный в 1919 г. Синдикат журналистов в Варшаве и Великой Польше; в 1920 – Львовский, Поморский, Вильнюсский; 1923 г. – Силезский, Домбровский, Лодзи). В 1924 году они образовали Союз синдикатов польских журналистов [2]. Среди наиболее известных деятелей журналистики того периода выделяются фигуры Адольфа Марии Бохеньского, который прославился также как историк и герой Второй мировой войны; Витольда Гевжыньского, который работал в таких изданиях, как «Знание», «Польская мысль», «Польский курьер», «Эпоха», «Утренний экспресс», «Мир», «Красный курьер», редактировал «Новый Курьер Лодзи», основал Лигу по защите прав человека, являлся автором обзора «Варшавская пресса в 1661 -1914 г.»; Ксаверия Прушинского, известного в качестве писателя и дипломата.

Исследуя развитие прессы в Польской Республике, необходимо затронуть тему прессы национальных меньшинств. Еврейская пресса (в основном на идише и иврите) насчитывала 364 наименования, в том числе 20 ежедневных газет, крупнейшими из которых были сионистский «Дер Хаинт» (основанный в 1908 году), «Дер Момент» (примерно в 1910 году), «Науэр Фолксблат», «Наш обозреватель», «Последние новости», «Новый журнал» 1920 года [2]. Немецкая пресса насчитывала в общей сложности 106 наименований. Самого большого тиража достигли газеты: «Курьер Верхней Силезии», «Немецкий обозреватель», «Свободная пресса» [2]. Украинская пресса насчитывала в общей сложности 68 наименований, издавалась небольшим тиражом. Наиболее важную роль играли львовские журналы: «Діло» (1880), «Новое время» и «Украинские вести» (оба появились в конце 30-х годов) [2]. Белорусских было в общей сложности 16 журналов и газет, литовских и русских - примерно по 10 наименований [2].

Правительство проявляло завидное рвение в деле противоборства прогрессивным тенденциям развития прессы национальных меньшинств. Белорусские послы сейма неоднократно поднимали вопросы преследования периодической печати. Только с 1922 по 1926 год ими было направлено 6 запросов, непосредственно касавшихся газеты «Крыніца» [7, С.72]. Но, пожалуй, самым обстоятельным был запрос послов Клуба крестьянско-рабочей громады по делу о возрастающем преследовании белорусской прессы, в частности - конфискации газет. В нем отмечалось, что «ни в одном случае из всех (...) решение правительственного комиссара не было объявлено во время, показанное в официальных постановлениях», а так же указывалось на факты установления слежки за подписчиками [7, С.72].

В запросе приводились и конкретные цифры по конфискации газет: с декабря 1922 года по 15 ноября 1925 года было конфисковано 49 номеров пятнадцати наименований западнобелорусских газет [6, С.72]. Конфискации были одним из самых лёгких и, как тогда казалось многим, действенных способов борьбы против национального движения.

Часто редакции белорусскоязычных изданий даже не пытались выяснить повод, послуживший причиной закрытия или временной приостановки работы газеты, а приступали к немедленному изданию газет под новым названием. Так, например, поступила Белорусская революционная организация (БРО), когда в январе 1923 года был закрыт ее партийный орган - еженедельная газета «Наша будучыня», на страницах которой освещались темы освободительного движения на территории Западной Беларуси, деятельность Белорусского посольского клуба в сейме, вопросы экономического развития Польши, состояния белорусской школы, организации кооперативного движения, соцстрахования. За неполные два месяца существования газеты вышло 9 номеров, из них 2 было конфисковано [3, С.73].

После закрытия «Нашай будучыні» БРО стала издавать с периодичностью три раза в неделю «Вольны сцяг» (5.06 - 25.10.1923). Но из-за преследований властей Польши и эта газета выходила под разными названиями: «Наш сцяг», «Падняты сцяг», «Сцяг», «Сцяг народа», «Вольны сцяг», «Сцяг волі», «Воля народа» [3, С.73].

И всё же для польской прессы период с 1921 по 1926 год был наиболее благоприятным за всё время существования Второй Речи Посполитой. Ситуация усугубилась после майского переворота 1926 г., в результате которого власть перешла в руки лагеря, связанного с Юзефом Пилсудским. Отныне правящий лагерь стремился не только ограничить свободу оппозиционной печати, но и принимал различные меры для овладения коммерческими и независимыми изданиями и по созданию печатных органов, непосредственно находившихся в его подчинении. Существовали в нём также тенденции к тотальному контролю политической жизни, а тем самым к установлению прямого контроля над печатью. Однако, будучи внутренне разобщённым, он не смог создать полностью централизованной системы подчинения даже той печати, которая солидаризовалась с ним. Но, тем не менее, после 1926 г. ввиду мер, принятых пилсудчиками, печати было всё труднее сохранить независимость, особенно газетам, нацеленным на получение прибыли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dziennik Urzędowy MSW Nr.12 1919 r. – Warszawa: dnia 18 lutego 1919 r.
2. Encyklopedia PWN, Polska. Środki przekazu. Prasa [Электронный ресурс]: энциклопедия – Режим доступа: <http://encyklopedia.pwn.pl/haslo/4575131/polska-srodki-przekazu-prasa.html> – Дата доступа: 20.11.2013.
3. Gomółka K., Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka // Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia. - 1992. - Nr XXXI. - S. 116.
4. Paczkowski, A. Prasa polska w latach 1918-1939 / Andrzej Paczkowski - Warszawa : PWN, 1980 – 534 s.
5. Paczkowski, A. Prasa w życiu politycznym drugiej rzeczypospolitej / Andrzej Paczkowski // Dzieje najnowsze . – 1978. - Nr.3 . – S. 29 – 56.
6. Конституция Польской республики (17 марта 1921 года с изменениями по закону 2 августа 1926 г.)// Конституции государств мира [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/742>. – Дата доступа: 20.04.2013.
7. Кореневская? О. Особенности Западнобелорусского возрождения (на примере периодической печати) / О. Кореневская // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2003. - №20. – С.69-89
8. Приказ №56 Коменданта Государственной полиции 14-го Полесского округа от 10 августа 1923 г. // Государственный архив Брестской области – Фонд 92. – Оп. 1. – Д. 4. – 150 Л.
9. Приказ №58 Коменданта Государственной полиции 14-го Полесского округа 18 августа 1923 // Государственный архив Брестской области – Фонд 92. – Оп. 1. – Д. 4. – 150 Л.

САМОСЕВИЧ В.А.

Сотрудник Брестского государственного технического университета, г. Брест, Беларусь

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале XX века в Европе сформировались союзы соперничающих между собой государств: Тройственный союз с участием Германии, Австро-Венгрии, Италии и стран Антанты с участием Англии, Франции и России. Обострилась борьба за ресурсы, за рынки сбыта и за колонии. Мировое сообщество скатывалось к мировой войне, как последней возможности разрешить существующие противоречия. Только Россия, выполняя завет Александра III о решении спорных вопросов мирным путём, пыталась остановить развязывание войны. Она инициировала созыв первой и второй Гаагских конференций. Во второй приняло участие 44 государства. Принято 13 конвенций, касающихся законов и обычаев войны, прав и обязанностей нейтральных сторон.

Исходя из интересов России в будущем мировом конфликте ей следовало оставаться нейтральной страной. Но вопреки своим национальным интересам она вступила в Антанту.

Посмотрим, как складывались отношения России с ведущими странами мира. Великобритания и Франция поддержали Японию в русско-японской войне 1904-1905 годов. В 1908 году Англия и Франция не поддержали протест России, Турции и Сербии и Австро-Венгрией была оккупирована Босния и Герцеговина. В начале 1914 года Англия не идёт на подписание оборонительного союза с Россией.

Уже из этих фактов можно понять, что союзники России по блоку будут исходить только из собственных интересов и не выполнять возложенные договорённости и обязательства. Можно привести такие примеры. Во Франции были заказаны и оплачены моторы для самолётов Сикорского, но они так и не прибыли, а Великобритания пропустила германские корабли в Турцию, чтобы Россия не заняла Константинополь.

С Германией в 1905 году Россия заключила военный союз, в 1911 году Потсдамский договор, согласно которого Германия обязалась не поддерживать Австро-Венгрию на Балканах, а Россия не поддерживать враждебную политику против Германии.

Премьер-министр России П.Столыпин проводил внешнюю политику страны под девизом «Мир во что бы то ни стало». Он ясно понимал, что Россия не готова к войне и война погубит её переустройство. И настоял во время Балканского кризиса 1908 года на не объявлении войны Австро-Венгрии и её союзнице Германии [1].

Что касается военно-экономического развития, то по валовому промышленному производству Россия занимала 5-е место в мире после США, Германии, Англии и Франции. По протяжённости железных дорог 2-е место в мире после США. По численности населения 3-е место в мире.

Военные расходы в 1913 году составили: Германии – 925 млн. рублей, России -826 млн. рублей, Великобритании -729 млн. рублей. По численности солдат в строю 1,4 млн. человек Россия занимала 1-е место в мире. Финансовые расходы на одного военнослужащего составляли: Германия – 1180 рублей, Россия -590 рублей.

После русско-японской войны сила армий стала определяться качественными показателями. Например, такими показателями как насыщенность войск новыми видами вооружения. Тяжелая артиллерия: Германия имела - 3000 орудий, Россия – 240 орудий. Пулемёты: Россия в 2 раза меньше среднемирового уровня, а Германии в 3 раза. Военно-воздушные силы: Франция-525 самолётов, Германия -300 самолётов, Россия – 150 самолётов. По развитию военно – морского флота Россия находилась на уровне второразрядных государств Италии, Австро-Венгрии и Японии.

В 1913 году на трёх крупных оружейных заводах Тульском, Ижевском и Сестрорецком нагрузка мощностей составляла 12 процентов. Программа накопления вооружений в 1913 году была не выполнена.

В России не было производства: зенитных орудий, авиационных моторов, бомбомётов, миномётов и танков.

Генеральный штаб России потребность в вооружениях определял на опыте русско – японской войны, что явно не хватало для ведения боевых действий при затяжном характере войны. Ошибочными были взгляды военного руководства России на проведение мобилизации и перспективы ведения войны. Германия имела план Шлиффена. Только в 1908 году началась реорганизация Российской армии, а с 1913 года «Большая программа» по усилению армии, расширению военно-морского флота рассчитанная на 4 года. В то время Германия и Австро-Венгрия завершили в 1913 году свои программы перевооружения.

Таким образом , Россия по качественным показателям характеризующим её индустриализацию являлась развивающейся аграрно –индустриальной державой обладающей огромными потенциальными возможностями.

По уровню индустриализации общества и экономическому потенциалу Россия наряду с Японией входила в 3-ю группу индустриально – развивающихся государств[2].

Выводы:

1. России не нужно было вступать в Первую мировую войну.
2. Россия не была подготовлена к ведению войны, ни тем более длительной войне.
3. Россия вступила в войну под влиянием Англии и Франции.
4. На развитие военно-морского флота выделялись огромные деньги , а требовалось уделять внимание сухопутным войскам, их вооружению.
5. Версальский мир заключённый без России привёл ко Второй мировой войне, потому что был несправедливым. А Ялтинские соглашения продолжают обеспечивать мирное сосуществование в мире.
6. Вступление России в первую мировую войну привело к Октябрьской революции, рождению БССР и Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА:

1. www.protown.ru
2. А.Степанов. «Место России в мире перед I Мировой войной, iiki.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРЕНТЬЕВ В.О. БОИ НА РЕКЕ СТРЫПА. ДЕКАБРЬ 1915 ГОДА.....	3
ПАПАКИН А.Г. УСЛОВИЯ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА УКРАИНЫ С ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ДЕРЖАВАМИ В ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1918 ГОДА.....	6
БОРИСЮК Ю.В. КОБРИНЩИНА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ.....	8
БОГОМАЗ О.В. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НА БРЕСТЧИНЕ В 1920-1930-е ГОДЫ, ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ.....	10
ПИВОВАРЧИК С.В. ГРОДЗЕНСКАЯ КРЭПАСЦЬ НАПЯРЭДАДНІ І Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ.....	13
БАЮРА В.Н. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	20
СКАРЖИНСКИЙ Е. ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ ГРОДНЕНЩИНЫ.....	22
ШОРОХ В.С., БОРИСОВ В.В. СИСТЕМА ФОРТОВ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ.....	26
ДРУПОВ А.Ю. УМАЦАВАНАЯ АРТЫЛЕРЫЙСКАЯ ПАЗІЦЫЯ ЛЯ ВЁСКІ ЧУХНЫ.....	30
АСТАПОВІЧ А.А. НАТУРНЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ ФАРТЫФІКАЦЫЙНАГА АНСАМБЛЮ 1915 – 1918 ГГ. НА ЗАХОДНІМ БЕРАЗЕ ЗАДЗЕЕЎСКАГА ВОЗЕРА У ПАСТАЎСКІМ Р-НЕ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛ.	34
КИЕНКО Д.Г., СЛИВКИН В. АЭРОДРОМ ЛИДА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	36
ДЕМЯНЧИК В.Т., ДЕМЯНЧИК В. В. «ВЫГОНОЩАНСКАЯ ФОРТЕЦІЯ» В СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	39
КАРОЗА А.И. ПАМЯТНИКИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ.....	44
ГЛАДЫЩУК А.А. БЕРЕСТЕЙСКИЙ ЗАМОК – ДРЕВНЕЙШАЯ ФОРТЕЦІЯ БЕЛАРУСИ.....	46
БЕСПАНСКИЙ С.И. ПОЛНЫЕ ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ ВЕЛИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ - УРОЖЕНЦЫ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ.....	54
БИЛЕВИЧ О.И. НИКОЛАЙ ЮДЕНИЧ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ВОЕНАЧАЛЬНИК ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	58
КОЛЕСИНСКИЙ В.Ф., БУРЫЙ В.В. ПОДВИГ РИММЫ ИВАНОВОЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	62
БАЮРА А. Н. ОККУПАЦИОННЫЕ БАНКНОТЫ И МОНЕТЫ ГЕРМАНИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	63
СТАРОВОЙТОВ И.А. ОККУПАЦИОННЫЕ МОНЕТЫ СЕРБИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	66
КРЫЦУК Р.И. МАНЕТЫ І МАНЕТАВІДНЫЯ ЖЭТОНЫ ЧАСОЎ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ І ГРАМАДЗЯНСКАЙ ВАЙНЫ НА ТЭРРЫТОРЫІ РАСІЙСКАЙ ІМПЭРЫІ.....	69
БАСОВ С.В., БОСАК В.Н., ГНАТЮК С.П. РОЛЬ ЯНА БУЛГАКА В РАЗВИТИИ ПЕЙЗАЖНОЙ ФОТОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	71
ВАВРЕНЮК И.И. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ГОРОДЕ БРЕСТЕ В 1921 - 1939 гг.	73
КОРОЛЬ А.И. ПОЛЬСКАЯ ПРЕССА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	79
САМОСЕВИЧ В.А. ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	81

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА НА БЕЛАРУСИ

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

II Международной научно-практической конференции

15 декабря 2013 г.

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск: Панченко Т.А.

Редактор: Боровикова Е.А.

Компьютерная вёрстка: Боровикова Е.А.

Корректор: Никитчик Е.В.

ISBN 978-985-493-291-0

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.

Подписано в печать 15.04.2014 г. Гарнитура «Arial Narrow».

Формат 60×84 1/16. Бумага «Снегурочка». Уч. изд. л. 9,77.

Усл. печ. л. 10,5. Заказ № 1355. Тираж 60 экз.

Отпечатано на ризографе Учреждения образования

"Брестский государственный технический университет".

224017, г. Брест, ул. Московская, 267.